ВОЗВРАТНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛОВЪ

ВЪ

ЛИТОВСКОМЪ И ЛАТЫШСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. К. Поржезинскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1903.

Извлечено изъ Историко-Филологическаго Отдѣла Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета.

БИБЛИОТЕКА
Общественных Нау
Академии Наук СССР
736
56

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе		V
Списокъ важнѣйшихъ источниковъ и сокращеній		IX
Глава I.	Образованіе формы возвратнаго залога въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ	1
„ II.	Значенія формы возвратнаго залога въ литовскомъ языкѣ	12
„ III.	Значенія формы возвратнаго залога въ латышскомъ языкѣ	63
„ IV.	Значеніе и образованіе возвратной формы въ литовско-латышскомъ и общебалтійскомъ языкахъ	84
„ V.	Явленія славянскихъ и нѣкоторыхъ другихъ родственныхъ языковъ	99
„ VI.	Общіе выводы	105

Выпуская въ свѣтъ настоящее изслѣдованіе, я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о той цѣли, которую я преслѣдовалъ, остановившись на вопросѣ о значеніи и происхожденіи возвратной формы глаголовъ въ балтійскихъ языкахъ.

Уже въ предисловіи къ моей магистерской диссертаціи я указалъ на то, что, по моему мнѣнію, въ настоящее время главное вниманіе лингвистовъ должно быть обращено на детальную разработку исторіи отдѣльныхъ вѣтвей и ихъ отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ составъ семьи индоевропейскихъ языковъ. Взявъ на себя задачу пересмотрѣть въ рядѣ спеціальныхъ монографій, по мѣрѣ возможности, всѣ вопросы въ области спряженія глаголовъ въ балтійскихъ языкахъ, я сперва разсмотрѣлъ образованіе формъ лица и основъ времени, частію наклоненія и въ настоящее время, во второй монографіи изъ задуманной серіи, я остановился на формѣ залога. Хорошо сознавая всѣ трудности этой работы, я тѣмъ не менѣе рѣшилъ избрать для второй монографіи именно эту тему.

Вопросъ о формахъ залога въ индоевропейскихъ языкахъ принадлежитъ къ числу наименѣе затронутыхъ областей изслѣдованія, но по отношенію къ балтійскимъ языкамъ этого сказать нельзя. Въ лингвистической литературѣ мы имѣемъ два труда, посвященные указанному предмету; одинъ принадлежитъ проф. Г. К. Ульянову («Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть. Основы, обозначающія различія по залогамъ». Варшава. 1891), другой—академику Ф. Ѳ. Фортунатову («Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ», Спб. 1897). Въ первой части своего критическаго разбора Ф. Ѳ. Фортунатовъ подвергъ разсмотрѣнію выводы упомянутой 1-й части большаго двухтомнаго труда Г. К. Ульянова и указалъ тотъ путь, которымъ должна идти разработка вопроса о формахъ залога въ балтійскихъ языкахъ. Въ позднѣйшей своей ра-

ботѣ, написанной по просьбѣ редакціи Словаря великорусскаго языка, издаваемаго II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ остановился на формахъ залога въ русскомъ языкѣ («О залогахъ русскаго глагола» въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV, кн. 4); въ этой статьѣ онъ высказалъ снова, путемъ разбора явленій русскаго языка, свои общіе взгляды на то, что̀ такое форма залога вообще. Отправляясь отъ взглядовъ моего дорогаго учителя, извѣстныхъ мнѣ кромѣ того изъ его университетскихъ лекцій и частныхъ бесѣдъ, я и предпринялъ попытку разобраться въ фактахъ балтійскихъ языковъ, составляющихъ предметъ настоящаго изслѣдованія. Насколько это мнѣ удалось, судить не мнѣ, и я, быть можетъ, слишкомъ поспѣшилъ, выпуская въ свѣтъ свою работу, быть можетъ, она выиграла бы, если бы, по примѣру извѣстнаго труда Іоганна Шмидта (см. его предисловіе къ Pluralbildungen der Neutra), пролежала годъ въ ящикѣ письменнаго стола и затѣмъ подверглась бы пересмотру и новой обработкѣ. Въ данномъ случаѣ я имѣлъ бы возможность собрать болѣе разнообразный матеріалъ изъ говоровъ литовскаго и латышскаго языковъ. Позволяю себѣ, однако, думать, что и при настоящемъ положеніи дѣла я привелъ достаточное количество примѣровъ, чтобы показать, что разсматриваемыя мною явленія не представляютъ чего-либо случайнаго и діалектическаго.

Въ оправданіе того выбора старыхъ текстовъ, который я сдѣлалъ, я долженъ сказать, что проповѣди Ширвида взяты мною въ виду сравнительной чистоты ихъ языка, чѣмъ они выгодно выдѣляются на общемъ фонѣ извѣстныхъ мнѣ восточнолитовскихъ духовныхъ произведеній. Изданіе большаго сборника проповѣдей Даукша, предпринятое Э. А. Вольтеромъ, увидитъ свѣтъ, по всей вѣроятности, еще не скоро, катихизисомъ же Даукша я не воспользовался въ виду однообразія и сухости его языка. Старымъ латышскомъ катихизисомъ, изданнымъ Бецценбергеромъ въ серіи литовскихъ и латышскихъ текстовъ XVI и XVII в., по моему мнѣнію, слѣдовало бы заняться отдѣльно, чтобы выяснить окончательно особенности его діалекта.

Что касается самого изложенія, то я, сберегая мѣсто и время, отказался отъ мысли при каждомъ глаголѣ въ возвратной формѣ

привести его значеніе въ невозвратной формѣ. Это значеніе легко опредѣляется изъ словарей, а помимо того я вправѣ предположить, что читатель моей книги, вникающій во всѣ ея детали, знакомъ непосредственно и съ литовскимъ, и съ латышскимъ языкомъ.

Въ виду того, что примѣры взяты мною изъ разныхъ діалектовъ и изъ разныхъ по времени текстовъ, я долженъ былъ отказаться отъ мысли передать ихъ въ однообразной орѳографіи. Особенно это было бы затруднительно по отношенію къ литовскому языку, гдѣ въ цѣломъ рядѣ записей, напр., не обозначено различіе между восходящимъ и нисходящимъ удареніемъ не на дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, не отмѣчено частью различіе въ количествѣ и т. д. Сохраняя всюду правописаніе источниковъ, я въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ привожу какіе-либо примѣры отъ себя, пользуюсь тѣми пріемыми передачи звуковъ литовскаго и латышскаго языковъ, къ которымъ я вообще привыкъ, и которые усвоены мною отъ Ф. Ѳ. Фортунатова. Считаю при этомъ нужнымъ отмѣтить, что, на мой взглядъ, нелѣпо въ лингвистическихъ трудахъ передавать звуки латышскаго языка при посредствѣ пріемовъ обычной латышской графики. Въ виду большой близости литовскаго и латышскаго языковъ основанія правописанія должны быть и тамъ и здѣсь одинаковы, по крайней мѣрѣ, для лингвистовъ. Этимъ, конечно, нисколько не предрѣшается вопросъ объ орѳографическихъ пріемахъ національной письменности и того, и другаго народа, необходимость же однообразія въ этомъ отношеніи въ лингвистическихъ работахъ очевидна уже по причинѣ полной неустановленности литовскаго правописанія у самихъ литовцевъ и значительныхъ его колебаній у латышей.

Въ заключеніе я долженъ принести искреннюю и глубокую благодарность проф. М. М. Покровскому, дружески раздѣлявшему со мною утомительный трудъ чтенія части корректуръ. Это было дѣломъ нелегкимъ въ виду особенностей набора и недостатка въ типографскихъ средствахъ, благодаря чему приходилось составлять знаки изъ нѣсколькихъ частей, подпиливать, подрѣзать буквы и т. п.

Москва. Апрѣль 1903 года.

Списокъ важнѣйшихъ источниковъ и сокращеній.

Berneker, Pr. Spr. E. Berneker. Die preussische Sprache. Strassburg. 1896.

Bezzenberger. LDST. A. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.

Bezzenberger, Spr. Pr. L. A. Bezzenberger. Ueber die Sprache der preussischen Letten. Gottingen. 1888.

Bielenstein, Lett. Spr. A. Bielenstein. Die Lettische Sprache. Berlin. 1863—1864.

Bielenstein, Lett. Gr. A. Bielenstein. Lettische Grammatik. Mitau. 1863.

Kurschat, Gr. Fr. Kurschat. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle 1887,

Schleicher, Handb, Gr. A. Schleicher. Handbuch der Litauischen Sprache. Prag. 1856—1857.

Bezzenberger, Forsch. A. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.

Bezzenberger, Beitr. A. Bezzenberger. Beiträge sur Geschichte der Litauischen Sprache. Göttingen. 1887.

Litauische und Lettische Drucke des 16. und 17. Jahrhunderts, herausgegeben von A. Bezzenberger. (въ I выпускѣ напечатанъ литовскій Катихизисъ 1547 г., во 2-мъ Forma chrikstima, въ 4-мъ Punktay Sakimu Ширвида).

L. Geitler, Litauische Studien. Prag. 1875.

Juškevič. Lietuviškos Dájnos. Казань. 1880—1882.

Leskien-Brugmann. Litauische Volkslieder und Märchen gesammelt von A. Leskien und K. Brugmann. Strassburg. 1882.

Mitteilungen, Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft.

Ulanowska, Łotysze Inflant polskich a w szczególności gminy Wielońskiej, powiatu Rzeżyckiego. Obraz etnograficzny. Cz. III. (напечатано въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem Komisyi antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie, t. XVIII, Kraków. 1895, стр. 232 сл.).

Вольтеръ, Катихизисъ Даукши. Литовскій Катихизисъ Н. Даукши, перепечатанный Э. Вольтеромъ. Спб. 1886.

Кантычки 1865 г. Кантычкасъ арба книига гѣсмю паръ М. Волончевски. Вильнюй. 1865.

Спрогисъ, Сборникъ пѣсенъ. Иванъ Спрогисъ. Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильна. 1868.

Трейландъ, Сборникъ пѣсенъ. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва. 1873. (Здѣсь помѣщенъ упомянутый сборникъ).

Трейландъ, Матеріалы. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Подъ редакціей Ѳ. Я. Трейландъ (Бривземніаксъ) Москва. 1881. (Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XL. Труды этнографическаго отдѣла книга VI).

Юшкевичъ, Сборникъ пѣсенъ. И. А. Юшкевичъ. Литовскія народныя пѣсни съ переводомъ на русскій языкъ Спб. 1867. (Приложеніе къ XII-му записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 1).

Уляновская, Матеріалы см. выше: *Ulanowska* и т. д

Ф. Фортунатовъ и Всев. Миллеръ. Литовскія народныя пѣсни. Москва. 1872. (Оттискъ отъ Университетскихъ Извѣстій).

Остальныя цитаты понятны или по тому, что сокращенія общеупотребительны, или по тому, что полностью названо заглавіе указываемаго труда.

ГЛАВА I.

Образованіе формы возвратнаго залога въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ.

Для образованія формы возвратнаго залога въ балтійскихъ языкахъ служатъ, во-первыхъ, особыя окончанія формъ лица, инфинитива, супина, причастій и дѣепричастій, а, во-вторыхъ, формы возвратнаго залога отличаются отъ соотвѣтственныхъ образованій невозвратной формы особою приставкою; послѣдній типъ извѣстенъ исключительно лишь при условіи наличности сложенія глагольной основы съ другою или другими приставками кромѣ той, которая служитъ для образованія возвратнаго залога; ср. напр. лит *kéltis*— подниматься (Brugmann P., p. 172), *kélkis* — поднимайся, поднимись (ib. p. 232), (*žmogùs*) *atsikẽlęs* (*apsidaírė*)—поднявшись—(Schleicher II, p. 122) при *kelù*—поднимаю, *àtkelu*—(что-нб. лежащее) поднимаю, лат. *целя̂с*—поднимается (Спрогисъ, стр. 18, № 7), *obielnijcys pazaciela*—яблоня поднялась (Ulanowska, p. 368) при *celu, ce'lt* — поднимать, *pace'lt*—поднять. При этомъ я долженъ замѣтить, что сложные глаголы образуютъ форму возвратнаго залога и по первому типу; послѣднее наблюдается довольно часто въ латышскомъ и сравнительно рѣдко въ литовскомъ языкѣ; ср. напр., лит. *apdingiasi* (Szyrwid P. S., p. 112, 21), лит. *patrauzi̊si* (Bielenstein, II, p. 136). Сверхъ того должны быть отмѣчены, такъ сказать, двойныя образованія возвратной формы сложныхъ глаголовъ, гдѣ вмѣстѣ соединены оба типа; ср. лит. *nůsidůstisi* (Forma, p. 36, 15), лит. *nůsalikti̊s* (Bielenstein, II, p. 137).

Если мы обратимся теперь къ вопросу о происхожденіи указанныхъ выше обоихъ типовъ образованій формы возвратнаго залога, то найдемъ, что оба они сводятся въ сущности къ одному типу, именно форма возвратнаго залога образовывалась нѣкогда путемъ присоединенія къ соотвѣтственному образованію невозвратной фор-

мы такъ называемаго возвратнаго мѣстоименія въ извѣстной падежной формѣ, при чемъ у глаголовъ не сложныхъ съ приставками оно присоединялось къ самому окончанію. Впослѣдствіи, когда и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ произошло сокращеніе старыхъ долготъ въ конечномъ слогѣ слова при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, возникло нѣкоторое различіе въ части образованій обоихъ залоговъ и по отношенію къ гласнымъ самихъ глагольныхъ окончаній. Далѣе, вслѣдствіе того обстоятельства, что гласная въ окончаніи возвратнаго мѣстоименія, при употребленіи этого послѣдняго въ качествѣ постпозиціи, была подвижной, въ большинствѣ говоровъ литовскаго языка и въ латышскомъ языкѣ въ ихъ обычномъ употребленіи получилось въ окончаніи разсматриваемыхъ образованій одно—*s*. Итакъ, въ результатѣ оба типа формы возвратнаго залога вслѣдствіе причинъ чисто фонетическихъ разошлись въ современномъ состояніи обоихъ языковъ настолько, что могутъ быть разсматриваемы говорящими, какъ до извѣстной степени самостоятельныя образованія; непосредственное чувство родственной связи между ними по происхожденію частію уже потеряно.

Переходя отъ общихъ указаній къ подробностямъ, я прежде всего остановлюсь на первомъ типѣ образованій формы возвратнаго залога.

Во второй главѣ изслѣдованія «Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ» я разсмотрѣлъ исторію личныхъ окончаній формъ времени и наклоненія между прочимъ и въ возвратномъ залогѣ. Не повторяя, въ виду этого, полностью всѣхъ относящихся сюда данныхъ, я приведу только въ видѣ таблицы упомянутыя окончанія съ нѣкоторыми необходимыми дополненіями и разъясненіями.

Примѣчаніе къ таблицѣ на стр. 3. Окончанія—*ësi* и—*aisi* въ формѣ повелительнаго наклоненія—различнаго происхожденія: первое принадлежитъ искони основамъ на—*a* въ качествѣ окончанія 3-го л.; второе мы находимъ въ окончаніи 2-го и 3-го л. ед. ч. основъ на—*ō*. О нѣкоторыхъ новообразованіяхъ см. «Къ исторіи», стр. 28 сл., при чемъ я долженъ замѣтить, что изъ образованій разсматриваемаго типа намъ засвидѣтельствованы въ дѣйствительности слѣдующія: *Gaylies* (Bezzenberger Gesch. p. 222) — 2-ое л. ед. ч.; образованія типа *te sukẽs* (такъ называемый пермиссивъ); *sedaysi* (Ширвидъ, P. S. 15, 4)—2-ое л. ед. ч. (глаголъ нетематическаго спряженія).

Литовскій языкъ.

ОКОНЧАНІЯ ФОРМЪ ЛИЦА.

Лицо и число.	ФОРМЫ ВРЕМЕНИ.					ФОРМЫ НАКЛОНЕНІЯ.		Основы желательнаго наклоненія.
	Основы не тематическ. спряжен.	Основы на *a*, твердыя и мягкія.	Основы на *i*.	Основы на *o*.	Основы на *e*.	Основы повелит наклоненія. на *ki*.	Прочія основы	
1-е л. ед. числа.	*-mėsi.*	*-ů̊si.*	*-'ů̊si.*	*-ausi.*	*-'ausi.*	—	—	*-czausi* *-czosi.*
2-е л. ед. числа.	*-sėsi.*	*-ėsi.*	*-ësli.*	*-aisi.*	*-eisi.*	*-kis.* *-kës.*	*-esi;* *-aisi.*	*-tumbeis* *-tumeis.* *-tumės.*
3-е лицо всѣхъ чис.	*-tisi.*	*-asi*	*-isi.*	*-ōsi.*	*-ėsi.*	—	*-ėsi;* *-aisi.*	*-tų̨s.* —
1-е л. дв. числа.	*-°vōsi; -°ausi; -°viausi(?).*							
2-е л. дв. числа.	*-°tōsi; -°tausi.*							
1-е л. мн. числа.	*-°mėsi; -°mōsi.*							
2-е л. дв. числа.	*-°tesi.*							

Въ окончаніи инфинитива въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ въ литовскомъ языкѣ: 1)—*tėsi*, 2) — *tisi*. Въ невозвратной формѣ инфинитивъ оканчивается, какъ извѣстно, на-*ti* и -*të*, при

чемъ въ *-ti* гласная *i* были подвижной уже въ пралитовскую эпоху; наконецъ существуетъ еще третье окончаніе *-te*.

Мнѣ кажется, мы имѣемъ право въ образованіяхъ на *-ti* видѣть, во-первыхъ, старый дательный падежъ ед. ч. отглагольныхъ именъ существительныхъ съ суффиксомъ *-ti*. Именныя основы на *-i* сохранили старое образованіе дат. ед. ч. далеко не во всѣхъ говорахъ литовскаго языка. Среднелитовское и современное мемельское нарѣчіе представляютъ здѣсь новообразованіе по аналогіи именъ ж. р. типа *valdžà*: ср. напр. *nãkczai* въ говорѣ грамматики Куршата, *nãkte* въ строго-мемельскомъ нарѣчіи. Въ восточнолитовскомъ нарѣчіи мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-i* при болѣе старомъ *ii*, извѣстномъ намъ изъ нѣкоторыхъ старыхъ текстовъ и изъ грамматики 1737 года; Бецценбергеръ приводитъ слѣдующія данныя изъ Кейданскихъ изданій: *wieszpatii*, *smerti*. Въ старыхъ мемельскихъ текстахъ мы находимъ также *-ii* при *-i*: *Wieschpatiy* (Виллентъ), *ischmintiy* (Зенгштокъ), Bezzenberger, Gesch., p. 127. Что касается приведеннаго Бецценбергеромъ *prapultie* изъ Margarita Theologica, то я не могу видѣть здѣсь сокращенія суффикса *-ei*, какъ думаетъ Бецценбергеръ, и отношу этотъ примѣръ къ тѣмъ нерѣдкимъ случаямъ, гдѣ гласная *i* передается буквою *e*; такое написаніе встрѣчается нерѣдко въ памятникахъ мемельскаго и среднелитовскаго нарѣчій, извѣстно оно и изъ даннаго памятника, ср. *ingewenanczin* (Gesch., p. 57). Въ жемайтскомъ нарѣчіи мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы въ сѣверозападныхъ говорахъ *-e'i*, въ юговосточныхъ *-i* (кс. Явнисъ, статья о говорахъ Россіенскаго уѣзда въ Памятной книжкѣ Ковенской губерніи на 1893 г., стр. 34 отд. оттиска). Звукамъ, являющимся въ этихъ жемайтскихъ окончаніяхъ, соотвѣтствуетъ обыкновенно въ среднелитовскомъ нарѣчіи *-ė*. Итакъ, данныя различныхъ нарѣчій литовскаго языка показываютъ съ достаточною очевидностью, что общелитовскимъ языкомъ было получено изъ литовсколатышскаго языка особое окончаніе дат. ед. ч. именъ съ основами на *-i*, при чемъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ это характерное окончаніе стало вытѣсняться новообразованіемъ на *-'ai*; среднелитовское нарѣчіе утратило старое окончаніе совершенно, повидимому, съ давнихъ поръ; въ мемельскихъ говорахъ оно исчезало лишь постепенно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ данныя старыхъ текстовъ (въ Сборникѣ проповѣдей 1573 г. мы находимъ напр. *smertã*

при *smertei*, Mitteilungen, V, p. 124); жемайтское и восточнолитовское нарѣчія сохранили разсматриваемое окончаніе, хотя, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе западныхъ восточнолитовскихъ говорахъ частью извѣстно и новообразованіе на *'ai*.

Латышскій языкъ представляетъ въ окончаніи дат. ед. ч. именъ съ основами на *-i* дифтонгъ *-ij* при болѣе обычномъ *-i*. Съ этимъ латышскимъ *-ij*, очевидно, тождественно мемельское и восточнолитовское *-ij*, и возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ объ отношеніи къ *-ij* приведенныхъ выше жемайтскихъ окончаній, указывающихъ на общежемайтское *-ē*. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ окончаніи разсматриваемой формы существовало сочетаніе *- iəi̯* съ первымъ *i* частью слоговымъ, частью неслоговымъ. Можно, мнѣ кажется, думать, что литовскославянскій языкъ получилъ отсюда не *-iăi̯*, а именно *- iei̯*, гдѣ *e* имѣло ту же исторію, какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ оно приходилось въ положеніи послѣ *i* слоговаго и *i* неслоговаго. Не останавливаясь на всѣхъ подробностяхъ этой исторіи, изложенной Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ его университетскихъ лекціяхъ по литовскому языку, замѣчу, что я вслѣдъ за нимъ принимаю слѣдующія положенія: гласная *e* въ положеніи послѣ *i* слоговаго и *i* неслоговаго измѣнилась въ направленіи къ *i* еще въ литовскославянскомъ языкѣ; сочетаніе *ii* (гдѣ второе *i* изъ *e*) въ общебалтійскомъ языкѣ стянулось въ *ī*, а сочетаніе *i̯i* (гдѣ второе *i* изъ *e*) утратило здѣсь въ положеніи послѣ согласной *i̯*; въ общеславянскомъ языкѣ сочетанія *ii* и *i̯i* дали не въ конечномъ слогѣ словъ неодносложныхъ *ī*, а при послѣднемъ фонетическомъ положеніи отсюда сочетаніе *i̯i*, гдѣ *i̯* имѣло ту же исторію, какъ и всякое *i̯*; ср. лит. *gaidȳs*, *žõdis*, основу *bi-* въ составѣ желательнаго и стсл.: часть именъ класса **конь**, **бн-**, **дождь**. Въ сочетаніи *-iei̯* съ *i* слоговымъ и *i* неслоговымъ гласная *e* входила въ составъ дифтонга, и потому, послѣ измѣненія ея въ направленіи къ *i*, общебалтійскій языкъ получилъ въ окончаніи разсматриваемой формы непосредственно сочетаніе *iii̯*, гдѣ первое *i* было частью слоговымъ, частью неслоговымъ. Отсюда должно было въ результатѣ получиться одинаково *-ii̯*, такъ какъ группа *iii̯* черезъ посредство *ī i̯* дала *ii̯* а группа *iii̯* дала *ii̯* по исчезновеніи *i̯*. Въ славянскихъ языкахъ и та, и другая группы совпали въ одной группѣ *iii̯*, которая еще въ эпоху единства этихъ языковъ дала въ результатѣ *i̯ī*, гдѣ *i̯* было

въ результатѣ утрачено нефонетическимъ путемъ подъ вліяніемъ окончанія другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же именъ, не имѣвшихъ *i̯*. Произошла ли эта утрата до эпохи измѣненія группы «согласная+*i̯*», или послѣ этой эпохи, когда эта группа, уже измѣнившаяся извѣстнымъ образомъ, была замѣнена согласной несмягченной, рѣшить нельзя. Такимъ образомъ объясняется дат. ед. **кости, пѫти.**

Итакъ, въ окончаніи дат. ед. ч. именъ съ основами на *i* общебалтійскій яз. получилъ въ результатѣ дифтонгъ *-ii̯*. Изъ этого *-ii̯* и объясняются какъ литовское, такъ и латышское *-ii̯*. Что же касается жемайтскихъ окончаній - *e'i̯* и *-i*, то и они, по моему мнѣнію, восходятъ къ общелитовскому *-ii̯*, совпавшему въ этомъ нарѣчіи съ общелитовскимъ *ë*.

Возвращаюсь теперь къ исторіи окончаній инфинитива. Изъ предшествующаго изложенія видно, какъ я смотрю на происхожденіе суффикса *-ti*, по крайней мѣрѣ, въ части разсматриваемыхъ образованій, а нѣкоторые факты наводятъ меня на мысль, что въ формѣ инфинитива на *-ti* въ балтійскихъ языкахъ совпали два различныхъ образованія. Мнѣ пришлось уже говорить объ этомъ въ статьѣ «Явленія конца слова въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ», помѣщенной въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову» (отдѣльно и какъ XLVIII, XLIX тт. Р. Ф. В.), стр. 629 сл. Здѣсь я указалъ на то, что и въ славянскихъ, и въ балтійскихъ языкахъ мы находимъ несомнѣнныя указанія на старое мѣсто ударенія въ части образованій неопредѣленнаго на *-ti* отъ основъ непроизводныхъ глаголовъ не на корнѣ, а на окончаніи. Такое мѣсто ударенія сохранялось въ литовскомъ языкѣ въ эпоху общелитовскую и существовало еще въ то время, когда возникъ законъ объ измѣненіи краткихъ *a* и *e* подъ удареніемъ не въ конечномъ слогѣ словъ въ *a* и *e* полудолгія; объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ литовскомъ языкѣ мы имѣемъ *nèszti*, *kàsti* (діалектическія *nẽszti*, *kãsti* нефонетическаго и сравнительно новаго происхожденія). Позволительно, мнѣ кажется, думать, что въ балтійскихъ и въ славянскихъ инфинитивахъ на *-ti* совпали двѣ различныхъ категоріи образованій: одна—это старые дательные падежи отъ основъ на *-ti* съ удареніемъ на основѣ, а другая—это старые мѣстные падежи отъ тѣхъ же основъ съ удареніемъ, падавшимъ въ извѣстной части та-

кихъ образованій на окончаніе. Само собою разумѣется, что обѣ эти категоріи смѣшались, и въ результатѣ получилась форма инфинитива на *-ti*, при чемъ мѣсто ударенія въ извѣстныхъ случаяхъ падало на окончаніе, въ другихъ на основу. Въ упомянутой моей статьѣ я далъ слѣдующее объясненіе литовскому *-ti*, какъ окончанію стараго мѣстнаго падежа: «оно имѣетъ *i* изъ *ė* съ длительной долготой, а это послѣднее получилось изъ *ei*, являющагося сокращеніемъ по фонетическимъ условіямъ стараго *ēi*. Указаніе на то, что отъ основъ на *-ti* балтійскіе языки получили старое индоевропейское образованіе мѣстнаго ед. ч. на *ēi* съ *i̯*, которое было подвижнымъ еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ, даетъ жемайтское нарѣчіе литовскаго языка, гдѣ мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-ė* изъ стараго сочетанія *-ėji*; такъ какъ жемайтское *ė* соотвѣтствуетъ среднелит. *ė*, то это жемайтское *e* черезъ посредство *ēji* восходитъ къ общелитовскому *-ējeˀ*, а въ составѣ этого *ējeˀ* вошло старое индоевропейское окончаніе мѣстнаго *ē(i̯)* въ сложеніи съ постпозиціей *-jeˀ*». Въ славянскихъ языкахъ гласная *ī* въ части образованій на *-ti* однородна по происхожденію съ гласной *-i* въ такихъ образованіяхъ мѣстнаго, какъ *kosti*. Въ формѣ возвратнаго залога, образующейся при помощи постпозиціи *-si*, оба типа образованій, совпавшіе съ теченіемъ времени въ формѣ невозвратной въ одномъ *-ti*, должны были различаться, а именно здѣсь должны были существовать окончанія *-tisi* и *-tėsi*. Въ литовскомъ языкѣ получилось далѣе слѣдующее: *-tė* было отвлечено изъ образованій возвратной формы, а съ другой стороны въ этой послѣдней распространилось образованіе на *-tisi*. Часть діалектовъ литовскаго языка сохранила и донынѣ при окончаніи *-t(i)* окончаніе *-tė*, равно какъ и въ возвратной формѣ *-tis(i)* при *-tės(i)*. Для среднелитовскаго нарѣчія это засвидѣтельствовано показаніями Шлейхера (Handbuch, I, p. 314) и Куршата (§ 1157); въ годлевскомъ говорѣ при *-t(i)* является и *-tė*, но въ возвратной формѣ извѣстно только *-tis* (Leskien-Brugmann, p. 316—317). Въ большинствѣ, однако, діалектовъ существуетъ при *-t(i)* въ возвратной формѣ *-tės(i)* или *-tis(i)*, частью и то, и другое вмѣстѣ. Куршатъ (въ грамматикѣ) даетъ *-t(i)* :*-tės(i)* , *tis(i)* (§ 1147), Шлейхеръ въ своей грамматикѣ даетъ для невозвратной формы *-t(i)*, для возвратной *-tis*, частью *-tės*; послѣднее окончаніе, по его словамъ, неизвѣстно въ мѣстности около Рагнита (Handbuch, I, p. 283). Для восточнолитовскаго нарѣчія я приведу слѣ-

дующія данныя: въ западномъ восточнолитовскомъ говорѣ грамматики 1737 г. даются окончанія: *-t* : *-ti* и *-tis* (стр. 27 и 59 изданія Розвадовскаго). Въ восточномъ говорѣ Ширвида мы находимъ при *-t* только *-tis* (ср. *prisipatogint* 62, 1, *regietis* 15, 7, *wadintis* 27, 4). Въ однихъ современныхъ говорахъ мы находимъ при *-t(i)* окончаніе *-tës* (ср. *niáuktës* стр. 70, *b$_a$eigt*, *baĩgti*, стр. 66 «Замѣтокъ» еп. Барановскаго). Въ другихъ при *-t(i)* является *-tis* (напр. Шадовскій говоръ, являющійся въ матеріалахъ, сообщенныхъ Концевичемъ: *rodavótis*, Mitteilungen IV, p. 45, *žvalgítis* IV, p. 41, *pasiváikščioti* IV, p. 41, *draskít*, IV, p. 41). Въ говорахъ жемайтскаго нарѣчія при *-t(i)* мы находимъ старое *-tės*, т. е. сѣверозападное *-eis*, юговосточное *-īs*, ср. въ сказкѣ, сообщенной Гейтлеру кс. Явнисомъ, *tèíktêis*, Geitler, Studien, 23; *юу́ктиис* : *jóу́ктэ́ис*, стр. 31 Описанія Россіенскаго уѣзда; приведенное Куршатомъ въ 1157 § *lìnksmintys* будто бы изъ Векшнь, очевидно, ошибочно, такъ какъ данный договоръ принадлежитъ къ сѣверозападной группѣ. Наконецъ, въ говорахъ мемельскаго нарѣчія мы находимъ въ возвратной формѣ частью *-tis*, частью *-tës* (ср. *apsitèptis*, Mitteilungen II, 32; примѣры для *-tës* изъ старыхъ текстовъ см. у Бецценбергера, Gesch., p. 228).

Въ латышскомъ языкѣ въ окончаніи инфинитива въ формѣ невозвратной мы находимъ *-t*, въ возвратной *-tės* при *-tis* Bielenstein LSp. II, p. 170). Итакъ, латышскій языкъ въ формѣ возвратной, образуемой при помощи постпозиціи, имѣетъ обыкновенно *-tës*, тождественное по происхожденію съ литовскимъ *-tės*, а въ формѣ невозвратной мы здѣсь имѣемъ въ литературномъ нарѣчіи *-t* изъ стараго *-ti*, сохраняющагося въ народныхъ говорахъ, тождественное по происхожденію съ литовскимъ *-ti* изъ *-të*, м. б. частью и съ литовскимъ *-ti* изъ *-tij*.

Супинъ имѣетъ въ литовскомъ яз. въ формѣ возвратнаго залога, образуемой посредствомъ постпозитивнаго *-si*, окончаніе *-tu̧s(i)*, гдѣ *u* должно имѣть долготу во всѣхъ говорахъ, такъ какъ старыя носовыя гласныя при положеніи не въ старомъ концѣ слова являются всюду некраткими; что касается до приводимаго Шлейхеромъ *lìnksmintus* (Handbuch I, p. 233), то я не знаю, насколько это дѣйствительно фактъ самаго языка по отношенію къ *u*; если Шлейхеръ точно передалъ количество упомянутой гласной, то краткость здѣсь во всякомъ случаѣ не можетъ быть старой, появилась же она подъ вліяніемъ крат-

кости *u* въ соотвѣтственномъ образованіи въ невозвратной формѣ, а въ говорѣ грамматики Шлейхера въ этомъ случаѣ краткость фонетическаго происхожденія, такъ какъ это говоръ не южный.

Причина появленія такого новообразованія именно въ разсматриваемой формѣ вполнѣ понятна: супинъ принадлежитъ къ числу глагольныхъ образованій, употребляющихся въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ какъ разъ въ возвратномъ залогѣ. Подтвержденіемъ правильности этого замѣчанія служитъ то обстоятельство, что въ окончаніи формы 3-го л. желательнаго наклоненія мы и въ говорѣ Шлейхера находимъ *-tūs* изъ стараго *-tųs* (p. 233).

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть еще образованія причастій и дѣепричастій въ формѣ возвратнаго залога, образуемой посредствомъ постпозитивнаго *-si*. Прежде всего замѣчу, что причастія этого типа въ литовскомъ языкѣ употребительны только въ формѣ именительнаго падежа. Тамъ, гдѣ форма именительнаго оканчивается на гласную, мы находимъ постпозитивное *-s(i)*, передъ которымъ сохраняется старая долгота, подлежавшая сокращенію въ открытомъ концѣ слова: ср. *melsdamès* (Schleicher, Handbuch, I, p. 233), *dėdavęsi* (ib.), *taridamesi*, *dziaugdamies* (Bezzenberger, Gesch., p. 232); при невозвратной формѣ ж. р. на *-i* мы находимъ у Куршата возвратную форму на *-is : sùkantis*, *mātantis* (§ 1149), Шлейхеръ даетъ *jů́kusis* при *jů́kusės* (ср. *didė́ji*); какъ *-is*, такъ и *-ės* представляютъ, понятно, извѣстное новообразованіе по отношенію къ гласной (въ *-is* нефонетическаго происхожденія краткость, а въ *ės* само качество гласной). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ форма именительнаго причастія, и гдѣ дѣепричастіе оканчиваются въ невозвратной формѣ на согласную, тамъ въ возвратной формѣ мы паходимъ въ окончаніи *-is:* ср. *mel̃džiąsis*, *mel̃džiantis* (Kurschat, § 1149); *jů́kęsis*, *léidžantis* (Schleicher, p. 233—234)). При этомъ, надо замѣтить, и Куршатъ, и Шлейхеръ знаютъ такія образованія, какъ *meẽdžiąsi*, *jů́kęsi*. Мнѣ кажется, что правъ Бецценбергеръ, видящій въ окончаніи *-sis* дважды присоединенное *-si* (*-ąs+si+s(i)*; къ этому мнѣнію его привело указанное Шлейхеромъ *voloimasis* (Geschichte, p. 231). Я, съ своей стороны, могу сослаться въ подтвержденіе правильности приведеннаго объясненія на упомянутыя уже *mel̃džiąsi jů́kęsi*, въ которыхъ нельзя не видѣть *meldžiąs+si*, *jůkęs+si*. Что касается показанія Куршата, будто въ такихъ образованіяхъ, какъ *sùkdamāsi*

гласная *a* окончанія *-āsi* является долгой, то я могъ бы понять это явленіе только, какъ сравнительно позднее новообразованіе подъ вліяніемъ отношенія, существующаго между соотвѣтственными окончаніями возвратной (съ постпозиціей) и невозвратной формы въ цѣломъ рядѣ другихъ образованій.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ исторіи образованія въ литовскомъ языкѣ различныхъ формъ возвратнаго залога изслѣдуемаго типа, я могу перейти теперь къ соотвѣтственнымъ даннымъ латышскаго языка. Прежде всего я приведу въ видѣ таблицы окончанія формъ лица.

Латышскій языкъ.

1-ое л. ед. ч. *-ů̊s*.

2-ое л. ед. ч. *-ès*.

3-ье л. *-as*, *-ȧs* (въ формѣ настоящаго); *-ȧs* (въ формѣ прошедшаго) *); *-ès* (въ формѣ будущаго).

1-ое л. мн. ч. *-mēs*, *-mès*, (въ средне-и верхнелатышскихъ говорахъ и въ языкѣ прусскихъ латышей, гдѣ извѣстно и *-mos*, заимствованное изъ литовскаго языка).

2-ое л. мн. ч. *-tēs*, *-tès* (въ восточнолатышскихъ говорахъ и въ языкѣ прусскихъ латышей).

Въ формѣ повелительнаго наклоненія мы находимъ тѣ же окончанія, что и въ соотвѣтственныхъ образованіяхъ изъявительнаго наклоненія. Что же касается условнаго наклоненія, то въ формѣ ед. ч. мы находимъ *-tů̊s* для 1-го и 2-го л.; форма 3-го л. обоихъ чиселъ оканчивается на *-tů̊s*, а въ 1-мъ л. мн. ч. являются въ окончаніи *-tumēs*, *-tumès* (см. выше); 2-ое л. мн. ч. оканчивается на *-tutēs*, *-tutès*.

О происхожденіи всѣхъ вышеприведенныхъ окончаній и объ отношеній ихъ къ соотвѣтственнымъ окончаніямъ въ невозвратной формѣ см. 2-ую главу моего изслѣдованія «Къ исторіи формъ спряженія».

О томъ, что въ формѣ возвратнаго залога въ латышскомъ языкѣ мы находимъ въ инфинитивѣ обычное *-tēs* при болѣе рѣдкомъ *-tis*,

*) Тамъ, гдѣ въ говорахъ является въ формѣ прошедшаго *-as* (ср. напр. Bezzenberger, L. Spr. p. 93), мы имѣемъ дѣло съ новообразованіемъ подъ вліяніемъ формы настоящаго времени.

являющемся въ народныхъ говорахъ, я говорилъ уже выше; тамъ же см. исторію этихъ окончаній.

Въ супинѣ мы находимъ въ возвратномъ залогѣ *-tûs* при *-tus* въ невозвратной формѣ. Отношеніе *-ů* къ *-u* объясняется, понятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь нѣкогда была носовая гласная, при чемъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что изъ стараго *-u-* мы ждали бы *-ū-*, не *-ů-*, (ср. *jùtu* при лит. *juntù*, *klůpu* при лит. *klumpù* и т. п.); *ů* объясняется здѣсь вліяніемъ соотношенія между *u* и *ů* въ другихъ образованіяхъ невозвратной и возвратной формы.

Что касается причастій, то въ современномъ языкѣ въ формѣ возвратнаго залога они неизвѣстны; здѣсь употребительны только дѣепричастія. Образуются они слѣдующимъ образомъ: въ окончаніи основы соотвѣтственнаго причастія, не распространенной суффиксомъ *ja*, является въ положеніи передъ *-s* сложная гласная *ė*, напр., *celůtes*, *mazgàdames* и т. п. По моему мнѣнію, эти образованія возникли въ то время, когда въ извѣстныхъ дѣепричастіяхъ въ невозвратной формѣ сохранялось еще въ окончаніи *-i;* при этомъ подъ вліяніемъ отношенія, существовавшаго между окончаніями извѣстныхъ другихъ образованій формъ возвратной и невозвратной, и здѣсь появилось *ė;* впослѣдствіи этотъ типъ дѣепричастія былъ распространенъ и на дѣепричастія отъ основъ на *-a*. О томъ, какъ я смотрю на происхожденіе литовскихъ (и латышскихъ) дѣепричастій на старыя *-nt*, *-us*, я уже говорилъ въ печати (см. Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша, стр. 530).

ГЛАВА II.

Значенія формы возвратнаго залога въ литовскомъ языкѣ.

Уже Шлейхеръ и Куршатъ въ своихъ грамматикахъ литовскаго языка обратили вниманіе на вопросъ о значеніи формы возвратнаго залога.

Шлейхеръ на стр. 303 сл. слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этой формы, которую онъ, пользуясь терминомъ, заимствованнымъ изъ греческой грамматики, называетъ среднимъ залогомъ (medium). «Мѣстоименіе *si*, образующее средній залогъ, есть или 1. винительный падежъ—прямой средній залогъ (directes accusativisches medium), или 2. дательный падежъ—непрямой средній залогъ (indirectes, dativisches medium); послѣдній можетъ имѣть при себѣ, подобно дѣйствительному залогу, дополненіе въ винительномъ или родительномъ падежѣ; прямыми являются напр. слѣдующіе средніе глаголы: *vèrstis* поворачиваться=*vèrsti savę̀*..... этотъ средній залогъ выражаетъ и взаимность: *bártis*, *susibárti* браниться, *mùsztis* биться... непрямыми средними являются напр. слѣдующіе глаголы: *prisikószti* напѣдиться, т. е. напиться; *alaús* (букв. *sáv prikószti*); *užsipelnýti* заслужить, напр. *užsipelniaú trìs treczokùs* я заслужилъ три зильбельгроша... (себѣ), *susiję̀szkóti akmenú* собирать (себѣ) камни и т. д.; такимъ образомъ онъ (т. е. данный видъ средняго залога) служитъ для выраженія такъ называемаго dativus ethicus, напр. *vèrpkis* пряди себѣ и т. п. 3. У непереходныхъ глаголовъ (подразумѣвается: бываетъ *si*), въ которыхъ средній залогъ не является ни прямымъ въ указанномъ смыслѣ, ни непрямымъ; глаголы: *iszsigą̀sti* испугаться, *gedétis* стыдиться, *bóstis* чувствовать отвращеніе, *bijótis* при *bijóti* бояться (sibi timere) и т. п. слѣдуетъ разсматривать, какъ затемнённые случаи первоначальнаго прямаго или непрямаго средняго залога. Мы называемъ этотъ средній залогъ (вмѣстѣ съ Курціусомъ) субъектив-

нымъ. Сюда принадлежитъ и средній залогъ отъ непереходныхъ дѣйствительныхъ глаголовъ: напр. *pùltis* доставаться на долю, *pùltĩ* падать, *mán pũ'las* мнѣ достается на долю (es fält sich (sibi) mir). *Примѣчаніе.* Прямой средній залогъ иногда очень близокъ къ страдательному, который онъ и замѣняетъ именно въ старомъ языкѣ (первоначально м. б. всюду, какъ въ славянскихъ языкахъ), напр. *vadintis* называться, т. е. быть называемымъ.

Приведенныя мною опредѣленія находятся въ зависимости отъ тѣхъ опредѣленій, которыя даетъ греческому среднему залогу Курціусъ въ своей грамматикѣ греческаго языка, вышедшей въ 1-мъ изданіи въ 1852 г. (грамматика Шлейхера вышла въ 1856 г.) Въ виду этого я приведу относящіяся сюда мѣста изъ синтаксиса Курціуса. «Основное значеніе общаго залога есть возвратное, т. е. дѣйствіе глагола обращается на подлежащее, отъ котораго оно произошло... Далѣе, по отношенію къ подлежащему общій залогъ можетъ быть весьма различенъ. Мы различаемъ: 1. Прямой общій, когда подлежащее есть вмѣстѣ прямой предметъ дѣйствія: λοῦσθαι мыться. 2. Непрямой или дательный общій означаетъ дѣйствіе, не касающееся непосредственно подлежащаго, происходящее для него, въ его интересѣ, такъ что, по большей части, можно употреблять дательный, чтобы на другомъ языкѣ выразить обратное отношеніе: αἰτεῖν требовать, αἰτεῖσθαι требовать себѣ. 3. Субъективный или внутренній общій. Онъ показываетъ, что подлежащее производитъ дѣйствіе не только внѣшнимъ образомъ, но и внутреннимъ, т. е., что дѣйствіе происходитъ отъ его средствъ, силы и образа мыслей: παρέχειν давать, παρέχεσθαι давать изъ собственныхъ средствъ, ἀποφαίνειν показывать, ἀποφαίνεσθαι γνώμην излагать свое мнѣніе; ποιεῖν εἰρήνην водворять миръ, ποιεῖσθαι εἰρήνην заключать миръ; λαμβάνειν τι брать что, λαμβάνεσθαί τινος схватывать что; σκοπεῖν разсматривать, σκοπεῖσθαι обсуждать про себя. *Примѣчаніе 2.* Общій субъективный образуется также отъ непереходныхъ глаголовъ; въ этомъ случаѣ онъ болѣе внутреннимъ образомъ и сильнѣе, чѣмъ дѣйствительный, выражаетъ образъ дѣйствія: πολιτεύειν быть гражданиномъ, πολιτεύεσθαι поступать какъ гражданинъ, заниматься гражданскими и государственными дѣлами..... Этотъ родъ общаго менѣе всего отличается отъ дѣйствительнаго. По этой причинѣ многочисленныя будущія общаго и поэтическіе отложит. глаголы ὁρᾶσθαι.... (§§ 477 сл.; не

имѣя подъ руками нѣмецкаго оригинала, пользуюсь русскимъ переводомъ Кремера: «Греческая грамматика Г. Курціуса. Часть вторая. Синтаксисъ. Изданіе 4-е. (Москва. 1879 г.»). Къ этимъ общимъ опредѣленіямъ присоединены слѣдующія поясненія и дополненія. «Отъ прямаго общаго многіе глаголы перешли къ непереходному и страдательному значенію: γεύειν дать вкусить, γεύεσθαι вкушать; παύειν прекращать, παύεσθαι переставать (у Кремера, очевидно, неточно *перестать*); ἱστάναι ставить, ἵστασθαι становиться (у Кремера: ставиться, стоять) аор. στῆναι; φαίνειν показывать, φαίνεσθαι показываться, являться (аор. φανῆναι)... ὁρμίζειν τὴν ναῦν вводить корабль въ гавань, ὁρμίζεσθαι входить (у Кремера: войти) въ гавань, приставать къ берегу (аор. ὁρμίσασθαι и ὁρμισθῆναι).... «Какъ дѣйствительный залогъ въ винословномъ употребленіи означаетъ дѣйствіе, получившее только поводъ отъ подлежащаго, точно также иногда употребляются указанные въ §§ 478 и 479 виды общаго (т. е. прямой и непрямой общій) для выраженія дѣйствія, которое подлежащее допускаетъ для себя и относительно себя: ἀπογράψασθαι ἐν τοῖς καταλόγοις записаться въ списки..... ὁ πατὴρ διδάσκεται τὸν υἱόν отецъ учитъ своего сына, т. е. принимаетъ мѣры къ обученію его». «Значенія общаго залога, указанныя въ §§ 478 и 479 (т. е. прямой и непрямой общій), могутъ выражать и взаимное дѣйствіе, если оно относится не къ одному подлежащему, но къ нѣсколькимъ лицамъ: κυνεῖν цѣловать, κυνεῖσθαι цѣловаться (прямой общій), διανέμειν раздавать, διανέμεσθαι раздавать между собою (лучше, дѣлиться) (непрямой общій)». «Отложительные имѣютъ различныя значенія общаго залога и отличаются отъ показанныхъ глаголовъ только тѣмъ, что не имѣютъ дѣйствительнаго. Такъ, ὀρέγεσθαι тянуться къ чему, стремиться, прямаго общаго; непрямаго: κτᾶσθαι пріобрѣтать себѣ....»

Шлейхеръ усвоилъ себѣ, какъ мы видимъ, терминологію греческой грамматики, различая три вида средняго залога: medium directum, medium indirectum и medium subjectivum. Вслѣдствіе того, что въ литовскомъ языкѣ въ составъ формы средняго залога входитъ *si*, Шлейхеръ получилъ возможность, не прибѣгая къ подробнымъ разъясненіямъ, сказать, что въ прямомъ среднемъ залогѣ это *si* есть винительный падежъ, а въ непрямомъ—дательный падежъ, при чемъ остается неизвѣстнымъ, считалъ ли Шлейхеръ это *si* дѣйствительно частію старымъ винительнымъ, частію старымъ дательнымъ

падежомъ, или же онъ выразился въ данномъ случаѣ неудачно и желалъ сказать просто, что въ однихъ случаяхъ литовское medium по значенію равняется соотвѣтственному activum + мѣстоименіе возвратное въ винительномъ падежѣ, а въ другихъ случаяхъ оно равно activum+то же мѣстоименіе въ дательномъ падежѣ. Въ своемъ Compendium онъ называетъ *si* безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій просто остаткомъ падежной формы возвратнаго мѣстоименія (§ 287). Подобно Курціусу Шлейхеръ считаетъ взаимное значеніе производнымъ, относя его при этомъ только къ прямому среднему залогу. Страдательное значеніе онъ опять таки согласно съ Курціусомъ понимаетъ какъ видоизмѣненіе значенія прямаго средняго залога. Что касается опредѣленія того вида средняго залога, который оба ученые называютъ medium subjectivum, то нельзя не замѣтить у Шлейхера нѣкотораго недоразумѣнія. Именно, изъ приведенныхъ выше словъ, относящихся къ этому вопросу, ясно слѣдующее: Шлейхеръ присвоилъ термину medium subjectivum совсѣмъ не то значеніе, въ какомъ употребляетъ его Курціусъ, и смѣшалъ въ одномъ классѣ глаголы, извѣстные только въ формѣ средняго залога, съ тѣми глаголами, при которыхъ есть соотносительная активная форма. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что Шлейхеръ впалъ въ ошибку, причисляя къ глаголамъ, имѣющимъ форму залога, тѣ глаголы, которые таковой не имѣютъ, такъ какъ вѣдь какое-нибудь *iszsigą́sti*, не имѣя при себѣ соотносительнаго **iszgą̨sti*, не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и формы залога, хотя все-таки названный глаголъ извѣстнымъ образомъ связывается по значенію съ тѣми глаголами, которые имѣютъ форму возвратнаго залога. На этихъ вопросахъ я остановлюсь подробно ниже, а пока для меня достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что система Шлейхера заключаетъ въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе.

Куршатъ принялъ эту систему и воспроизвелъ ее въ § 1395 сл. своей литовской грамматики съ слѣдующими, въ общемъ, незначительными уклоненіями: 1) онъ ничего не говоритъ о роли *si*, какъ винительнаго и дательнаго падежей, ограничиваясь только заявленіемъ, что возвратная форма глагола выражаетъ дополненіе и въ винительномъ, и въ дательномъ падежѣ въ томъ случаѣ, если подлежащее глагола занимаетъ въ то же время мѣсто дополненія при томъ же глаголѣ (въ подлинникѣ очевидно ошибочно: wenn das Subject..

zugleich die Stelle eines Subjects bei demselben Verbum einnimmt); 2) не упоминаетъ о томъ, что глаголы съ взаимнымъ и страдательнымъ значеніемъ представляютъ собою видоизмѣненіе прямыхъ возвратныхъ; 3) не употребляетъ вообще термина medium, mediale Verba, замѣняя ихъ обыкновенно терминами reflexivum, reflexive Verba. Съ фактической стороны Куршатъ поправляетъ Шлейхера, указывая на то, что *prisikószti* ошибочно опредѣленъ этимъ послѣднимъ, какъ примѣръ для непрямаго значенія. Далѣе Куршатъ съ большею опредѣленностью говоритъ о случаяхъ употребленія глаголовъ въ возвратной формѣ въ значеніи страдательнаго залога, а именно онъ отмѣчаетъ, что такое употребленіе возвратныхъ глаголовъ существуетъ и понынѣ въ Самогитіи, т. е. въ русской Литвѣ.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворительна система Шлейхера и Куршата, насколько она можетъ быть оправдана и подтверждена фактами языка.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что терминъ medium, въ русскомъ переводѣ «средній залогъ», слѣдуетъ по примѣру Куршата замѣнить въ примѣненіи къ литовскому языку терминомъ «возвратный залогъ», хотя бы уже для того, чтобы не смѣшивать разсматриваемую форму залога, представляющую собою новообразованіе, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, балтійскихъ и славянскихъ языковъ, съ тою формою залога, которая нѣкогда существовала въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ и сохранилась, напр., въ греческомъ такъ называемомъ medium.

Во-вторыхъ, какъ общее требованіе должно быть выставлено то положеніе, что единственнымъ правильнымъ и ведущимъ къ цѣли путемъ при изслѣдованіи вопроса о происхожденіи значенія извѣстной формы будетъ только слѣдующій: мы должны прежде всего строго разграничить отдѣльныя эпохи въ существованіи даннаго языка и, не смѣшивая ихъ между собою, опредѣлить значенія изслѣдуемой формы прежде всего въ современномъ состояніи языка; подвигаясь далѣе въ глубь исторіи языка, шагъ за шагомъ, насколько позволятъ наши средства, мы наконецъ дойдемъ до послѣдней доступной нашему изученію эпохи, на которой и остановимся. Примѣняя эти соображенія къ интересующему насъ вопросу, мы убѣдимся въ томъ, что мы должны прослѣдить исторію значенія формы возвратнаго залога въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ литовскаго языка,

перейти далѣе къ эпохѣ общелитовской, литовсколатышской, общебалтійской и наконецъ литовскославянской, такъ какъ при сопоставленіи балтійскихъ языковъ съ славянскими естественно является вопросъ о томъ, не возникла ли форма возвратнаго залога въ этихъ языкахъ въ томъ или другомъ видѣ еще въ эпоху ихъ единства. Въ виду всего этого нельзя не признать, что Шлейхеръ неправъ въ томъ отношеніи, что смѣшалъ, въ своемъ изложеніи вопроса о значеніи упомянутой формы въ литовскомъ языкѣ, данныя современнаго ему состоянія языка въ описываемомъ имъ нарѣчіи съ нѣкоторыми соображеніями историческаго характера, и вслѣдствіе такого смѣшенія не получилось въ результатѣ ни точной классификаціи значеній этой формы въ данную эпоху, ни ясной картины ея историческаго прошлаго. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ задачу Шлейхера вообще не входило дать исторію разбираемой формы.

Въ поясненіе сказаннаго остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Опредѣливъ три основныхъ значенія возвратной формы, Шлейхеръ всѣ остальные, извѣстные ему случаи употребленія этой формы, въ иныхъ значеніяхъ (взаимномъ, страдательномъ), сводитъ къ случаямъ первой категоріи (medium directum), указывая на то, что они развились изъ этой послѣдней. Далѣе, третья категорія (medium subjectivum), какъ я уже указалъ выше, обнимаетъ не только тѣ глаголы, которые имѣютъ форму возвратнаго залога, но также и тѣ изъ нихъ, которые такой формы не имѣютъ, не имѣя вообще формы залога. При этомъ значеніе основной группы этой категоріи опредѣляется, какъ затемненное значеніе первой или второй категоріи, а вторая группа и вовсе не опредѣляется Шлейхеромъ по значенію.

Я въ своемъ изслѣдованіи, держась намѣченнаго мною выше пути, отправляюсь отъ данныхъ современнаго литовскаго языка въ его нарѣчіяхъ, поскольку я ихъ знаю, и прежде всего пытаюсь классифицировать извѣстные мнѣ случаи употребленія возвратной формы по значенію. Уже послѣ этого можетъ быть поставленъ вопросъ объ исторіи этихъ значеній сперва въ предѣлахъ литовскаго языка, а затѣмъ, когда мы познакомимся съ данными латышскаго языка, мы постараемся опредѣлить важные для нашего изслѣдованія факты литовсколатышскаго языка.

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какихъ именно глагольныхъ образованіяхъ я нахожу форму залога, т. е. коснуться вопроса о томъ, что такое вообще форма залога.

Слѣдуя за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, я формою залога называю такую словообразовательную (*по значенію*) форму глагола, которою обозначаются извѣстныя различія въ отношеніи признака, обозначаемаго глагольною основою, къ субъекту этого признака (ср. стр. 1135 статьи Ф. Ѳ. Фортунатова «О залогахъ русскаго глагола», напечатанной въ IV т. Извѣстій Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.). Въ литовскомъ языкѣ различаются двѣ формы залога, при чемъ, слѣдовательно, всѣ тѣ глаголы, которые не имѣютъ обѣихъ этихъ формъ, не имѣютъ и самой формы залога, хотя они, понятно, извѣстнымъ образомъ связываются въ сознаніи говорящихъ съ тою или другою изъ этихъ формъ. Какова именно эта связь, мы опредѣлимъ впослѣдствіи.

Какъ мы уже видѣли въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, форма возвратнаго залога въ литовскомъ языкѣ является формою словообразованія, при чемъ тотъ ея типъ, который образуется посредствомъ постпозитивнаго *-si*, въ современномъ состояніи языка отличается отъ невозвратной формы въ извѣстной части образованій и въ формахъ словоизмѣненія. Что разсматриваемая форма является дѣйствительно формою залога, въ томъ именно значеніи этого термина, которое я опредѣлилъ нѣсколько выше, это мы увидимъ впослѣдствіи, когда я подведу итоги изслѣдованію, составляющему предметъ настоящей главы. Въ виду трудности и важности вопроса, мнѣ кажется, удобнѣе предложить читателю сперва надлежащій фактическій матеріалъ, расположивъ его по извѣстнымъ рубрикамъ, а затѣмъ уже остановиться на тѣхъ обобщеніяхъ, на которыя онъ, по моему мнѣнію, даетъ право.

I. Форма возвратнаго залога обозначаетъ, что дѣйствіе имѣетъ своимъ объектомъ субъектъ даннаго признака, обращается, такъ сказать, на этотъ послѣдній, къ нему возвращается, направляясь обыкновенно на его внѣшность. За разсматриваемою формою въ этомъ значеніи мы можемъ оставить терминъ «прямой возвратный залогъ» (reflexivum directum).

A. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ [1]):

Kų̃... ужсиклоси LXXXI, 4—чѣмъ закроешься.

Ужсиракиче марюн скринялєн XXXXII 6—заперлась бы въ пестрый сундукъ.

Ужситајсисіу плоном дробялєм LXXI, 9—покроюсь тонкимъ полотномъ.

2) Годлевскій говоръ [2]):

taĩs czeverỹkais apsiaũt 235—обуться въ тѣ башмаки.

jẽm lẽpe apsiczỹstį̃t 170—ему онъ велѣлъ очиститься.

staléli, dènkis 184—столикъ, накройся!

jìs bùs gilei̇̀ insikáses 210—онъ глубоко зароется.

máudytis 244—мыться.

apsimazgót 169—вымыться.

aĩk ìn láznę rènktis ir praústis 158 — ступай въ баню собираться и мыться.

lepė... pasiraszỹt 229—велѣлъ подписаться.

ó tù nesiródyk 242—а ты не показывайся.

ćjo skandýtis 246—шелъ топиться.

pérsiszove pàts savè 158—застрѣлилъ самъ себя.

apsivìlkto płószczių 240—надѣлъ на себя плащъ [3]).

apsivìlko sàvo taí sziubà 158—одѣлась въ свою шубу.

tù mán pasižadési 164—ты мнѣ обѣщаешься (т. е. обѣщаешь выйти за меня замужъ).

patì sàve atidų̃siu 174—(противополагается *nèko neturiù kų̇ dų̃t*).

3) Говоръ сказокъ, записанныхъ Шлейхеромъ (средній говоръ среднелитовскаго нарѣчія Прусской Литвы [4]):

---

[1]) Указывается № пѣсни и строфа (или строчка) по сборнику Фортунатова и Миллера.

[2]) Указывается страница сборника пѣсенъ и сказокъ Лескина и Бругмана.

[3]) Нельзя не отмѣтить, что въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ при *apsivilkti* винит. над. вмѣсто ожидаемаго творит.; ср. слѣдующій примѣръ. Такая конструкція объясняется тѣмъ, что данный глаголъ въ возвратной формѣ подвергся вліянію со стороны невозвратной формы; ср. *apwĩlkti kám sermẽgą* (Kurschat, LDW., s. v. *welkù*).

[4]) Указывается страница втораго тома *Handbuch* Шлейхера.

insìdavė pèr muzikántą 194—выдалъ себя за музыканта.
tù nóri pré razbáninku pasidů́ti?—ты желаешь предаться разбойникамъ.
vel tů́m pasidrútino (jè) 172—снова имъ они подкрѣпились.
iszsimaitį́t 195—прокормиться.
tosé júrėse mádėsi Laúmes 145—въ этомъ морѣ мылись Лаумы.
jis pas manę įsìmeldė į́ nakvýnę 184—онъ ко мнѣ напросился на ночевку.
apsiré dżusi 117—одѣтая (одѣвшаяся).
jis dabàr jeí vìsą sàvo bédą pasipásakojo 160—онъ ей всю свою бѣду разсказалъ.
sesů́... pasisáke—сестра призналась (сказалась).
éjo pàs kùniga persisamdýti 156—пошелъ наняться къ священнику.
czon geraí pasislépt 127—здѣсь хорошо спрятаться.
ji negaléjo nů jo atsisznekė́t 123—она не могла отъ него отдѣлаться («отговориться»).
karálius prisitaísė 166—король приготовился.
dù grėkù tù mán neiszsipażinaí 186—въ двухъ грѣхахъ ты мнѣ не признался.

В. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ, являющійся въ Кантычкахъ, изданныхъ въ Вильнѣ въ 1865 г. [1]):

Давейсъ жальчюй абгауты 7—ты далъ змѣю тебя обмануть, ты дала въ обманъ змѣю.
Дуокетесъ Девуй 216—отдавайтесь Богу.
Не атсипрашисемъ 633—мы не отпросимся.

2) Говоръ Ольсядъ [2]):

Turì pasipů́šti 1489, 4—ты должна нарядиться.
Ne įsisiułósi 1509, 7—не предлагай себя.
żvìrblis pasìslėpė 1510, 5—воробей спрятался.

---

[1]) Указывается страница.

[2]) Указывается № пѣсни и строфа по сборнику Юшкевича.

Tu atsišlů̃tysi į rankovėlę 1397, 8—ты будешь утираться въ рукавчикъ.

3) Говоръ сказки, сообщенной Кс. Явнисомъ Гейтлеру (указывается страница Studien Гейтлера):

isipraszýk i karálaus sódna 23—(точнѣе «впросись») попросись въ королевскій садъ.

ir pasisákû neturês kôums mokė́ti 22—и признался, что не имѣетъ, чѣмъ заплатить.

pasisákê gálês suvókti 22—объявилъ, что онъ можетъ украсть.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ литовскаго катихизиса 1547 г. и *Formachrikstima* 1559 г. [1]).

priesitaisei 35, 11—ты приготовился.

nosytikiedamas dieuui 17, 2—ввѣряющія себѣ Богу, полагающіяся на Бога.

(idant) passiroditusi F. 38, 22—(чтобы) онъ оказался, проявилъ себя.

2) Говоръ Постиллы 1573 г. [2]).

Dieuas passirades ira 137—Богъ показалъ (объявилъ) себя.

3) Говоръ текстовъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ во II т. Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft (указывается страница и строка).

turi apsitèptis 32, 56—ты долженъ намазаться.

4) Говоры сказокъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ Forschungen (указывается страница).

divè laũme skálbes 41—двѣ Лаумы мылись.

ans taszãpagus apsimãwęs 40—онъ надѣлъ сапоги.

bùvo ĩsivèlkus sávo drabùžes 41—(они) сняли свои платья.

По поводу двухъ послѣднихъ примѣровъ ср. прим. на стр. 19.

---

[1]) Указывается страница и строка по изданію Бецценбергера.

[2]) Указывается страница V т. Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft.

D. Восточнолитовское нарѣчіе

1) Говоръ Ширвида [1]).

Dawidas... algoiasi szunim 39, 7—Давидъ... называетъ себя собакой.

prisipatogint 62, 1—приготовиться.

gierey prisirinkis 61, 32—хорошо приготовившись.

ne iszsiprásincio 20, 28—не отпрашивался, не отказывался.

pasirodit 9, 32—показаться.

apsilkites naiin žmogum 27, 16—облекитесь въ новаго человѣка.

2) Говоръ м. Шадова по матеріаламъ Кунцевича [2]).

jis pasikásė II, 258—онъ почесался.

jiems posiróditi II, 419—имъ показаться.

apsivìlkusį su kùnigiškas rúbas II, 419—одѣвшагося, одѣтаго въ священническое платье.

pasikavóje IV, 46—спрятался.

3) Трокскій говоръ по матеріаламъ Э. А. Вольтера [3]).

renkis sesele 182—собирайся, сестрица!

Присмотримся теперь ближе къ приведеннымъ выше примѣрамъ, взятымъ изъ разныхъ говоровъ всѣхъ четырехъ главныхъ нарѣчій, на которыя распадается литовскій языкъ.

Характерною особенностью значенія возвратной формы въ указанныхъ случаяхъ является то, что объектомъ дѣйствія служитъ субъектъ даннаго признака, обозначаемаго глагольною основою, при чемъ дѣйствіе касается обыкновенно внѣшности объекта-субъекта или цѣликомъ, или только въ извѣстной его части. Правда, не всѣ глаголы сохраняютъ это значеніе возвратной формы, въ его первоначальномъ видѣ, а частію не представляютъ его въ чистомъ видѣ, Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ здѣсь уже извѣстные

---

[1]) Указывается страница и строка Punktai по изданію Гарбе.

[2]) Указывается томъ и страница Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft.

[3]) Указывается страница Катихизиса Даукша, переизданнаго Э. А. Вольтеромъ съ предисловіемъ и приложеніями.

новые оттѣнки, которые, однако, не заслоняютъ основнаго значенія настолько, чтобы оно не сознавалось говорящими еще болѣе или менѣе ясно. Сюда принадлежатъ слѣдующіе примѣры: *tù mán pasižadési*—ты мнѣ обѣщаешься (т. е. обѣщаешь выйти за меня замужъ), при чемъ русск. «обѣщаешься», «обѣщаешь» здѣсь въ значеніи именно будущаго времени (А, 2); *lė́pė pasiraszýt*—велѣлъ подписаться (А, 2); *insìdavė pèr muzikántą*—выдалъ себя за музыканта (А, 3); *jis pas manę įsìmeldė į nakvýnę* — онъ ко мнѣ напросился на ночевку (А, 3), ср. *atsisžnekét*—отговориться (А, 3); *sesů'... pasisákė*—сестра призналась (А, 3) и *jis dabár jeí vìsą sàvo bédą pasipásakojo* — онъ ей всю свою бѣду разсказалъ (А, 3); *du grėkù tù màn neiszsipažinai*—въ двухъ грѣхахъ ты мнѣ не признался (А, 3); *не атсипрашисемъ*—мы не отпросимся (В, 1); *isipraszýk i Karalaus sodna*—попросись въ королевскій садъ (В, 3); *pasisákê* — признался, объявилъ (В, 3); *ne iżsiprásineio*—не отпрашивался, не отказывался (С, 1).

Что касается различныхъ verba dicendi въ сложеніи съ приставками и въ формѣ возвратнаго залога, являющихся въ указанныхъ случаяхъ (*pasižadêti*, *pasisakŷti*, *pasipãsakoti*, *atsisznek̂eti*, *atsipraszŷti*, *iszsipraszin̂ėti*, *isipraszŷti*, *isimel̃sti*) то здѣсь мы вездѣ еще ясно чувствуемъ основное значеніе «сказать себя», сказаться. Что касается *îszsipažinti*, представляющаго аналогію нашему «признаться», то, надо замѣтить, по-литовски и здѣсь несомнѣнно ясно сознается основное значеніе «знать себя» (въ простомъ глаголѣ), ср. *àsz žinaûs ẽsą̃s griëkinim̃kas*—я знаю, что я грѣшникъ, я сознаю себя грѣшникомъ (Kurschat, LDW, s. v. *žinaũ*). Хотя въ *sakaũs* и *žinaũs* мы и не находимъ того оттѣнка, что дѣйствіе обращается на *внѣшность* объекта-субъекта (ср. напротивъ напр. *mâuditis*), но тѣмъ не менѣе эти оба глагола я отнесъ къ первой категоріи, къ прямому возвратному залогу, по той именно причинѣ, что и въ нихъ дѣйствіе обращено на объектъ-субъектъ въ его цѣломъ, при чемъ нѣтъ ни одного изъ признаковъ характерныхъ для тѣхъ категорій, о которыхъ я говорю ниже. То же относится и къ *isimel̃sti* въ отличіе напр. отъ того же глагола въ такомъ значеніи, какъ *meldžûs Dẽvui*—«молюсь Богу», о чемъ см. ниже.

По поводу *pasiraszŷti* можно отмѣтить, что здѣсь, какъ и въ нашемъ «подписаться», мы имѣемъ на первый взглядъ довольно

сильное затемненіе основнаго значенія, но на самомъ дѣлѣ оно выступаетъ довольно ясно: *pasiraszýti* значитъ *paraszýti savè*, т. е. *sàvo vardù*. Надо, впрочемъ, не забывать и того обстоятельства, что упомянутый глаголъ встрѣчается, какъ мы это увидимъ, и въ другомъ значеніи (reflexivum indirectum).

Въ примѣрѣ *insìdave pèr muzikàntą* мы имѣемъ «глаголъ *įsidûti* въ значеніи болѣе обычнаго *iszsidûti*. Такъ какъ и здѣсь мы не находимъ никакихъ признаковъ, которые позволили бы отнести разсматриваемый глаголъ къ какой-нибудь другой категоріи, а не къ категоріи reflexivum directum, и такъ какъ, съ другой стороны, несомнѣнно чувствуется связь между значеніями *dûti*—давать, *iszdûti*—выдавать что, выдавать кого (напр. *iszdûti pìningus* и *iszdûti razbaininką*), выдавать кого за кого, то я счелъ себя въ правѣ причислить *įsidûti* въ указанномъ значеніи къ первому разряду, къ глаголамъ прямаго возвратнаго залога. Въ примѣрѣ группы B 1: «*Давейсъ жальчюй абяуты*—ты далъ змѣю тебя обмануть, ты дался въ обманъ змѣю» мы находимъ глаголъ *dûtis* въ такомъ его значеніи, которое несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ первоначальнымъ значеніемъ «давать себя», являющимся въ *Дуокетесъ-Девуй*—отдавайтесь Богу. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ значеніи, глаголъ *dûtis*, по моему мнѣнію, соотносителенъ съ прочими глаголами, отнесенными мною къ первому классу, то не можетъ быть для меня никакихъ затрудненій въ томъ, куда именно его причислить.

Такимъ образомъ мы видимъ, что глаголы, имѣющіе форму прямаго возвратнаго залога, представляютъ значеніе этой формы въ ея первоначальномъ и основномъ видѣ (дѣйствіе направлено на внѣшность объекта-субъекта) или съ тѣмъ видоизмѣненіемъ, что дѣйствіе направлено на объектъ-субъектъ въ его цѣломъ. Мнѣ кажется, первый типъ разсматриваемыхъ глаголовъ по происхожденію ничѣмъ не отличается отъ втораго типа: различіе между ними создается не возвратной формой, а реальнымъ значеніемъ самой глагольной основы. Если въ общемъ опредѣленіи, данномъ мною разсматриваемой формѣ, я на первый планъ выдвинулъ тотъ признакъ, что дѣйствіе направляется на внѣшность объекта-субъекта, то этимъ я хотѣлъ подчеркнуть основное отличіе этой категоріи отъ той, къ

которой относятся такіе случаи какъ *kêltis*—«подниматься» и т. п., о чемъ см. ниже, Какъ бы то ни было, различія въ реальныхъ значеніяхъ глагольной основы не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ значеніемъ, которое вносится въ глагольныя образованія возвратною формою, а эта послѣдняя показываетъ въ тѣхъ случаяхъ, которые мы разобрали, что дѣйствіе переходитъ на объектъ-субъектъ; само собою разумѣется, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы будемъ имѣть дѣло какъ разъ съ такими глаголами, которые обозначаютъ дѣйствія, направляемыя на внѣшность объекта (ср. напр. *mâudytis*—мыться и *skandýtis*—топиться .

II. Форма возвратнаго залога обозначаетъ, что дѣйствіе совершается субъектомъ въ его интересахъ, его близко касается, т. е. что субъектъ имѣетъ къ дѣйствію, кромѣ прямаго своего отношенія, еще извѣстное непрямое отношеніе. Въ этомъ значеніи возвратная форма можетъ быть названа формою непрямаго возвратнаго залога (reflexivum indirectum).

А. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ:

ту присимуши... марґаја громатѐля, LXXXIII, 9—ты прибьешь себѣ пеструю грамоту.

ка... пасиклоси LXXXI, 4—что постелешь себѣ.

аш сусиринксґу мерґялю пулькяли, LVIII, 4—я соберу себѣ толпу дѣвушекъ.

ир нусишѐряс пасибалносґу XXXXV, 3—и, накормивши, себѣ осѣдлаю.

ишсимче жёдяли XXXXII, 7—я вынулъ бы себѣ колечко.

атсиракиче марґа скриняля XXXXII 7 — я отперъ бы пестрый сундучекъ.

аш ишсиренксґу сау бернужѐли XXXVIII, 9 — я выберу себѣ молодца.

парсиведжґау мерґужѐля XXXXVII, 1 — ввелъ я въ домъ свой дѣвицу.

нусипиркау берняли XXXV, 12—я купила себѣ молодца.

ишсикирсче... ланґяли XXX, 2 — я прорубила бы себѣ окошечко.

пасистатиче... клѣтяля XXX, 1—я бы поставила себѣ клѣть.
алаус бачка пасистатыус XXVII, 10—алусу бочку выставивъ.
пасисемѣ винялю XVIII, 2—почерпнулъ себѣ винца.
нусипиркєіу сау жиряли XIV, 9—куплю себѣ коника.
вескис ир жиряли XXVIII, 4— веди съ собой и конечка.
вайникѣли нусипинус X, 3—вѣночекъ себѣ сплетши.
рута нусискинус X, 3—руты себѣ нарвавши.
бурна нусипраусус X, 2—лицо себѣ умывши.

2) Годлевскій говоръ:

jìs apsirìnko vénąmèrgą 173 — онъ выбралъ себѣ одну дѣвушку.
iszsibudavósim triobàs 173—выстроимъ себѣ домъ.
dúnos nusipìrksim 173—мы купимъ себѣ хлѣба.
prisidéjo ìn aulùs czebátu 173 — наложилъ себѣ въ голенища сапогъ.
prisirìnko pinigú 173—онъ набралъ себѣ денегъ.
apsikabìno tą mažiùką vaikéli 172—онъ обнялъ маленькаго мальчика (повѣсилъ себѣ на шею).
iszsìėmė pléczkùtę ìsz po sàvo pažastés 172—онъ вынулъ бутылочку изъ-подъ мышки.
tasaí gražeí užsisłúżino 176—этотъ человѣкъ хорошо заслужилъ.
ász jį apsìimu iszgýdyt 171—я берусь ее вылѣчить.
žėdą užsimaút àn pìrszto 243—кольцо надѣть себѣ на палецъ.
apsèvi (apsìavė) czebátais 240—надѣлъ на себя сапоги.
ùž kepùrės užsikìszt 174—на шляпу себѣ воткнуть.
maskólius... łóvą pasistátė 175—солдатъ поставилъ скамейку.
Pétras védėsi žýdą skandýt. Įvedė jį į vándenį 189. Петръ велъ съ собой жида топить. Ввелъ его въ воду.
ką́ tù užsipelneí 204—что ты себѣ выслужилъ.
prisigáude vežiú tàrbą 232—наловилъ себѣ мѣшокъ раковъ.
szaúkesi vélnę 238—призываетъ черта.
pasitrýnė patì akìs 252—потерла жена глаза.
jì jį pasìszauke ìnt sàvo stànciję 256 — она позвала ее въ свою комнату.
jìs ėmė iszsìszłavė sàvo tą ùrvą ir iszsibàrstė žolý-

nais 170 — онъ взялъ вымелъ свое подземелье и усыпалъ травами.

pasìėmė sàvo gyvùs kvėtkùs 168—взяла съ собой свои живые цвѣты.

szóblę nészasi namó 174—саблю онъ несетъ съ собой домой.

p arsìneszė ìnt sàvo dvárą 168—принесъ въ свой дворъ.

kójes rankas apsikálstyt 169—руки, ноги себѣ подковать.

3) Говоръ сказокъ Шлейхера.

Tą plėczką jis atsidáręs 118—онъ, открывъ себѣ ту бутылку.

patì susidabójo výro bàrzdskutį 162—жена снабдила себя бритвой мужа.

daviaú naújį (ráktą) pasidarýt 120—я заказала сдѣлать для себя новый ключъ.

jìs įsidėjo tris szimtùs dórelius 149 — онъ положилъ себѣ (=взялъ съ собой) три сотни талеровъ.

tũ du vaikù tàs bùrs namó parsigabéno 133—обоихъ мальчиковъ крестьянинъ доставилъ къ себѣ домой.

nenorėdama dėnų [susigaiszį́t 201—не желая промедлить ни одного дня.

vaikìną susigávęs 121—схвативъ мальчика.

tù sáv pàts jėszkókis maístą 120—ты самъ себѣ ищи пищу.

jìs ìmasi žáką 122—онъ беретъ себѣ мѣшокъ.

užsikabì no tìnklą 117—повѣсила на себя (надѣла) сѣтку.

jis tą́ mérgą posikavójo 132—она спрятала у себя ту дѣвицу.

dávėsi puikiùs pyragùs pasikèpt 135—она велѣла испечь себѣ хорошихъ пироговъ.

Tėvs... árklius pasikìnkė 121—отецъ... лошадей запрягъ.

pìrsztą paė́musi įsikìszo 135—взявъ палецъ, спрятала у себя.

jis... áksą įsikróvęs 141—онъ, наложивъ себѣ золота.

sàvo tris tetàs pasikvėsti 125—пригласить къ себѣ своихъ трехъ тетокъ.

Si sáv tą́ paukszt́ytį pasilaikė 135—она оставила себѣ ту птичку.

jė... vaikìną susiláukė 121—они дождались себѣ мальчика.

àsz dár noréczau insimèlsti 166—я еще хотѣлъ бы выпросить себѣ (позволеніе).

ji jėms lėpė atsinèszt tinklą 118—она имъ велѣла принести (для нея) сѣть.

jìs nusìneszė tàs žárnas 121—онъ отнесъ кишки.
ir užsirászė taí 126—и записалъ себѣ это.
užsipelnýk 150—заслужи себѣ.
įsipiák smìlių 213—надрѣжь себѣ палецъ.
ózka nusipìrkęs 129—купивъ себѣ козу.
pasiraszýk sàva vàrdą 213—подпиши свое имя.
tabáko užsirukýt 135—закурить табаку.
kùczėrių nusisàmdė 135—нанялъ себѣ кучера.
jį̀ę garbìngai prìėmė, pasisodìno už stálo 146—принялъ ее съ почетомъ и посадилъ за столъ.
paúkszti nusiszaút 164—птицу себѣ застрѣлить.
žiupónė sù žìburiu apsiszvaístė 159—барыня посвѣтила себѣ свѣчкой.
iszsitrákė žarnólę 127—вытащилъ записную книжку.
atsìvedė tą raginį žmógą į stùbą 120—привела съ собой въ комнату этого человѣка, покрытаго рогомъ.
vėną dáktą vélytis 217—пожелать себѣ.
tás durìs atsivė́ręs 173—открылъ двери (ср. далѣе uzvė́ręs).
pónas jį̀ę namó parsìvežė 125—панъ ее привезъ съ собой домой.
jų̃s pasivìjo gírio 130—ихъ онъ догналъ въ лѣсу; ср. *jų̃s ė̃mė vyt.*
nėka nepasìžeidė 241—ничего не захотѣлъ.
sapagùs apsiávęs 221—обувь сапоги; (надѣвъ на себя запоги).
jù apsìsiautė sávo kùnigiszkąjį skreístę 186—онъ одѣлся въ свое священическое одѣяніе.
su szeís szvilpùkais pasiszvìlpįti 166—свистнуть себѣ въ эти свистки.
užsìdeda gálvą 119—кладетъ себѣ (собака) свою голову (на колѣни королевы).

B. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Ольсядъ.
Atìmkis ir mànę 1509, 6—возьми себѣ и меня.
Išsiłaúšiu bérža rykštę 1508, 3—выломаю я себѣ березовый прутъ.
Kad prisiskaba 1507, 6—когда срываетъ себѣ.
Atsiprausiaú burnełajtę 1477, 8—я вымылъ себѣ личико.

Iš sikýrė merguže'lę 1481, 6—онъ выбралъ себѣ дѣвушку.
Ansi szautıau kvartukė'lį 1521, 3—сшила я себѣ фартучекъ.
Nusivédusi 1521, 19—приведя съ собою.

2) Говоръ сказки, сообщенной Гейтлеру Кс. Явнисомъ.
Kuryn... buvaú pasidírbdinusi 23—который я велѣла себѣ сдѣлать.
pasijémês atskaitýtunsius sáwêi pìningus 21 — взявъ себѣ отсчитанныя для него деньги.
iszkàsusis ano Kuna 21—выкопавъ его тѣло.
prisipìrkês gražiún ...pirkiniún 22—накупивъ себѣ хорошихъ товаровъ.
isitêikti iwairiún ...pirkiniún 22—добыть себѣ разныхъ товаровъ.
Karaĺáitis... pasiskýrê wêina isz anùn 22—королевичъ выбралъ себѣ одного изъ нихъ.
tu pasiłaużky 24—ты сломи себѣ.
pasigraibiky 24—набери себѣ.
yszsynesztu kardely 23—вынесъ бы съ собой мечъ.

С. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ Постиллы 1573 г.
ans bòũ pasilaíkęs 37—онъ оставилъ себѣ.

2) Говоръ сказокъ въ Forschungen Бецценбергера.
ghis tai musų naturu mumus prissibursighis a *prissiglaudis* est 136 — онъ наше естество себѣ присвоилъ и приложилъ.

Д. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.
sutwertu tworu ir pasistatitu 56, 6—построилъ бы заборъ и поставилъ себѣ.

2) Говоръ пѣсенъ И. Юшкевича (указывается № пѣсни и стихъ по Сборнику И. Юшкевича).
пасілаужıау путэліо шакэлę 21, 5—я выломалъ себѣ калиновую вѣточку.

3) Говоръ Трокскаго уѣзда (по матеріаламъ Вольтера, приложеннымъ къ катихизису Даукша).
aš prasiminàu sdurą takelį 183—я себѣ протопталъ узкую тропинку.

4) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Кощевича.

pasidùrs kòji 42—наколетъ себѣ ногу.

susidéjė i tàrbo (lieżuvis) IV, 44 — сложилъ себѣ въ торбу (ср. sudéjė 44).

parisnėšė III, 528—принесъ съ собой.

norėjė jis parsinė́šti susavòm ir kùnigiškius drabużiùs II, 418—онъ хотѣлъ унести съ собою и священническое платье.

kad... parsinéštu su savim ir kunigiškius drabùżius II, 419—чтобы принесъ съ собою и священническое платье.

ir nusipírka saù tą knigą III, 528—и купилъ себѣ эту книгу.

išsirinkit sau IV, 40—выберите себѣ.

susirinka IV, 45—собралъ себѣ.

Въ поясненіе приведенныхъ выше примѣровъ я долженъ прежде всего замѣтить, что кажущееся противорѣчіе между обиліемъ примѣровъ для непрямаго возвратнаго залога въ современныхъ говорахъ и сравнительно немногочисленностью таковыхъ въ старыхъ текстахъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшается слѣдующимъ соображеніемъ: древнѣйшіе памятники литовскаго языка по самому своему содержанію (это тексты богослужебныхъ и религіозныхъ произведеній) исключаютъ возможность частаго употребленія глаголовъ въ возвратной формѣ съ указаннымъ значеніемъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно вытекаетъ, что общимъ значеніемъ возвратной формы, названной мною формою непрямаго возвратнаго залога, является, какъ опредѣлено выше, именно то, что дѣйствіе совершается субъектомъ въ его (т. е. субъекта) интересахъ, его близко касается. Съ одной стороны, мы находимъ здѣсь такіе типическіе случаи: *tu prisimuši marąja gromatelя*—ты прибьешь себѣ пеструю грамоту; *pasiklosi*—постелешь себѣ; *jìs apsirìnko vẽną mèrgą*—онъ выбралъ себѣ одну дѣвушку; *prisirìnko pinigú*—онъ набралъ себѣ денегъ и т. п. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что здѣсь и въ подобныхъ имъ примѣрахъ мы имѣемъ ясно выраженное значеніе «дѣйствіе совершаетъ субъектъ въ своихъ интересахъ, для себя», т. е. напр. *apsiriñkti* въ отличіе отъ *apriñkti* значитъ «выбрать *для себя*». Съ другой стороны, мы имѣемъ *prisidẽjo ìn aulùs czebátu*—положилъ себѣ въ голенища сапогъ; *ir užsiraszė taí*—и записалъ себѣ это; *įsipiãk smìliu*—надрѣжь себѣ пальецъ; *žẽdą uzsimaút àn pìrszto* — надѣть себѣ на палецъ кольцо,

pasidùrs kòji—наколетъ себѣ ногу и т. п. Въ такого рода случаяхъ значеніе «дѣлать что нибудь для себя» является уже въ извѣстной степени ослабленнымъ и хорошо передается на русскій языкъ при посредствѣ «себѣ» безъ сильнаго ударенія на этомъ послѣднемъ; ср. положить себѣ, записать себѣ, надѣть себѣ и т. п. Надо, впрочемъ замѣтить, что этотъ послѣдній способъ перевода можетъ быть примѣненъ не вездѣ напр. *sopagùs apsiávęs*, однородное съ *užsimaút žẽdą*, должно быть передано приблизительно слѣдующимъ образомъ надѣвъ на себя сапоги=обувъ сапоги. Что касается глагола *nusivìlkt* противоположнаго по значенію глаголу *užsimaút* (напр. Годлевское *nusivìlkt márszkinius*—232 (снять съ себя рубашку), то и здѣсь русскій языкъ не допускаетъ такого перевода, который передавалъ бы все значеніе формы возвратнаго залога съ точки зрѣнія литовскаго языка. Мнѣ кажется, мы имѣемъ здѣсь примѣръ не reflexivum indirectum, но именно, собственно говоря, reflexivum directum, ср. прим. на стр. 19; въ дополненіе къ сказанному въ этомъ примѣчаніи замѣчу, что *apvilkti* имѣетъ основное значеніе «одѣть кого чѣмъ» *apv. ką kùmi*, но подъ вліяніемъ другихъ глаголовъ съ родственнымъ значеніемъ здѣсь появилась конструкція *apv. ką kam*, и этотъ послѣдній оборотъ повліялъ и на возвратную форму. Правда, въ настоящее время такое выраженіе какъ *nusivìlkt márszkinius*, можетъ быть, уже до извѣстной степени сознается однороднымъ съ другими случаями, гдѣ мы имѣемъ несомнѣнно примѣры reflexivum indirectum. Наконецъ въ третьихъ, мы находимъ и такіе глаголы, въ которыхъ основное значеніе «для себя» настолько уже поблѣднѣло, что близко подходитъ къ такъ называемому dativus ethicus. Ср. *pasiraszýk sàva vàrdą* — подпиши себѣ свое имя (*pasiraszýti*, о которомъ говорилось на стр. 24, представляетъ случай другого рода); *tabáko užsirukýt* — закурить себѣ табаку; *su szeĩs szvilpùkais pasiszvìlpįti* — свистнуть себѣ въ эти свистки; *užsìdeda gálvą* — кладетъ себѣ голову. Во всѣхъ трехъ категоріяхъ случаевъ мы находимъ, такимъ образомъ, болѣе или менѣе ясно выраженное значеніе, что дѣйствіе совершается субъектомъ для себя, въ личныхъ своихъ интересахъ. Однако, отношеніе субъекта къ дѣйствію можетъ быть и инымъ; именно, формою возвратнаго залога можетъ обозначаться то, что субъектъ имѣетъ къ дѣйствію, которое онъ производитъ и другое, непрямое отношеніе; ср. *jìs nusìneszė tàs žárnas*—онъ отнесъ (съ собой) эти кишки; *jẽ garbìngai*

prìèmė, pasisodìno už stálo—принялъ ее съ почетомъ и усадилъ (съ собой) за столъ; *atsìvedė tą ragìnį žmógą į stùbą* — привела съ собою въ комнату этого человѣка, покрытаго рогомъ; *parsìneszė*— принесъ съ собой. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы находимъ кромѣ прямого отношенія къ дѣйствію, кромѣ того, что дѣйствіе производится субъектомъ, указаніе и на то, что это дѣйствіе такъ или иначе близко касается субъекта. Къ этой же категоріи я отношу и *apsiimti* въ такомъ выраженіи, какъ *ász jį apsìimu iszgýdyt*—я берусь ее вылѣчить, т. е. я беру на себя, хотя глаголъ *imtis* имѣетъ и другое значеніе.

III. Формою возвратнаго залога обозначается то, что субъектъ признака получаетъ извѣстное измѣненіе въ состояніи, а состояніемъ я называю такой признакъ, который для даннаго сочетанія является уже готовымъ, произведеннымъ дѣятельностью того или другаго субъекта.

А. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ:

аш пасивершче ин гегужѣля XXXXII, 2—я обратилась бы въ кукушечку.

атситрауk... но мана—XCI, 4—отойди отъ меня.

аш ишсиленкче VIII, 15—я уклонилась бы.

саулялė лейдос LXVI, 3—солнышко садилось.

кялькис LVII, 7—встань.

сусикульсіу XXI, 6—расшибусь.

вилйотис XCIV, 5—валяться.

2) Годлевскій говоръ:

lė́iskis in szìtą szùlnį 248—опустись въ этотъ колодецъ.

atsitė́sus žiúri 166—поднявшись на цыпочки, смотритъ.

pasilė́isi ìn tą́ dvárą 169—ты опустишься въ тотъ дворъ.

jì patì atsitráukė 174—она сама удалилась.

nubė́go ìr pasikavójo 186—убѣжалъ и спрятался.

kùr tù atsí́gulei, ó kùr atsikė́lei 164—гдѣ ты легъ и гдѣ поднялся.

plė́szkitės, vìsos múkos, no sė́nu 252—сорвитесь, всѣ страсти (извѣстные образа), со стѣнъ.

pasìbaigė jó métai 225—окончились года его службы.
apsikabìnęs (*áržůlą*) 224—обхвативъ дубъ.
jìs sodè pasilìko 222—онъ остался въ саду.
obůlýs rìsis 221—яблоко покатится.
ànt máriu pasidárė tìltas 182—на морѣ сдѣлался мостъ.
tráukis szalìn nó jós 165—убирайся прочь отъ нея.

3) Говоръ Шлейхера.

àsz negaliù prė tavęs àrtįtis 163—я не могу къ тебѣ приблизиться.
tàs kelélis visá pasìbaigė 135—дорожка совсѣмъ кончилась.
rëszutaí ...iszsìberė 159—орѣхи высыпались.
atsidaúžė 160—ударился.
tů'du vyresnė'jė pasìdavė ànt keliónes 138—оба старшіе отправились въ путь.
iė'jęs pasiganýti 166—войдя, чтобы освѣжиться.
atsigrę́žęs bė́go 140—обернувшись бѣжалъ.
ir neí jùdįt negalė́jo jùdįtis 164—и не могли пошевельнуться.
visà peklù pasijùdino 184—весь адъ содрогнулся.
ir norė'jė pasikárt 213—и хотѣлъ повѣситься.
kéltis 119—подниматься.
atsikliudýt nekaíp negalė'jė 216—отцѣпиться никакъ не могъ.
kurioś pustosè vętose turė'jo laikýtis 197—которыя должны были держаться въ пустынныхъ мѣстахъ.
atė'jo sýkį tà senóji atsilankýt pàs sávo márczę 133—пришла однажды старуха навѣстить свою невѣстку.
nusiléido 190—спустился.
jis pasìlenke 252—онъ нагнулся.
dukté venà bùjo pasilìkusi 122—дочь одна осталась.
ji pasilìndo po lóva 135—она полѣзла подъ лавку.
pónai lìnksminos 193—господа веселились.
vìsas krýges pasilióvė 208—всѣ войны прекратились. Ср. *knìpelis palióve mùszęs* 211.
ji užsìmetė ànt vę́no médžo 123—она бросилась на дерево.
vìlnys ikì artì vìrszaus kálno užsìmusze 182—волны почти до вершины горы поднялись (взбились).
užsitaísė... áust 202—приготовились ткать.

pìrsztas apsitrá(u)kė nů to alė́jaus 118—палецъ покрылся отъ этого масла.
jù trákės atgalió 122—онъ упалъ назадъ.
Dóvas raúkės 156—Давидъ сморщился.
szákos vis auksztýn rė́tės 185—вѣтви все вверхъ взвивались.
pìrsztos su žėdù nusiriìto 135—палецъ съ кольцомъ покатился.
ir skùbinosi (jė) 178—они торопились.
vìlks apsisùkes bė́go 133—волкъ, повернувшись, бѣжалъ.
ė́me taisýtis 134 – стала готовиться.
daugiaús nėks nesivaidìno 188—больше никто не показывался.
prasivė́dįt 147—охладиться.
jì... pasivė́lino 124—она запоздала.
ir teíp atsivė́rė (stubá) 124—открылась (комната).
atsivė́rė ákmens 124—открылся камень.
ákys prasivė́rė 142—глаза открылись.
àsz į erėli pasìverczau 209—я обратился въ орла.
kóžnas vė́ns artýn véržėsi 167—каждый тѣснился поближе.
atsivìlko vė́ns 184—притащился одинъ.

В. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.

Штай каралюосъ артынасе 20—этотъ король приближается.
Иръ негрейтыносъ тарпъ виленчюю 214—и не спѣшитъ въ среду соблазнителей.
Дѣль-то яу дзюсты каулай прасидее 230—вслѣдствіе этого кости начали уже гнить.
Женклингай Понсъ прасидеіосъ 16—чудесно Господь зачался.
Несъ иръ жямьи крутыноси 54—потому что и земля колебалась.
Линксминкясъ сенасъ Адомай 20—веселись старый Адамъ.
Понсъ кресли атсиремисъ 622—Панъ въ креслѣ развалившись (ср. польское rozpierać się).
Кад шаленъ мотина атситолиноси 256—что удалился отъ матери.

2) Говоръ Ольсядъ.

Atsibùdęs 1510, 17—пробудившись.
Prasidė́kima dajnů́ti 1488, 1—начнемте пѣть.

Ožia širdìs susigráužė 1521, 6—сердце козы защемило.
Susìjũkė vesélnįnkaj 1485, 8—обрадовались свадебные гости.
Kélkis mérga 1458, 13—поднимайся, дѣвица.
Línksminkitis mérgos 1507, 9—веселитесь, дѣвицы.
Ne rupinkis kelélu 1489, 3—не заботься по поводу дороженьки.
Rúpinos mérgos 1507, 2—заботятся дѣвушки.

3) Говоръ сказки, сообщенной Гейтлеру Кс. Явнисомъ.
susijùdina wandênis 22—взволновались во́ды.
léidos i mẽsto 23—пустился въ городъ.
qns léidos 22—онъ пустился (за море добывать себѣ и т. д.).
Karaláitis qntsipùldams 32—королевичъ, бросаясь къ ногамъ.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ катехизиса 1547 и Forma chrikstima 1559 г.
prisiartysyt 4, 35—приблизьтесь.
wissi ghrekusu prassideihe 34, 4—всѣ въ грѣхахъ зачались.
prasideiase isch dwases schwentases 11, 22—зачался отъ Св. D.
atląkąsis 11, 10—посѣщающій.
laikitiesi 39, 9—держаться.
jeib liauczias piktibiu mana 31, 10—чтобы я освободился отъ своихъ грѣховъ.
passilikti 34, 12—остаться.
apsischoka ir tare 33, 13—вскочилъ и сказалъ.
jeib greschnigi prisiwersti 31, 11—чтобы грѣшники обратились.

2) Говоръ Постиллы 1573 г.
prissiartinaja 136—онъ приблизился.
idant mes nessibai di tumbim 136—чтобы мы не боялись.
kaip tai nussidawi ira 142—какъ это случилось.
prassidesti ir gema 146—зачинается и рождается.
Tas attaíja isch sziwata czistas panas prassideies 137—онъ пришелъ произведенный на свѣтъ и т. д.
Apsikabinkite a bucziokite sunu 140—обнимите и поцѣлуйте сына.
kelessi 138—онъ поднялся.

ir tę wissada laikassi 139—и тамъ постоянно пребываетъ (держится).

linksminkessi Sion 140—и радуйся, Сіонъ.

Te szadei jeigu tur pilditessi—эти слова если должны исполниться.

rupinkimes—141—будемте заботиться..

uszussismutijusi ira 145—она опечалилась.

3) Говоръ текстовъ сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ II т. Mitteilungen der Litanischen litterarischen. Gesellschaft.

atsiké lẽs 39, 24—поднявшись.

apsikabìnęs 43, 87—обнявъ.

4) Говоры сказокъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ Forschungen.

kaip tai galė'jo nusidū'ti 344—какъ это могло случиться.

kadans napasesmardint' 37—чтобы не пропахнуть.

sòktès 37—оборачиваться.

traúkes tenjó 38—уходи туда.

D. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.

artinas atpirkimas 6, 12—приближается искупленіе.

kayp daug auksztinos ir giereios 11, 17—какъ много гордились и ублажались.

metay tawo ne pasi baygs 36, 21—время твое не окончится.

unt wisu sunariu iżsiberdawo 104, 16—по всѣмъ членамъ разсыпались.

płaku daresi 39, 5—плохимъ сдѣлался.

Tiesà żmoniu turi wietu, kurioy darosi 7, 8—людской судъ имѣетъ мѣсто, въ которомъ онъ производится.

Iezus dauginos iszminty 82, 11 — Іисусъ «увеличивался въ разумѣ».

małda Diewop destis 40, 9—молитва къ Богу совершается.

didinos 24, 17—гордился.

dumays apdingiasi marios 112, 21—дымомъ (туманомъ) покрывается море.

kielsis 9, 2—поднимется.

pagal kuriu krikščionis turi ażusiłaykit 12, 19—по которому христіане должны вести себя.

kurie krutinasi 40, 26—которые двигаются.

sudżia żiames pasikrutina 9, 24—земной судья трогается.

tay użusiłayko 6, 26—это бываетъ.

siaust lauiasi, 101, 15—свирѣпствовать перестаетъ.

kuri ue susiłaużo 114, 10—которая не сломалась.

kur norint łeydżiuos 26, 24—куда бы я ни пускался.

ne nusiłinkiau girtibes 15, 18—не уклонялся отъ пьянства.

pasilika waykielis 81. 27—остался мальчикъ.

gražibe notsimaynunti 72, 2—неизмѣняющаяся красота.

mażinasi, smulkinasi 124, 13 — умаляетъ себя, уничижается,

širdis... susiminksztina 86, 19—сердце смягчается.

bažnićia... ney płatinasi 124, 12—церковь не распространяется.

wisa tay tay issipildis 6, 16—все это исполнится.

kiti pasipućia 39, 11—гордятся (надуваются).

tami wisa giera żmogaus ażusirakina 41, 17—въ немъ все благо человѣческое заключается.

kiekwienas rupinsis 26, 7—каждый позаботится.

skirtis 90, 22—отдѣляться.

kas widuy słapasi, 39, 26—что скрывается внутри.

wisi unt tos tiesos turi statitis 12, 2—всѣ должны явиться на этотъ судъ (поставить себя, ср. stawić się).

ne stiepsimes auksztin 39, 27—не будемъ тянуться вверхъ.

bernelis augo ir stiprinos 69, 13—мальчикъ росъ и крѣпъ.

susiwercia wisa 10, 26—возвращается все.

galibes dungaus pasiwiskins 6, 9—силы небесныя соберутся.

kurie žiemindamies 28, 18—которые унижаясь.

2) Говоръ пѣсенъ сборника И. Юшкевича.

нус'лэjд сакалас 1, 2—спускается соколъ.

3) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.

mėnėsis pasíbaigė III, 528—мѣсяцъ кончился,

ar tù màna wargėlu pasibaidei 176—или ты меня бѣднаго испугался.

kas tin darasi IV, 45—что тамъ дѣлается.

Ponas Iezusas... atsìgula II, 258—Господь Іисусъ легъ.
posikárti III, 117—повѣситься.
pasikavójė II, 164—спрятавшись.
kė́lkis IV, 45—поднимайся.
pradė́jė šìrdis atsiláisti III, 529—начало сердце отходить.
nusiláidė IV, 43—опустилась.
vaikė... pasilìkę szókti II, 258—мальчики пустились плясать.
pasilìnksminti IV, 43—повеселиться.
sáula búva giare pasilùnkusi—II, 418—солнце уже сильно склонилось.
aš pasivèrsiu zuikiumi IV, 41—я обернусь зайцемъ.

3b) Шадовскій говоръ по сказкѣ, сообщенной Вольтеромъ въ приложеніи къ изданію катихизиса Даукша.
nákti atsibuńdъ 138—ночью просыпается.

По поводу приведенныхъ мною примѣровъ замѣчу слѣдующее. Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ мы находимъ то значеніе возвратной формы, которое я опредѣлилъ на стр. 32, а именно формою возвратнаго залога здѣсь обозначается то, что субъектъ признака получаетъ извѣстное измѣненіе въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, *lêistis* отличается отъ *lêisti* «пускать, отпускать» тѣмъ, что въ *lêistis* формою возвратнаго залога обозначено измѣненіе въ состояніи субъекта: «пускаться»; ср. далѣе *kêlti*—«поднимать» и *kêltis*—«подниматься»; *grę̃žiù*—«поворачиваю» и *grę̃žiûs*—«поворачиваюсь» и т. п. Замѣчу еще, что въ числѣ глаголовъ, отнесенныхъ мною къ первой категоріи, къ классу глаголовъ съ формою прямаго возвратнаго залога, я помѣстилъ на стр. 20 *pasidrútino*—«они подкрѣпились» именно по той причинѣ, что здѣсь имѣется въ виду «подкрѣпиться=накормиться». Кромѣ того глаголъ *pasislẽpti* «спрятаться скрыться» по своему значенію можетъ принадлежать какъ къ разсматриваемой категоріи случаевъ, такъ и къ категоріи глаголовъ съ формою прямаго возвратнаго залога. Все зависитъ отъ того, какимъ образомъ въ каждомъ данномъ случаѣ представляетъ себѣ говорящій данную ситуацію: если имѣется въ виду значеніе спрятать, скрыть себя (свое тѣло) отъ чужихъ взоровъ, то мы должны признать наличность прямаго возвратнаго значенія (ср. примѣръ на стр. 20); если же имѣется въ виду на первый планъ выдвинуть не указанное обстоятельство, а подчер-

кнуть только то, что данный предметъ скрытъ, невидимъ въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, частью и совсѣмъ недоступенъ зрительному воспріятію, то мы, мнѣ кажется, имѣемъ право отнести разсматриваемый глаголъ въ разбираемой категоріи случаевъ. Аналогичный случай представляетъ и глаголъ *pasidů̂ti*. Въ примѣръ на стр. 20 мы имѣемъ ясно выраженное значеніе прямаго возвратнаго залога (предать себя), между тѣмъ, какъ въ примѣрѣ на стр. 33 (*tů́du vyresnė́jė posìdavė ànt keliónės*—оба старшіе отправились въ путь) нельзя не видѣть значенія, характернаго для третьей категоріи. Вообще, надо замѣтить, мы иногда встрѣчаемъ такіе глаголы въ возвратной формѣ, которые могутъ быть отнесены смотря по различію въ значеніи, вносимомъ этою послѣднею, къ двумъ или даже болѣе категоріямъ, на которыя я распредѣляю всѣ случаи возвратной формы. Съ случаями этого рода мы встрѣтимся и дальше.

IV. Форма возвратнаго залога имѣетъ взаимно-возвратное значеніе въ слѣдующемъ значеніи этого термина: взаимно-возвратнымъ мы можемъ назвать такое дѣйствіе, которое совершается двумя или большимъ числомъ субъектовъ притомъ такимъ образомъ, что каждый изъ данныхъ субъектовъ является въ то же время и объектомъ, на котораго направлено дѣйствіе его соучастниковъ по данной дѣятельности.

А. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ:

јосимя... пас мотинėля пасиродавотė II, 8—посовѣтоваться.

мильу̊тис XCIV, 6—любиться.

бучу̊тис LCIV, 5—лобзаться.

сусимушė м су масколејс LXXVI, 3—бились (мы) съ москалями.

суситинком су Пранцузајс, 3—встрѣтились мы съ французами.

сусикальбė трис јауни бернялеј XXXXIX, 2 — сговорились три юные молодца.

ранкялė мс сусиėміа XV, 3—руками обнявшись.

лапялејс сусиклėстіа (*ажу̊лас су лёпяля*) XV, 1 — листьями переплетаясь.

суситинка мергужѐля IV, 5—встрѣчаетъ дѣвицу.

2) Годлевскій говоръ.

susitìko ir jìs tą̀ dėdùką 236—встрѣтилъ и онъ того дѣда.

pasitìnka jė... szùnį 236—встрѣчаютъ они собаку.

susiė́ję̣ vìsas žiùrkės... susidáre 227—собравшись всѣ крысы, сговорились.

mýlisi 225—они любятъ другъ друга.

émė ė́mėsi, дальше *émėsi émėsi* 179—боролись, боролись.

tù nóri sù manìm `imtis? 179—ты хочешь со мной бороться.

ir éme mùsztis 195—и стали они биться; дальше: mùszėsi mùszėsi.

jì bė́go susiprátus 161—они бѣжали понявши другъ друга.

rádo visùs sénatas susirìnkuses 171—онъ нашелъ всѣхъ сенаторовъ въ сборѣ (собравшимися).

skìrsimės žė́dnas saú 261—раздѣлимся т. е. разойдемся каждый самъ по себѣ.

jė́du susirászo 198—они оба переписывались другъ съ другомъ.

Teíp ìr pasiskýrė 209—такъ они и раздѣлились.

nueít atsisvéikịt 163—Пойти проститься.

brólei susiszneke̊́jo 243—братья сговорились.

dukté màno, žénysimės mùdu 157—давай женимся.

3) Говоръ сказокъ Шлейхера.

visì susibė́go 168—всѣ сбѣжались.

visì susiė́jo 151—всѣ сошлись.

jė́ gìnczyjos 117—они спорили.

jů́du apsikab`inusiu 162—они оба обнявшись.

Teíp abù pasilábinusi bóba 161—когда они оба такъ поздоровались, баба.

jů́du susilažìno 148—они (оба) побились объ закладъ.

jů́du èmė pèsztis 160—они начали драться.

jė̃ septynì bùvo susirádę̣ 175—семеро ихъ собралось.

jů́du... nėkadós... neí kóki pìktą žodė́lį prėsz kits kìtą nepasisaký̀davo, bèt vis meilingai pasipásakodavo ìr vis uzstaun buczů́davos 160—они никогда другъ другу не говорили злаго слова, постоянно любовно бесѣдовали и безпрестанно цѣловались.

jė̃ atsiskýrė 155—они разстались.

nů jo atsisvéikinti norėjo 166—съ нимъ проститься.
jů̃du pasisvéikino 126—они (оба) поздоровались.
jë susìtarė 155—они сговорились; *jë susiszнekėjo* 155.
jis susitìnka vẽną žmógų 149—онъ встрѣтился съ какимъ-то человѣкомъ.
kùpczus žinójosi sù taís razbáninkais 127—купецъ зналъ съ тѣми разбойниками.
nepasiżį́sta (jů̃du) 169—они оба не узнаютъ другъ друга.

B. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.
Ихъ су ю не кальбетисъ 7—и съ нимъ не разговаривать.
Атсискирдама калбее 44—разставаясь говорила.
Сусиринкетъ выси жмонесъ 291—соберитесь, всѣ люди.
Кадъ сусыринка светей наквоты 35—когда собрались гости ночевать.
Мажъ не ужила су е суситиксемъ 633—можетъ быть вскорѣ съ нею встрѣтимся.
2) Говоръ Ольсядъ.
óžkos subė́gusės 1521, 12—козы, сбѣжавшись.
Su bernéleys bekálbantis 1527, 8—съ паренечками разговаривающихъ.
Áuksa žėjdus bekéjtantis 1527, 8—обмѣнивающихся золотыми кольцами.
Mùšėmos ir kapójėmos 1538, 2—мы бились и рубились.
Pasisvéjkina su sávu brolélu 1542, 11—здоровается съ своимъ братцемъ (ср. bróla pasvéjkinti—15).
3) Говоръ сказки, сообщенной Гейтлару Кс. Явнисомъ.
atsiswéikinês su bróleis 21—простившись съ братьями.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ Катихизиса 1547 г. и Forma chrikstima.
sussirinkotiesi 34, 19—собрались (Forma).

2) Говоръ текстовъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ II т. Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft.
buczójes 43, 84—они цѣлуются.

mùsztis 40, 33—биться (рѣчь идетъ о двоихъ).
susewènczewåt 42, 69—повѣнчаться.
Ansas apseżanyjå̆s su tū̀ prìncese 33, 65—Иванъ женился на той принцесѣ.

3) Говоры сказокъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ Forschungen.

anùdu pradéje pasipàsakåt 40—оба они начали другъ другу разсказывать.
tås bùs pèszes 41—пчелы дрались.
asz susèråkovau su tu draúgu 40—я сговорился съ этимъ другимъ.
tódu... apsèved' 41—они оба поженились.
todu vazdávos. 41—они обручились.

4) Говоръ матеріаловъ Юркшата въ I т. Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft.

Lůb żmónės pásakotis 354—люди другъ другу разсказываютъ.

D. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.

dide minia susieydineio 138, 28—большая толпа собралась.
api Cristaus smerti susikalbinedami 35, 7—сговариваясь о смерти Христа.
kurie kawasi 10, 28—которые воюютъ другъ съ другомъ.
eldiios susikula,.. susidaużo 112, 8—лодки сталкиваются, ударяются другъ о друга.
zmones muszasi 112, 1—люди дерутся.
anis priesinas priesz świesiby 10, 14—они возстаютъ на свѣтъ.
susirinka tiesadariey 1, 15—собираются стороны.
taridamies 81, 28—разговаривая.
tiesawoiasi (żmones) 7, 12—судятся.
su imo susiwienint 29, 16—съ нимъ соединиться.

2) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.

su kuóm às dabàr pasišnekė́šiu съ кѣмъ я теперь поговорю.
šiepsótis III, 531—передразниваться.
susitínka zuíkį II, 161—встрѣтили зайку

2а) Матеріалы Вольтера въ приложеніи къ Катихизису Даукши (Радзивилишскій и Шадовскій говоры).

ne gál susišnekė́t sù awin'ukú 139—не можетъ сговориться съ барашкомъ.

По поводу вышеприведенныхъ случаевъ, въ которыхъ является возвратная форма въ взаимно-возвратномъ значеніи (reflexivum reciprocum), можно замѣтить слѣдующее. Что касается самого значенія разсматриваемой формы, то данное мною на стр. 39 опредѣленіе достаточно ясно и не нуждается, мнѣ кажется, въ дополнительныхъ разъясненіяхъ (*mùsztis* напр. отличается отъ *mùszti*—«бить» тѣмъ, что формою возвратнаго залога здѣсь внесено слѣдующее значеніе: бить кого-нибудь другого или нѣсколько другихъ лицъ, получая въ свою очередь отъ него (или отъ нихъ) удары; аналогично соотношеніе между нашими «бить» и «биться» (въ значеніи «драться», «сражаться», а русское «биться», какъ извѣстно, можетъ имѣть и другое значеніе «дѣлать судорожныя движенія подъ вліяніемъ какой-либо внутренной или внѣшней причины» (напр. «биться въ болѣзненномъ припадкѣ», «биться въ чьихъ-либо рукахъ).

Что касается отдѣльныхъ глаголовъ съ взаимно-возвратнымъ значеніемъ возвратной формы, то можно отмѣтить глаголъ *imtis* въ примѣрахъ изъ годлевскаго говора (*ė́mėsi ėmėsi* и *tù nóri su manìm ìmtis* 179) въ значеніи «бороться», любопытный въ томъ отношеніи, что и въ славянскихъ языкахъ мы находимъ аналогичный переходъ значенія въ связи съ возвратною формою въ нашемъ «схватиться» (напр. «враги схватились»). Въ глаголахъ, обозначающихъ «говорить», возвратною формою обыкновенно въ связи съ приставкою *su* вносится то значеніе, что взаимный обмѣнъ рѣчами происходитъ между двумя или нѣсколькими лицами (напр. *pãsakotis, susiszneképti*,). Здѣсь мы имѣемъ ту особенность, что глаголъ въ не возвратной формѣ не имѣетъ объектомъ лица. Равнымъ образомъ и глаголъ *susitìkti* (напр. людвиновское *суситинка мзругжёля, суситинком су пранцузайс* Куршатъ въ своемъ литовско-нѣмецкомъ словарѣ даетъ только *susitìkti sù kuĩmi*) въ невозвратной формѣ не имѣетъ объектомъ лица и получаетъ видоизмѣненіе реальнаго значенія въ связи съ возвратною формою (*sutìkti* значитъ съ кѣмъ-нибудь ладить, быть въ согласіи).

Особое мѣсто занимаетъ среди приведенныхъ мною примѣровъ глаголъ *susibêgti*. По своему значенію этотъ глаголъ несомнѣнно однороденъ съ взаимновозвратными глаголами въ томъ отношеніи, что и здѣсь обозначается дѣйствіе, происходящее между нѣсколькими лицами (сбѣгаться») но отличіе *susibêgti* напр. отъ *mùsztis* не только въ томъ, что здѣсь нѣтъ перехода дѣйствія на другой предметъ, но и само значеніе взаимности внесено не возвратною формою, а приставкою *su*. Куршатъ въ своемъ литовско-нѣмецкомъ словарѣ дѣлаетъ попытку разграничить по значенію *subêgti* и *susibêgti*; первое будтобы значитъ «zusammenlaufen», а второе «im eigenen Interesse zusamenlaufen». Это совершенно невѣрно и дѣло въ томъ, что *susibègti* соотносительно только съ *subègti*. Значеніе формы возвратнаго залога здѣсь такое-же какъ и въ *bêgtis* о чемъ см. ниже. Съ глаголомъ *susibêgti* аналогиченъ также глаголъ *susieĩti*—«сходиться. собраться», гдѣ мы находимъ то же самое явленіе по отношенію къ возвратной формѣ, что и въ глаголѣ *susibêgti*.

V. Возвратная форма вноситъ значеніе полноты проявленія признака обозначаемаго глагольною основою, въ его сочетаніи съ субъектомъ, какъ результатъ дѣятельности самого субъекта или другаго лица, если данный глаголъ обозначаетъ «состояніе».

А. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ.

сянос бобос пасигёря XCV, 8—старыя бабы, напившись.

аш инситупче ин обелеля—LXVIII, 4—я сѣла бы на яблоньку.

ту присиверкси LXII, 4—ты наплачешься.

аш парсипульсіу ан сёрос жемялёс LVIII, 5 — я паду на сырую землю.

аш пасиклаусче пас мергужёля L, 7 — я поспросилъ бы у дѣвицы.

уж мочиутёс стојоси L, 6—за матушкой стала.

мочиутеј пасискусіу XXXIX, 3—матушкѣ пожалуюсь.

жинокис XXXVIII, 6—знай.

атсимикё VI, 2—вспомни.

2) Годлевскій говоръ.

Kaíp jùmĕm ẽjosi svetimój zémė 164—какъ вамъ жилось въ чужой землѣ.

teíp ir sù anà atsiẽjo 200—такъ (тоже) и съ тою случилось.

jì pradẽjo bártis 135—она начала очень сильно браниться.

sznápso atsigérsim 177—водки выпьемъ.

výrai ìr szùnys pasigérė 231... напились.

pasigýrė sàvo páczei 185—хвастался своей женѣ.

pasigýrė jó pati, kàd géras výras 225—похвалила его жена, что (онъ) хорошій мужъ,

sunùs atsìlĕpė 200—сынъ отвѣтилъ.

Užsimánė rukýt tabáko 175—вздумалъ покурить табаку.

mèlskis 230—молись.

Atsìminė býskupas 231—припомнилъ епископъ.

susimìslyjo 226—онъ придумалъ.

žiùrkė prászosi pàs lekáją 158—крыса просится у лакея, ср. *prászo pàs lekáją, sáko* 159 (и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дальше слѣдуетъ прямая рѣчь; во 2-мъ примѣрѣ прибавка *sáko*, можетъ быть, стоитъ въ связи съ отсутствіемъ возвратнаго значенія въ *prászo*).

szérnas pŭlęsi ìn tą́ razbáinįką 163—кабанъ бросился на разбойника.

aficẽrai ėme skų́stis ápė sàve 202—офицеры стали жаловаться относительно себя.

žiùrkė pasisłúžyjo jém 15›—крыса прислужилась ему.

isisẽdo pónas (į brìczką) 175—сѣлъ баринъ.

jẽ susisẽdo 200—они усѣлись.

vìs taí stósis 226—все тебѣ станется т. е. исполнится.

stójosi zmógum 211 — сталъ человѣкомъ. ср. pastójo karálium—217.

stókis... ir mergáite atsistójo 189—встань... и дѣвушка поднялась.

jì atsistójo tèrp vártu 176— она стала въ воротахъ.

izzsispavėdót visùs sàvo grèkùs 170—исповѣдаться во всѣхъ своихъ грѣхахъ.

kaíp jém atsitìko 211—что ему приключилось.

pasivýjo bè dúszios karália 195—догналъ короля безъ души, ср. pradėjo výt.

pasiżadėjo szìnkorius 185—обѣшался шинкарь.

żinókis tù sáu tén 213—замѣть себѣ это.

apsiżiurėjus visùs sàvo dárbus 169—оглянувшись на всѣ свои работы.

3) Говоръ сказокъ Шлейхера.

výno atsigért 178—напиться вина.

ir teip įsigérė 135—и такъ напились.

jis to atsìmeno 135—онъ это вспомнилъ.

Dėvè susimìlk 130—Боже, смилуйся.

Mìslykis sýkį, asz konè pusę métu intupėjau 160—представь себѣ только и т. д.

geraí pasimìslyjęs 135—хорошо надумавъ.

bagóczus pasimìslyjo ànt sávo brólio 126—богачъ вспомнилъ о своемъ братѣ.

į tą įsisė́davo 124—въ (карету) нее она садилась.

atsistó̇t ànt zùikiu 149—стать на зайцевъ.

atsistójęs sáko 138—вставъ сказалъ.

vikszczójo po dvárą labaí nusimìnęs 143—гулялъ по двору очень задумавшись.

Kas dėną prisiválge 186—каждый день наѣдался.

karalėne pasiżadėjo... nesugrįżt 133—королевна обѣщалась не возвращаться.

Żiurėkis tiktaí 163—смотри-ка.

Báldytis 233—стучаться.

В. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.

при ано бѣгаси 263—къ нему бѣгутъ.

атсыгеркетъ 640—напейтесь.

Сусимилекъ антъ манесъ 624—сжалься надо мной.

Тейкясъ мумсъ грѣкусъ атлейсты 16—соблаговоли намъ отпустить грѣхи.

Арте Понсъ темисъ, куре іонъ шаукяси 263—близко Господь къ тѣмъ, которыя его взываютъ.

2) Говоръ Ольсядъ.

bernélis... prisiulavójęs 1494, 2—паренекъ, нагулявшись.
O, meryélė... graudej apsivérksi 1494, 1—о, дѣвица, жалобно ты заплачишь.
ragiùkaj tau bádos 1521, 6—колятся у тебя рожки.

3) Говоръ сказки сообщенной Гейтлеру Кс. Явнисомъ.

szêi nė klausyti nekłausydamis dárė sawąji 22—они (сл.) слушать не слушая дѣлали свое.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ литовскаго катихизиса 1547 г. и Forma chrikstima.

daboketesi 40, 25—берегитесь.
gimes 25—родился.
Melskemosi 34, 35—будемъ молиться.
Susimilk 24, 25—сжалься.
Kuria (s) staiatese duketetis (dukteris) 17, 4 — которой вы стали дочерьми.
idant... stotusi apchrikstitas 35, 5—чтобы онъ сталъ крещенымъ
atsiszadi welna 36—28—отрекаешься отъ дьявола.

2) Говоръ Постиллы 1573 г.

staijassi szmagum 138—сталъ человѣкомъ.
tesistai (-aw) man pogal szadria tawa 176 — да станется со мной согласно твоему слову.
kure tikeijassi 147—которые вѣрятъ.
turrime tirtes 139—мы должны освѣдомляться.

3) Говоръ текстовъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ во II т. Mitteilungen der Litanischen litterarischen Gesellschaft

pradėje bàrtės 39, 26—начала ругаться.

4) Говоры текстовъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ въ Forschungen.

būs... vìse įsigére 40—всѣ напьются.
dàktars isìmaldaŭ 36—докторъ взмолился.
pasimìslyjęs 40—задумавъ.

ans pasisẽde 36—онъ сѣлъ.
Asz ...pasistẵjau 40—я сталъ.
isiszaúk'es ‹у› 25—онъ крикнулъ ‹и›.

D. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.

unt wiresnibes kokios ne dabotis 25, 22—не обращать вниманія на какую-либо власть.
nusigiert 110, 23—напиться.
kłaus damis 12, 14—спрашивая (допытываясь).
nusideimay musu atsiliepe mumus 16, 29—наши прегрѣшенья отвѣтили намъ.
Jezus pasiliteio io 97, 26—Іисусъ прикоснулся къ нему.
unt križiaus meldes 32, 27—на крестѣ молился.
susimile vnt żmoniu 30, 13—сжалился надъ людьми.
ażusimilets gieru darbu 23, 18—возлюбилъ добрыя дѣла.
apsirit 110, 23—нажраться.
bet sakos 8, 28—но признается.
ir sedaus vut sosto 15, 33—и сѣлъ я на тронъ.
tikieios 34, 6—они вѣрили.
prisiweyzzdet kitiemus darbinikamus 136, 6—присмотрѣться къ другимъ рабочимъ.
atsiżiada welino 91, 11—отрекается отъ дьявола.
vut sawo gimio tiktay żwalgikimes 39, 27—только на свое лицо будемъ смотрѣть.
Diewas notsiżwilgia 10, 11—Богъ не оглядывается.

2) Шавельскій говоръ по матеріаламъ Вольтера, приложеннымъ къ изданію Катихизиса Даукша.

Kam aš apsiskús'u 142—кому я пожалуюсь.
Kům búsios II, 419—кѣмъ онъ будетъ.

3) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.

tůjos émėsi ją skaitíti III, 528—тотчасъ же они принялись ее читать.
jis... uzsìgeidė cíti II, 418—онъ захотѣлъ идти.
klaúsasi jė̃ vìsi II, 166—слушаютъ они всѣ.
pasiklausíkem II, 166—прислушаемся.

pasimèlsti unt knigiálas II, 417—молиться по книжечкѣ.
pasimìslijė, pasimìslijęs II, 418—подумалъ, подумалъ.
jis nepasimìslijė II, 418 онъ не одумался.
miaszkú susimíslijusi II, 166—медвѣдь придумалъ.
prašesi tévu, kad II, 448—просилъ у родителей, чтобы.
pasisákė sáva tévam II, 418—разсказалъ своимъ родителямъ.
prisiváikščiojęs po gìrio II, 410—прогуливался по лѣсу.
pasiváikščioti III, 531—прогуливаться.
pasižiuréjęs III, 531—оглянувшись.
ner ka žvalgítis i bróli IV, 41—нечего смотрѣть на брата.

По поводу даннаго мною выше опредѣленія значенія возвратной формы въ пятой категоріи случаевъ, къ которой относятся приведенные примѣры, я долженъ замѣтить, что она обнимаетъ какъ глаголы, имѣющіе въ невозвратной формѣ объектъ, на который направлено дѣйствіе, такъ и глаголы, не допускающіе при себѣ, по самому своему значенію, объекта. Глаголы перваго типа въ возвратной формѣ представляютъ еще ту особенность, что они могутъ обозначать дѣйствіе безъ всякаго отношенія къ объекту, въ полномъ отъ него отвлеченіи. Если мы напр. возьмемъ такой глаголъ, какъ *geřti* «пить», то найдемъ, что здѣсь въ формѣ возвратнаго залога можетъ быть обозначено, и можетъ не быть обозначено то, что дѣйствіе не имѣетъ никакого отношенія къ объекту; ср. напр. мемельское (4) *bū̃s... vìse įsigére*—«всѣ напьются» и среднелитовское (3) *výno atsigért*—«напиться» вина»; ср. далѣе среднелитовское (3) *geraí pasimìslyięs*—«хорошо подумавъ» и *bagóczus pasimìslyjo ànt sávo brólio*—богачъ вспомнилъ о своемъ братѣ». Ср. далѣе *báldytis*—стучаться (среднелит. 3), гдѣ дѣйствіе совершается безъ отношенія къ объекту, и гдѣ въ то же время мы находимъ значеніе полноты проявленія признака.

Итакъ тотъ оттѣнокъ въ значеніи, который объединяетъ всѣ приведенные выше глаголы въ одну категорію, я опредѣляю, какъ полноту проявленія признака, обозначаемаго глагольною основою. Ясно, однако, что такое значеніе не можетъ быть первоначальнымъ (см. стр. 55 сл.), и если мы спросимъ себя, каково было первоначальное значеніе этой формы, то должны будемъ признать слѣдующее: въ части глаголовъ это значеніе развилось изъ первоначальнаго значе-

нія отвлеченія дѣйствія отъ объекта (глаголы переходные), въ другой части глаголовъ оно возникло изъ значенія непрямаго возвратнаго залога. Въ самомъ дѣлѣ, въ такихъ случаяхъ, къ которымъ принадлежатъ разобранные выше примѣры, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ перваго типа. Явленіе второго типа является напр. въ *аш пасиклаусче пас мергужѐля* (среднелит. 1), гдѣ несомнѣнно первоначальнымъ значеніемъ глагола *pasiklâusti* было значеніе «спросить для себя, въ своихъ интересахъ», откуда съ теченіемъ времени развилось значеніе «поспросить, повыспросить»; или напр. *prašėsi tėvu, kad* (восточнолитовское 4) теперь значитъ онъ «просилъ у родителей, чтобы», при чемъ «просилъ» именно съ оттѣнкомъ «очень», «усердно», между тѣмъ какъ несомнѣнно *praszýtis* первоначально представляло значеніе непрямаго возвратнаго залога: «просить; выпрашивать для себя». Такой же случай представляетъ и глаголъ *meĩstis* — «молиться»; первоначальное значеніе «молить, просить для себя».

Само собою разумѣется, что разъ въ языкѣ создалось разбираемое значеніе возвратной формы, таковую въ этомъ значеніи могли получать и глаголы, не проходя черезъ упомянутыя стадіи развитія, а прямо, по аналогіи. Къ этой послѣдней категоріи относятъ всѣ глаголы съ непереходнымъ значеніемъ (какъ *skùsti, veřkti*), ср. примѣры на стр. 45.

Глаголы, обозначающіе «сидѣть», «стоять», въ литовскомъ языкѣ нерѣдко являются въ формѣ возвратнаго залога (см. соотвѣтствующіе примѣры). Мнѣ кажется, и въ этихъ случаяхъ мы въ правѣ видѣть значеніе полноты проявленія признака, обозначаемаго глагольной основой, такъ какъ, насколько я могъ замѣтить, во всѣхъ упомянутыхъ примѣрахъ на данномъ глаголѣ несомнѣнно лежитъ логическое удареніе. Что касается глагола *stôtis* въ значеніи «становиться, происходить», то здѣсь мы имѣемъ несомнѣнно интенсивное значеніе по сравненіи съ простымъ *stôti*; полную аналогію представляетъ въ славянскихъ языкахъ напр. польское—*staję, staję się*.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что приставка *pri-*, придающая частію сама по себѣ реальному значенію глагола признакъ полноты проявленія, соединяется вмѣстѣ съ тѣмъ и съ возвратною формою (ср. напр. шадовскія *prisiváikščioti* и *pasiváikščioti*).

Что касается перевода на русскій языкъ приведенныхъ мною примѣровъ, то, понятно, не вездѣ можно передать оттѣнокъ значенія, вносимый возвратною формою, обозначающею признакъ въ полнотѣ его проявленія, не прибѣгая къ болѣе или менѣе длиннымъ описаніямъ. Въ этого рода случаяхъ я оставлялъ въ русскомъ переводѣ упомянутый оттѣнокъ безъ особаго выраженія. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что нисколько не претендую на безошибочность опредѣленія значенія полноты проявленія признака въ его сочетаніи съ субъектомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ здѣсь нетрудно впасть въ ошибку излишняго субъективнаго взгляда. Мое непосредственное чутье фактовъ литовскаго языка подсказываетъ мнѣ то именно опредѣленіе, которое я далъ, но возможно, что нѣкоторые отдѣльные случаи придется исключить изъ той категоріи, къ которой я ихъ отнесъ.

VI. Форма возвратнаго залога вноситъ значеніе безличности, т. е. признакъ, обозначаемый глагольною основою, берется въ его отвлеченіи отъ субъекта, безъ отношенія къ этому послѣднему, при чемъ подлежащимъ становится значеніе признака самаго глагола, а сказуемымъ значеніе происхожденія этого признака во времени, напр. въ лит. *trópyjos* (см. ниже) — «случилось» мы находимъ такое значеніе, которое можетъ быть передано описательно слѣдующимъ образомъ: «случай произошелъ».

A. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Годлевскій говоръ.

kaĩp jém atsitìko 201—какъ ему приключилось.
jaũ bóbai nusibódo... sėdė́t 205—уже бабѣ опротивѣло сидѣть.
táu nesidū̃da prikélt karáliaus dùkterį 190—тебѣ не удается воскресить королевну.

2) Говоръ сказокъ Шлейхера.

jr teĩp nusìdavė 125—и такъ случилось ср.
kàs toliaũ nusidū̃s 132—что дальше случится.
kaĩp kùkoriui pū̃las 231—какъ подобаетъ повару.
jám nepasìsekė 160—ему не удалось.
ir trópyjos jém pèr dìdelį bálą eít 129—и случилось ему идти черезъ большое болото.

B. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.

Гивенти не нусибодасъ 633—жить не противно.

2) Говоръ сказокъ сообщенной Гейтлеру Кс. Явнисомъ.

Atsitìka kad 22 – случилось, что.

C. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.

Tinkasi kartays iszeýt 21, 8—случается иногда выходить.

2) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.

nórėsi givénti IV 46—хочется жить.

jam teipát nusitìka II, 418—съ нимъ случилось то же.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ видно, что въ глаголахъ значеніе безличности, вносимое возвратною формою, существуетъ въ литовскомъ языкѣ въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Конечно, я не могу представить точныхъ цифровыхъ данныхъ, но уже изъ сопоставленія довольно значительнаго числа примѣровъ, гдѣ является значеніе возвратной формы, принадлежащее къ одной изъ пяти вышеупомянутыхъ категорій, съ незначительнымъ числомъ случаевъ, въ которыхъ мы находимъ значеніе безличности, и которые извлечены мною изъ тѣхъ же самыхъ текстовъ, что и вышеупомянутые примѣры, видно, каково приблизительное отношеніе случаевъ шестой категоріи къ случаямъ каждой изъ первыхъ пяти категорій, гдѣ я при томъ и не вездѣ давалъ полный перечень извѣстныхъ мнѣ изъ даннаго текста примѣровъ.

Переходя къ нѣкоторымъ подробностямъ, замѣчу, что при глаголахъ въ возвратной формѣ съ значеніемъ безличности нерѣдко является форма неопредѣленнаго, инфинитива (ср. напр. *гивенти не нусибодасъ*—жить не противно; *tinkasi iszeyt*—случается выходить; *nórėsi givénti*—хочется жить). По отношенію къ вопросу о синтактической роли этой послѣдней формы, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что она является здѣсь второстепенною частью предложенія, именно дополненіемъ. Правда, мы склонны разсматривать такое напр. предложеніе, какъ «случается выходить», съ иной точки зрѣнія: подъ вліяніемъ аналогіи со стороны предложеній

типа «случается несчастіе» и т. п. является стремленіе считать инфинитивъ «выходить» грамматическимъ подлежащимъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что подобнаго рода стремленіе не имѣетъ пока еще рѣшающаго значенія, и при провѣркѣ несомнѣнно чувствуется искусственность такого толкованія синтактической роли инфинитива.

По поводу *bodos* замѣчу, что *bôdu*, которое Куршатъ въ своемъ литовско-нѣмецкомъ словарѣ даетъ въ скобкахъ, извѣстно мнѣ напр. изъ словаря Юшкевича, гдѣ на стр. 227 находимъ; «*Bósti, -stu, bódau, bósiu* надоѣдать, наводить скуку, пріѣдаться mierzić się, stawać się przykrym. Jaú bósta man rašýti, t. y. ne-b-nóriu. Aš bódau žiurė́damas, ir nusibóda man sakýti». Является теперь вопросъ, какъ смотрѣть на *bósta* въ безличномъ значеніи. Я думаю, что глаголъ *bôsti* имѣлъ первоначально значеніе отличное отъ возвратной формы *bôstis (bodêtis)*, т. е. въ формѣ невозвратной этотъ глаголъ имѣлъ значеніе «чувствовать къ чему-либо отвращеніе, скуку по поводу чего-либо»; затѣмъ въ формѣ возвратнаго залога онъ имѣлъ значеніе 1) безличности и 2) значеніе непрямаго возвратнаго. Съ теченіемъ времени въ виду особенности реальнаго значенія данной глагольной основы появилось смѣшеніе возвратной и невозвратной формы въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, *bósta* получило значеніе безличности, а съ другой стороны, *bôstis* совпало по значенію съ *bôsti*.

Затѣмъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что *trópyjos*, приведенное мною изъ собранія сказокъ Шлейхера, (ср. въ невозвратной формѣ *trõpyju* — «встрѣчаю»), представляетъ собою, мнѣ кажется, цѣликомъ заимствованіе изъ польскаго *trafia się*, равно какъ и *trõpyju* несомнѣнно заимствованъ изъ польскаго *trafić*, взятаго въ свою очередь изъ нѣмецкаго языка, ср. нѣм. treffen.

VII. Форма возвратнаго залога вноситъ значеніе страдательное. Признакъ, обозначенный глагольной основой и являющійся въ формѣ невозвратной въ сочетаніи съ субъектомъ, при чемъ онъ производится этимъ послѣднимъ по отношенію къ объекту, въ формѣ возвратной съ указаннымъ значеніемъ является даннымъ для упомянутаго объекта, становящагося такимъ образомъ субъектомъ. Различіе между «состояніемъ» и «страдательнымъ значеніемъ» въ томъ, что страдательное значеніе всегда соотносительно съ нестрадательнымъ

значеніемъ, между тѣмъ какъ «состояніе» въ противоположность «дѣйствію» такой глагольный признакъ, который данъ въ сочетаніи съ субъектомъ какъ результатъ дѣятельности того же самаго или другого субъекта. Ср. напр. pater amatur a filio соотносительное съ filius amat patrem, и напр. sedet, moritur и т. д.

A. Среднелитовское нарѣчіе.

Годлевскій говоръ.

smáką po szlémе pasispaúdusį 237—змѣя подъ балкой прижатаго, ср. *po szlémе paspaústą* 236.

B. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.

калтайсъ нусижеминдами 216—унижаемые грѣхами.

...атэйсъ... вѣшни, та кури смерчю вадынасъ 633—придетъ гостья, та, которая называется смертью.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ Катихизиса 1547 г. и Forma chrikstima.

passimegstami ira 40, 17—нравятся.

Sehwęskiese wardas tawa 12, 16—да святится имя Твое.

Schwenskisi wardas tawa 36, 2—да святится имя *Твое.*

2) Говоръ Постиллы 1573 г.

tais szadeis prisimena mumis pradzie 144 — этими словами напоминается намъ начало.

du dáiktu mumis neperweszlibu regetessi 147—двѣ вещи намъ кажутся нечестивыми.

To mumis schwesei szenklinassi 140 — намъ ясно показывается.

D. Восточнолитовское нарѣчіе.

Говоръ Ширвида.

idant (graźibe) galetu nudalitis 72, 11—чтобы (красота) могла удѣлиться.

grudan garstičios ne mienas dayktas negal indetis didis 124, 16—въ зерно горчичное не можетъ быть помѣщенъ ни одинъ большой предметъ.

apleydziasi čia kiti dayktay 46, 29—опускаются здѣсь другія вещи.

liginasi 10, 21—приравнивается.

iżkratimas iżsimano 13, 15—разрушеніе разумѣется.

kiek tiktai gal praminetis 69, 22 — сколько только можетъ быть упомянуто.

dayktus, kurie regieios terp sawis priešingi 30, 11—вещи, которыя казались несогласными другъ съ другомъ.

negal regietis akims kuno 15, 7—не могутъ быть видимы тѣлесными глазами.

regisi čia żodżiuose raszto essunti priesztarte 58, 31 — въ словахъ писанія здѣсь кажется противорѣчіе.

idant ne regietus nuogiste io 64, 1 — чтобы не видна была нагота его.

skiriasi gierieii ir teysus nuog piktuin 21, 21 — отдѣляются добрые и праведные отъ злыхъ.

dungus wadinasi 12, 11—небо называется.

wadinasi ta żinia 12, 23—называется это знаніе.

pats wienas tikray gražus turi wadintis 72, 14—одинъ только онъ можетъ быть названъ истинно прекраснымъ.

wadinasi dayktai dwasingi ne regimays 79, 6 — называются духовные вещи невидимыми.

2) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.

girdétis da bíva paukšteliu giedójimas II, 419.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ видно, что значеніе страдательное, вносимое возвратною формою, въ современномъ литовскомъ языкѣ является въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Примѣръ, взятый мною изъ сказки, записанной въ Годлевѣ Бругманомъ, самъ по себѣ могъ бы быть истолкованъ, какъ случай третьей категоріи (змѣя, прижавшаяся подъ балкою), но, мнѣ кажется, контекстъ свидѣтельствуетъ противъ такого пониманія; именно на стр. 236 сказка начинается слѣдующимъ предложеніемъ: «Идетъ крестьянинъ дорогою черезъ лѣсъ и находитъ змѣя, прижатаго балкой *(paspáustą)*», гдѣ, какъ мы видимъ

стоитъ причастіе съ страдательнымъ значеніемъ; далѣе непонятны были бы просьбы змѣя освободитъ его отъ давящей его тяжести, если бы предположить, что онъ самъ нарочно забрался подъ балку, такъ какъ вѣдь изъ хода разсказа выясняется, что крестьянинъ дѣйствительно оказалъ услугу змѣю.

Въ Кантычкахъ 1865 г., представляющихъ жемайтское нарѣчіе, мы находимъ случаи, гдѣ возвратная форма является именно съ страдательнымъ значеніемъ; мною отмѣчено два такихъ случая.

Наконецъ, доказательствомъ того, что изъ современнаго литовскаго языка не вполнѣ исчезло разсматриваемое значеніе возвратной формы, служитъ между прочимъ довольно распространенное употребленіе глагола *vadîntis* въ значеніи «быть называемымъ».

Итакъ, мы разсмотрѣли на примѣрахъ различные случаи употребленія въ литовскомъ языкѣ возвратной формы глаголовъ, при чемъ я еще разъ подчеркиваю то обстоятельство, что во всѣхъ выше упомянутыхъ случаяхъ мы находимъ форму возвратнаго залога соотносительную съ невозвратною формою. Значеніе соотвѣтственнаго глагола въ невозвратной формѣ я вообще предполагалъ извѣстнымъ и, если останавливался на нѣкоторыхъ случаяхъ и по отношенію къ этого рода значенію, то каждый разъ это вызывалось особыми обстоятельствами.

Выше мы нашли, что въ литовскомъ языкѣ въ его современныхъ говорахъ и старыхъ текстахъ возвратная форма имѣетъ слѣдующія основныя значенія:

I. Прямое возвратное значеніе.
II. Непрямое возвратное значеніе.
III. Значеніе измѣненія въ состояніи.
IV. Взаимно-возвратное значеніе.
V. Значеніе полноты проявленія признака.
VI. Значеніе безличности.
VII. Значеніе страдательное.

Значеніе полноты проявленія признака, обозначаемаго глагольною основою, въ его сочетаніи съ субъектомъ, какъ результатъ дѣятельности самого субъекта или другого лица, само по себѣ не есть значеніе формы залога. Дѣло въ томъ, что формою залога

обозначаются извѣстныя различія въ отношеніи даннаго признака къ тому предмету мысли, который является субъектомъ этого признака. Въ данномъ случаѣ въ современномъ состояніи языка, какъ я указывалъ, мы не находимъ уже значенія собственно формы залога, такъ какъ значеніе «полнота проявленія признака въ его сочетаніи съ субъектомъ» не есть, понятно, значеніе, обозначающее нѣчто въ самомъ отношеніи признака къ субъекту этого признака. Если я тѣмъ не менѣе включилъ эту категорію случаевъ въ число примѣровъ, гдѣ мы несомнѣнно находимъ форму залога, то это объясняется тѣмъ именно обстоятельствомъ, что и до ихъ поръ еще въ языкѣ проступаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣе или менѣе интенсивно основное значеніе отвлеченія отъ предиката или непрямое возвратное значеніе, являющееся несомнѣнно значеніями формы залога.

Изъ представленнаго мною матеріала можно сдѣлать выводъ, что литовскій языкъ въ эпоху его распаденія имѣлъ всѣ упомянутыя значенія возвратной формы, за исключеніемъ случаевъ V категоріи, которые въ пралитовскомъ языкѣ, можетъ быть, были еще или случаями II-й категоріи, или случаями особой категоріи съ значеніемъ отвлеченія признака отъ объекта, за которыми мы можемъ оставить названіе случаевъ V-ой группы.

Наше изслѣдованіе значенія формы залога въ литовскомъ языкѣ было бы, однако, неполнымъ, если бы мы оставили безъ вниманія довольно многочисленные глаголы, имѣющіе образованіе возвратной формы, но не имѣющіе соотвѣтственныхъ образованій формы невозвратной. Сами по себѣ эти глаголы, понятно, не имѣютъ вовсе формы залога, такъ какъ присутствіе формы залога въ глаголѣ необходимо требуетъ существованіе соотносительныхъ формъ, различающихся по формамъ залога: тамъ, гдѣ глаголъ имѣетъ только одну форму, однородную съ одною изъ формъ залога, само собою разумѣется, нѣтъ никакой формы залога. Однако, глаголы, имѣющіе только возвратную форму въ извѣстныхъ отношеніяхъ однородны съ глаголами, представляющими возвратную форму въ ея соотношеніи съ невозвратною формою, какъ формою залога.

Прежде всего приведу примѣры.

A. Среднелитовское нарѣчіе.

1) Людвиновскій говоръ.

скринялѣм гѣрѣјаус XC, 2, 2—сундучками любовалась.
джаугѣс LXXVI, 1—радовался.
атсильсѣтѣ LXVII, 5—отдохнуть.
рашитајс несигрожѣсіу LXIII, 6 — вышиваньемъ не стану любоваться.
ат несиджаугсіу LXIII, 6—я не стану радоваться.
аш тау пасиклонгосіу LVII, 7—я поклонюсь тебѣ.
ту пасиклауске сену тѣвялю XXXVIII, 3—ты спросись ка старыхъ родителей.

2) Годлевскій говоръ.

duktė̀ prasidžiùgo 180—дочь обрадовалась.
jìs džiaúgdamasis éjo namó 173—онъ радуясь пошелъ домой.
Kùr tù atsìgules 164—гдѣ ты легъ.
pasilsė́t 166—отдохнуть.
kàd jìs in màne nesijū̃ktu 232—чтобы онъ надо мной не смѣялся.

3) Говоръ сказокъ Шлейхера.

jìs apsidaírė 118—онъ оглянулся.
Vélnies... prasidžùgo 161—чертъ обрадовался.
nusigàndusi 122—испугавшись.
Dė́dė pasigėrė́jo taís vaikáczeis 126—дядя обрадовался ребятамъ.
jis gū̃des 233—онъ жаловался.
àsz pasiilsė́jęs 130—я отдохнувши.
tù bútum jū̃kęsis 132—ты бы смѣялся.
gailė́jos (*karálius*) 194—сожалѣлъ.
Túpkis į vežìmo galą 145—садись на концѣ повозки.

B. Жемайтское нарѣчіе.

1) Говоръ Кантычекъ 1865 г.

Пасигайлекъ суспаудима 261—сжалься надъ утѣсненіемъ.
Ямъ Аніолай стебіесе 17—ему ангелы дивились.

2) Говоръ сказки, сообщенной Гейтлеру Кс. Явнисомъ.
szis nėsibáidė ir ryżos eiti tarnáuti 22—онъ не боялся и рѣшился идти служить.

C. Мемельское нарѣчіе.

1) Говоръ Катехизиса 1547 г. и Forma chrikstima.
biakietese 7, 10—бойтесь.
gailetiesi 38,—17—жалѣть.

2) Говоръ Постиллы 1573 г.
Nebijakis 145—не бойся (ср. bijatumbim 136).
Nussigandusi ira 145—она испугалась.

3) Говоръ матеріаловъ, сообщенныхъ Бецценбергеромъ во II т. Mitteilungen der Litauischen litterarischen Gesellschaft.
tũ nàture bijõ̯tis 39, 20—ты не долженъ бояться.
princèse dèdei pasidżaújes 39, 17—принцесса сильно обрадовалась

D. Восточнолитовское нарѣчіе.

1) Говоръ Ширвида.
biiotis 66, 26—бояться.
kurie... gayleios ażu neteysibes 20, 12—которые сожалѣли о неправдѣ.
kurie iżsigundy 9, 10—которые испугались.
juokiasi... żuvis 112 10—радуются рыбы.

2) Шадовскій говоръ по матеріаламъ Концевича.
apsidaírė II, 164—оглянулся.
inə... nusigùnda III, 117—она испугалась.
gailədamiesi IV, 40—сожалѣя.
rodarótis IV, 45—радоваться.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ мы имѣемъ такіе глаголы, которые извѣстны только въ возвратной формѣ. Не имѣя сами по себѣ, какъ то разъяснено выше, формы залога, они тѣмъ не менѣе связываются извѣстнымъ образомъ съ тѣми глаголами, которые имѣютъ форму возвратнаго залога. Съ одной стороны, связь это чисто внѣшняя: и тѣ, и другіе глаголы составляютъ одинъ классъ глаго-

ловъ по отношенію къ присутствію характернаго для возвратной формы *si* и по отношенію къ характернымъ личнымъ окончаніямъ въ томъ случаѣ, если *si* является въ качествѣ постпозиціи. Съ другой стороны, оба разсматриваемые класса глаголовъ могутъ быть нами объединены и по значенію. Въ самомъ дѣлѣ, если мы присмотримся ближе къ глаголамъ, представляющимъ только возвратную форму, то замѣтимъ, что во всѣхъ случаяхъ здѣсь является значеніе непереходности. Грамматически непереходными глаголами мы должны называть такіе глаголы, которые не имѣютъ при себѣ объекта въ *винительномъ* падежѣ, и въ этомъ отношеніи всѣ упомянутые выше категоріи глаголовъ съ формою возвратнаго залога кромѣ II составляютъ одинъ общій классъ грамматически непереходныхъ глаголовъ. Если, какъ мы видѣли выше, и являются въ рѣдкихъ случаяхъ при такихъ глаголахъ объекты въ винительномъ падежѣ, то это во всякомъ случаѣ явленіе не первоначальное, а вторичное (ср. стр. 19, 40, гдѣ мы имѣемъ *суситинка мергужёля;* и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ вліяніе со стороны невозвратнаго *sutìkti).* Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, несмотря на то, что признакъ непереходности сравнительно, впрочемъ, рѣдко теряется въ силу вторичныхъ процессовъ, въ общемъ разсматриваемые глаголы представляютъ именно классъ грамматически непереходныхъ глаголовъ. Вотъ въ этомъ-то отношеніи и глаголы, имѣющіе только возвратную форму, могутъ связываться въ нашемъ сознаніи съ частью глаголовъ, имѣющихъ форму возвратнаго залога. Само собою разумѣется, что грамматически непереходные глаголы существуютъ и въ формѣ невозвратной (ср. напр. *kovôju sù kûmì* или *prẽsz ką),* но здѣсь они отличаются отъ переходныхъ глаголовъ (напр. *dûtı ką)* только въ синтактическомъ отношеніи, не отличаясь отъ нихъ и въ образованіи формъ спряженія.

Выше я сказалъ, что I и III—VII категоріи глаголовъ съ формою возвратнаго залога составляютъ одинъ общій классъ непереходныхъ глаголовъ въ томъ смыслѣ этого термина, въ какомъ я понимаю значеніе непереходности, слѣдуя за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (см. его статью «О залогахъ русскаго глагола», мною уже цитированную). Тѣ глаголы, у которыхъ возвратная форма служитъ для образованія значенія безличности, отличаются отъ всѣхъ прочихъ категорій въ томъ отношеніи, что представляютъ это послѣднее значеніе, значеніе

отвлеченія отъ субъекта признака, сходясь съ ними въ значеніи непереходности.

Что касается вопроса о происхожденіи возвратной формы у глаголовъ разсматриваемой категоріи, то въ бо́льшей ихъ части она, несомнѣнно, появилась по аналогіи глаголовъ съ формою возвратнаго залога, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ она, можетъ быть, имѣетъ и другое происхожденіе, именно, мнѣ кажется, возможно видѣть въ глаголахъ типа лит. *bijôtisi*, лат. *bîtês* ослабленное значеніе второй категоріи, т. е. первоначально данный глаголъ значилъ «бояться въ своихъ интересахъ, бояться за себя», а затѣмъ въ силу особенностей реальнаго значенія здѣсь укрѣпилась возвратная форма; равнымъ образомъ напр. лит. *gailêtis* могло значить первоначально: «я чувствую сожалѣніе къ чему или кому-либо въ своихъ интересахъ» и т. п.

Итакъ, разсмотрѣнные нами случаи употребленія возвратной формы глаголовъ, соотносительной съ невозвратной формой, представляютъ значеніе формы залога, такъ какъ возвратная форма обращаетъ эти глаголы въ непереходные, при чемъ обозначаются извѣстныя различія въ отношеніи признака, обозначаемаго глагольною основою, къ субъекту этого признака. Глаголы, соотносительные съ возвратными глаголами и представляющіе невозвратную форму, являются по бо́льшей части именно переходными. Глаголы II категоріи имѣютъ особое значеніе: здѣсь обозначается, что субъектъ признака имѣетъ къ нему, кромѣ прямаго, еще и непрямое отношеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, относящихся къ V категоріи, гдѣ глаголъ въ невозвратной формѣ, является непереходнымъ (*stôti*, *bêgti* и т. п.), мы не находимъ, строго говоря, формы залога, и по этой причинѣ они должны быть исключены изъ числа глаголовъ съ формою возвратнаго залога, но тѣмъ не менѣе они соотносительны съ этими послѣдними какъ по внѣшнему признаку (ср. что было сказано выше о глаголахъ, не имѣющихъ невозвратной формы), такъ и по сходству въ части значенія (полнота проявленія признака, обозначаемаго глагольною основою, въ сочетаніи съ субъектомъ этого признака).

За указанными ограниченіями глаголы съ возвратною формою представляютъ именно форму залога двухъ видовъ.

Теперь мнѣ остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ, почему

за этою формою залога мы можемъ оставить названіе «возвратнаго залога».

Терминъ «возвратный залогъ» возникъ первоначально въ примѣненіи къ тѣмъ глаголамъ, которые въ формѣ «возвратнаго» залога представляютъ переходъ дѣйствія на субъектъ признака, обозначаемаго глагольною основою, такъ сказать, возвращеніе дѣйствія къ своему источнику, являющемуся въ то же время и объектомъ даннаго дѣйствія. Само собою разумѣется, что терминъ «возвратный залогъ» прилагается непосредственно и къ тѣмъ глаголамъ, которые выше названы мною взаимно-возвратными. Далѣе, по аналогіи этотъ терминъ можетъ быть перенесенъ нами и на глаголы съ значеніемъ непрямаго возвратнаго залога, такъ какъ здѣсь дѣйствіе, хотя и не обращено на субъектъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ къ нему извѣстное ближайшее отношеніе, кромѣ того отношеніе, которое существуетъ между субъектомъ и признакомъ, обозначающимъ дѣйствіе. Въ концѣ концовъ терминъ «возвратный залогъ» въ широкомъ смыслѣ переносится нами и на всѣ другіе случаи, гдѣ мы находимъ глаголы съ формою залога, однородною въ извѣстномъ отношеніи съ только что перечисленными случаями. Такимъ образомъ терминъ «возвратный залогъ» имѣетъ чисто условное значеніе, обозначая въ сущности такую форму залога, которая вноситъ значеніе или непереходности признака, обозначаемаго глагольною основою, или непрямаго отношенія къ нему субъекта. Что касается термина medium, средній залогъ, возникшаго какъ извѣстно, въ отдаленную александрійскую эпоху греческой образованности, то онъ представляется мнѣ менѣе удобнымъ сравнительно съ терминомъ «возвратный залогъ» въ виду того обстоятельства, что форма средняго залога въ греческомъ языкѣ отличается отъ возвратной формы въ балтійскихъ языкахъ и по происхожденію, и частью по значенію. Въ греческомъ языкѣ форма medium была продолженіемъ индоевропейской формы, за которой мы можемъ оставить названіе medium. Въ балтійскихъ языкахъ, какъ мы увидимъ, разсматриваемая форма представляетъ собою новообразованіе, не имѣющее непосредственнаго отношенія къ утраченной формѣ индоевропейскаго средняго залога.

ГЛАВА III.

Значенія формы возвратнаго залога въ латышскомъ языкѣ.

Билепштейнъ посвятилъ нѣсколько параграфовъ вопросу о значеніи возвратной формы въ латышскомъ языкѣ не въ большомъ двухтомномъ трудѣ Die lettische Sprache, а въ извлеченіи изъ того сочиненія, представляющемъ и нѣчто новое сравнительно съ этимъ послѣднимъ, именно отдѣлъ, посвященный краткому изложенію синтаксиса и обзору значенія формъ склоненія и спряженія. Эта сокращенная грамматика даетъ такимъ образомъ въ извѣстномъ отношеніи важное дополненіе къ основной работѣ Биленштейна. Издана она въ Митавѣ въ 1863 г. подъ заглавіемъ «Lettische Grammatik von A. Bielenstein» и представляетъ собою первую часть задуманнаго авторомъ Handbuch der lettischen Sprache, вторая часть, котораго (хрестоматія), къ сожалѣнію, не появилась въ свѣтъ.

Въ §§ 688—691 Биленштейнъ говоритъ слѣдующее: «Основное значеніе средняго залога (возвратнаго залога) есть значеніе возвратное, т. е. дѣйствіе глагола касается субъекта, отъ котораго оно исходитъ». Уже въ этомъ первомъ опредѣленіи мы находимъ шагъ впередъ сравнительно съ точкою зрѣнія Шлейхера, который, какъ мы видѣли, не далъ общаго опредѣленія соотвѣтственной формѣ литовскаго языка. Далѣе Биленштейнъ различаетъ прямой средній залогъ, когда субъектъ глагола является вмѣстѣ съ тѣмъ и объектомъ; непрямой средній залогъ, когда дѣйствіе только касается субъекта, совершаясь для него въ его интересахъ; взаимный средній залогъ, когда дѣйствіе переходитъ взаимно съ одного субъекта на другой; субъективный средній залогъ, имѣющей *возвратную* форму безъ присвоеннаго ей значенія; по словамъ Биленштейна, глаголы этого типа имѣютъ значеніе субъективной (внѣш-

ней или внутренней) дѣятельности, душевнаго движенія, часто состоянія субъекта, при чемъ дѣйствіе обращается обратно на субъектъ, такъ что онъ является одновременно и дѣйствующимъ, и страдающимъ; такова форма medii у глаголовъ непереходныхъ. Уже съ перваго взгляда ясно, что четвертая категорія случаевъ, потребовавшая многословнаго и все-таки неяснаго опредѣленія, не представляетъ собою, строго говоря, формы залога даже съ точки зрѣнія самого Биленштейна; упоминаемые здѣсь глаголы только соотносительны по извѣстному признаку съ прочими глаголами, имѣющими возвратную форму.

Въ примѣчаніи къ § 688, гдѣ говорится о medium directum, сказано, что упомянутая форма medii обозначаетъ нерѣдко возвратнее дѣйствіе (reflexive Thätigkeit), приписываемое одушевленному или неодушевленному субъекту, при чемъ совсѣмъ не упоминается о томъ субъектѣ, который, собственно говоря, производитъ данное дѣйствіе; такого рода медіальная форма служитъ, по словамъ Биленштейна, простою замѣною страдательнаго залога. Примѣръ baʃníza sákusi̯s толкуется такимъ образомъ: der Gottesdienst hat («sich») angefangen, d. h. ist begonnen worden. Искусственность объясненія того, какимъ образомъ форма средняго залога получаетъ значеніе страдательнаго залога, не требуетъ, мнѣ кажется, никакихъ разъясненій. Легко понять и причину, заставившую Биленштейна избрать указанный путь. Дѣло въ томъ, что разъ онъ опредѣлилъ какъ общее значеніе средняго залога то значеніе, которое называется возвратнымъ, онъ уже не могъ втиснуть въ эту рамку тѣхъ случаевъ, гдѣ форма medii имѣетъ страдательное значеніе, при условіи обычнаго опредѣленія значенія этой послѣдней, тѣмъ болѣе, что Биленштейнъ смѣшалъ вмѣстѣ случаи, гдѣ мы дѣйствительно находимъ страдательное значеніе, съ тѣми, гдѣ формою «средняго залога» обозначается измѣненіе состоянія субъекта признака, обозначеннаго глагольною основою. Въ заключительныхъ строкахъ примѣчанія авторъ прибѣгаетъ къ новому tour de force. «Въ рѣдкихъ случаяхъ», говоритъ онъ, «логическій субъектъ стоитъ при этомъ въ дательномъ падежѣ, ср. man gribbás ést., essen wird von mir gewollt (wortl. will sich mir). d. h. ich will essen». Въ данномъ примѣрѣ, мы имѣемъ значеніе безличности, а въ слѣдующемъ при-

мѣрѣ: áiſmi'rsás man dſi°smiņa мы имѣемъ, само собою, значеніе измѣненія состоянія.

Итакъ, и Биленштейнъ въ общемъ не вполнѣ разобрался въ приведенныхъ имъ фактахъ. Ему помѣшало это сдѣлать то обстоятельство, что съ самаго начала онъ невѣрно опредѣлилъ общее значеніе формы medii, которую онъ въ большомъ трудѣ называетъ reflexivum. Въ краткой грамматикѣ основной терминъ именно medium, хотя съ общимъ опредѣленіемъ значенія этой формы очень хорошо согласуется терминъ reflexivum. Основная ошибка Биленштейна выяснится для насъ во всѣхъ деталяхъ послѣ разбора фактовъ, представляемыхъ латышскимъ языкомъ къ которому я теперь перехожу.

I. Возвратная форма въ латышскомъ языкѣ, какъ и въ литовскомъ языкѣ, обозначаетъ, что дѣйствіе обращается на субъектъ даннаго признака, къ нему возвращается, при чемъ и здѣсь дѣйствіе части касается внѣшности субъекта. частію же касается его въ его цѣломъ.

A. Среднелатышскіе говоры *).

1) Сборникъ Спрогиса (указывается страница и № пѣсни).

Аунътъс, бâлеліньі—Обувайтесь, братья, 104 стр., № 66.

Шлата визес апâвôс—Я обулся въ широкіе лапти, 110 стр., № 2.

Не аунъс забакôс—Не надѣвай сапоговъ, 270 стр., 5 стр.

Аунъъс кâяс,—Обувайся, 57 стр., № 8.

Тауту мейта дâваîс—Суженая отдаетъ себя, 158 стр., № 80.

Упітê мазгайъс—Въ рѣкѣ ты умываешься, 40 стр., № 10.

Пуйшу дêль пушкояс—Для молодцовъ убирается, 150 стр., № 23.

Лîну двъли слуцітъс—Льняное полотенце, чтобы утираться, 78 стр., № 13.

Седзъс балту віланіті—Накройся бѣлымъ покрываломъ, 4 стр., № 9.

---

*) Слѣдуя примѣру Э. А. Вольтера, я называю восточнолатышскими говорами тѣ говоры, которые Биленштейнъ называетъ oberländisch. hochlettisch, сохраняя названіе среднелатышскаго нарѣчія за нарѣчіемъ, называемымъ и Биленштейнымъ среднимъ.

Лай сілдàс тъ ляутіньи—Пусть грѣются тѣ люди, 11 стр., № 36.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда (указывается № пѣсни).

Гéрбіас мана лiавіня—Одѣвайся, суженая моя, 647.

Апгéрбъя́с судрабай — облекается (солнце) въ серебристую ткань, 170.

Лея́ тэ̀ку мазга́тіас—Въ долину бѣгаю я купаться, 180.

Ма́ціас паши, сѐрдіанíтэ—Учи сама себя, спротинушка, 903.

Кална́ тэ̀ку пушку́атіас—Спѣшу на гору украшаться, 180.

Парàдíас ганіням—Покажись пастуху, 893.

Сѐдзу́ас балту вілла́йніті—я покрылась бѣлой виллайной, 238.

Лай сілда́с шìа ля́утіни—Пусть погрѣются тѣ люди, 825.

3) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени Трейланда (указывается отдѣлъ и №, при чемъ у самого Трейланда отдѣлы перенумерованы II, III, IV, а у меня I, II, III).

Аunî̊s... kàjas—обувай... ноги, III, 12.

gérbî̊s zìda drèbítés—одѣвайся въ шелковыя платья, III, 40.

Laìzû́s kákis—Облизывается какъ кошка, I, 474,

Kas l'î̊lís, ja pats nel'î̊lísî̊s—Кто же похвалитъ, если самъ не похвалишься, I, 631.

taucî̊s zelta gredzenu—надѣнь золотое кольцо, III, 15.

neràdî̊s—не показывайся, III, 1.

Cî̊mít, atsedzî̊'s vīlaini—Сосѣдка, сними покрывало, I, 190.

sīldî̊s—грѣйся, III, 6.

slaùcíjû̊s—я утирался II, 920.

tinî̊s zida lakatiná—завернись въ платочекъ, III, 34.

В. Восточнолатышское нарѣчіе.

1) Матеріалы, собранные Уляновской (указывается страница).

Aleksandra apzagierbiaś jô driabiâś—Александръ одѣлся въ его платье, p. 420.

pazagloboj ajz kûka—спрячься за дерево, p. 127.

jej izamozgoja—она умылась p. 314.

pieras pujszi pierti—моются парни въ банѣ, p. 273.

ar aszni padzarakśtiejtiś—кровью подписаться, p. 426.

Kab tu man̂ vajrok nazaroditib—чтобы ты мнѣ больше не показывался, p. 370.
sildietiś—грѣться, p. 487.
Wialciś—одѣвайся, p. 349.
Iej pizazina—она призналась, p. 424.
jis napizazyna nikô—онъ не признался ни въ чемъ, p. 289.

Уже при первомъ взглядѣ на приведенные выше примѣры бросается въ глаза сходство языковъ латышскаго и литовскаго по отношенію къ случаямъ употребленія возвратной формы съ прямымъ возвратнымъ значеніемъ. И въ латышскомъ языкѣ, какъ я уже замѣтилъ выше, мы находимъ, съ одной стороны, такіе глаголы, какъ *aũtès*—«обуваться», *mazgãtès*—умываться, т. е. умывать лицо, руки», *pèrtès*—«мыться, купаться», гдѣ дѣйствіе направлено или на внѣшность субъекта-объекта или извѣстныя части этой внѣшности. Съ другой стороны, напр. *rãditès* — «показываться» принадлежитъ къ числу глаголовъ, которые обозначаютъ дѣйствіе, направляющееся на субъектъ-объектъ въ его цѣломъ, безъ яснаго упоминанія объ одной внѣшности.

По поводу глаголовъ съ значеніемъ «обуваться», «одѣваться» замѣчу, что, какъ видно изъ примѣровъ, и въ латышскомъ языкѣ является двойная конструкція: то, что надѣвается, является или въ винительномъ или въ мѣстномъ падежѣ. Присхожденіе конструкціи съ винительнымъ падежемъ то же, что и въ литовскомъ языкѣ.

Наконецъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что и въ латышскомъ языкѣ мы находимъ глаголъ—*zinãtès* со значеніемъ сознавать себя, признаваться» (ср. примѣръ изъ восточнолатышскаго нарѣчія).

Что касается восточнолатышскаго *padzarakśtiiejiś*, то оно представляетъ, мнѣ думается, измѣненіе собственнаго латышскаго *pasarakstît* подъ вліяніемъ славянскаго «подписаться». Съ этимъ латышскимъ глаголомъ однородно литовское *pasiraszýti.*

Какъ любопытный фактъ заимствованія цѣлаго оборота рѣчи изъ чужого языка съ переводомъ его на собственный, я могу привести латышское *dũdîs mîrâ*—«успокойся» изъ Матеріаловъ Трейланда, III, 11, представляющее собою нѣмецкое «Gieb dich zufrieden».

II. Возвратная форма и въ латышскомъ языкѣ имѣетъ не прямое возвратное значеніе, указывая на то, что дѣйствіе имѣетъ къ субъекту этого дѣйствія кромѣ обычнаго и еще другое отношеніе, будучи для него, въ его интересахъ.

А. Среднелатышскіе говоры.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

Новійôс патадзіню—я свиваю (себѣ) бичъ, 15 стр., № 19.

Савишôс вайнедзінь—я совью себѣ вѣночекъ, 183 стр. № 39.

Сасагуву вирâкстіню—поймала я себѣ лопушникъ. (Достался мнѣ лопушникъ) 58 стр. № 2.

Пасадзѣд, бâлелінь—пой себѣ теперь, братецъ, 198 стр., № 21, ср. *Падзѣдая* 21.

Но Дѣвиня ізлŷдзôс—я выпросилъ себѣ у Бога, 216 стр. № 6.

Тик пат дêлу-мâміняй мейту-мâтес ялŷдзâс—однакожъ матери сыновей приходится кланяться (собств. просить) матери дочерей, 236 стр, № 1.

Тауту дêліс лŷкоя̂с — высматриваетъ себѣ меня молодецъ, 185 стр., № 12.

Пуйшу лŷкотѣс — высмотрѣть (себѣ) молодцовъ, 287 стр., № 3 bis.

Нопіркôс сев кумелю—я купилъ себѣ... коня, 116 стр., № 3.

Лайку сâка прецетѣс—рано начали свататься, 241 стр., № 4.

Лай дзивит тайсія̂с—чтобы устраивать себѣ хозяйство, 63 стр., № 13.

Аткал межа тауяйôс—снова домогаюсь для себя лѣса, 148 стр., № 12.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Айсавѐру дуртіняс—я затворила дверь, пѣсни, 715.

Айсаю́дзу вàверіті—я запрягъ себѣ бѣлочку, пѣсни, 331.

Тік пат бій, дэлу мàтэй мéйтас мàтэс я́лу́дзáс—должна однако мать сыновей обратиться къ матери дочерей съ просьбою, пѣсни, 749.

Яя мані лŷку́атіас — приѣзжалъ присвататься ко мнѣ (присмотрѣть себѣ меня), пѣсни, 597.

Уазу́алс мані лŷку́аяс—дубъ подстерегаетъ меня, пѣсни, 405.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.

Cīt, zûbus sakûdis—терпи, стиснувъ себѣ зубы, Трейландъ, Матеріалы I, 1547.

Bads māca lúgtīs — голодъ заставляетъ просить (милостыню), Матеріалы, I, 82.

В. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы, собранные Ульяновской.

Jej ajzatajsieja durs—она заперла себѣ двери, р. 351.

Lyûdzams—мы просимъ въ своихъ интересахъ, р. 479.

По поводу примѣровъ, приведенныхъ мною выше, замѣчу, что въ латышскомъ языкѣ употребленіе возвратной формы съ непрямымъ возвратнымъ значеніемъ распространено, повидимому, меньше, чѣмъ въ литовскомъ языкѣ. Далѣе, нельзя не обратить вниманіе и на тотъ фактъ, что въ латышскомъ языкѣ преобладаютъ случаи, въ которыхъ возвратная форма сохраняетъ разбираемое значеніе во всемъ его объемѣ, т. е. что сравнительно рѣдки тѣ случаи, гдѣ можно констатировать ослабленіе первоначальнаго значенія «для себя, въ своихъ интересахъ». Въ *lûkotъs* (два примѣра А, 1) мы находимъ такое ослабленное значеніе, которое хорошо передается на русскій языкъ нашимъ «высматривать себѣ» безъ логическаго ударенія на «себѣ». Такой же случай представляетъ и *sakûdis zûbus* (А, 3)— стиснувъ себѣ зубы. Въ примѣрѣ *ajzatajsieja durs* (В) мы находимъ то же самое — «заперла себѣ двери». Что касается примѣра изъ сборника Спрогиса: «*pasadzъd, bâlelinь*», то здѣсь мы имѣемъ случай такого ослабленія первоначальнаго значенія разсматриваемой формы, которое близко соприкасается съ такъ называемымъ dotivus ethicus. По поводу глагола *precetъs*—свататься (А, 1) замѣчу, что здѣсь основное значеніе «сватать для себя» не является затемненнымъ, какъ то можно было бы судить по русскому переводу.

III. Возвратная форма обозначаетъ то, что субъектъ признака получаетъ извѣстное измѣненіе въ своемъ состояніи.

А. Среднелатышское нарѣчіе.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

Не вар târlі вазатъс—Нельзя далеко бродить, 108 стр., № 8.

Dêlu-mâte валкаîс—Мать сыновей бродитъ кругомъ, 237 стр., № 6.

Лай ведâс ман телітес — Чтобы велись у меня коровушки, 87 стр., № 2.

Тур ъвêлêс тауту дêлс—Туда вкатился молодой мужъ. 107 стр., 14 строка.

Атсавêра земес вâрті—Растворились ворота земли, 218 стр., № 17.

Эс папръкшу вистійôс—Я впереди верчусь, 168 стр., № 8.

Пар зеру грôзіяс—Носится на озерѣ, 5 стр., № 5.

Яя таутас, атгръзâс — ѣдутъ чужіе люди. поворачиваютъ назадъ, 16 стр., № 8.

Âбелê жаудейъс—На яблонѣ просушиваешься, 40 стр., № 10.

Не лайдъс рâвенâ—Не садись (опускайся) въ топкомъ мѣстѣ, 104 стр., № 1.

Ѣсалайжу гару целю — Я пустился, отправился въ далекій путь, 123 стр., № 49.

Зарі вън лигояс—Только сучья одни качаются, 52 стр., № 13.

Тею вън лидікâс—Все кружатся на этомъ мѣстѣ, 96 стр., № 5.

Лікâс грязніс тауту дêлс—Гордымъ казался молодецъ, 185 стр., № 11.

Не лôкъс, вара тілтіс — Не гнись, красно-мѣдный мостъ, 170 стр., № 26.

Ней тъ скрêя, ней метâс — Они ни улетаютъ, ни садятся, 96 стр., № 4.

Не метъс шаî цъмâ — Не останавливайся въ этомъ селѣ, 120 стр., № 28.

Метъс, юра, каудзітê—Свернись, море, въ стогъ, 4 стр., № 9.

Лай лапіняс платіяс—Чтобы ширились листочки, 63 стр. № 13.

Кур ірбіте пурінâс—Гдѣ итраетъ (собств. трепочется) куропатка, 92 стр., № 10.

Спальвас вью путеяс—Перья даже разлетаются, 98 стр., 1 строка.

Атсаспъде веца лъпа—Старая липа оперлась, 35 стр., № 7.

Трауцъс эглес галіня—Взбирайся на еловую вершину, 112 стр., № 2.

Трûкстъс, ману кумелінь — Тронься съ мѣста, мой конь, Спрогисъ, № 6.

Кôші севі турейôс—Я хорошо себя держала, 150 стр., № 25

Пасашкір ту, земіт'—Разступись земля, 175 стр., № 17.

Тур бій лабі шу̀потъс — На нихъ хорошо качаться, 38 стр., № 27.

Носаюдзе кумеліньш—Распрягся мой конь, 200 стр., № 30.

Кур целя̂с лъла мі̀ла — Откуда подымается большой туманъ, 18 стр., № 7.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Дублю́с ті̀ эс волъію́с—Я валялся въ грязи, 458.

Пакална́ гру̀азі́тіас—На пригоркѣ покачиваться, 438.

Элле́ ка̀яс кара́я̀с—Ноги висятъ въ аду, 677.

Лаі̀ бу́т маніс ва́йнядзінис залю скую піаке́рі̀ас — Пускай въ мой вѣночекъ вцѣпились бы зеленыя иглы, 411.

Тур ванагі лідіна́с—Тамъ кружатся ястребы, 417.

Вірс у́дэня лі̀гу́а̀я̀с—Качаются на волнахъ воды, 198:

Метіас ла̀ивас галіня́ — Опустись на конецъ лодки (трясогузка), 298.

Лу́ацію́с лі̀дз земі́ті—(Склонился) до земли, 215.

Ну́алайдіас зѐмі́тэ́—Опустись на землю, 281.

Кур ірбі́тэ пурінáс—Гдѣ куропатка роется, 417.

Дзіасміня́с ремдэ́ді̀ас — Ты въ пѣсняхъ ищешь отрады, 8.

Зу̀абена́ усспіадіас—Подпершись своимъ мечемъ, 1037.

Трешá лі̀дзі ма̀йсія́с—Пристаетъ и третья, 482.

Шу̀пáіас, шу̀пу́алі́ті—Качайся котыбелька, 1069.

Айсша̀ва́с а́йскра́сні Ускользнула за печку, 439.

Целіас агрі—Вставай рано, 812.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.

Bàldi kaki ar púsli, tas bàldísi̊s — Пугай кошку пузыремъ, она—испугается, I, 469.

Putniņš agri cél̊is—Пташка рано встающая, I, 981.

...Ká mi̊ts atdurás—натыкается какъ колъ, I, 1366.

Maize kaklá atdurás—Хлѣбъ застрялъ въ горлѣ, I, 655.

...tavs pùriņš pi̊nemsi̊s—твое приданое растетъ, II, 34.

negr̀ûzi̊s—не шевелись, 5.

...laj jauns búdams pakarás—пусть молодымъ повѣсится ,I, 1351.

...juntá kerás—за крышу уцѣпился, II, 416.

Kustás ká údens zále—Колыхается какъ рѣчная трава, I, 1287.

Laidi̊s dibená—Опустись на дно, I, 248.

...laižás augšá — ...пускается кверху, II, 67.

Nìknas záles ìisur ìlasás — Сорныя травы вездѣ побираются, I, 1492.

Divi zìli balůdiši apakš zemes lidinás — Два сизыхъ голубочка кружатся подъ землею, II, 663.

Kas negrib lìktìs—Кто не хочетъ нагнуться, I, 844.

...vidus kůpá ì'ůdéjás—середка плотнѣетъ, II; 121.

Kas drabenés maìsás—Кто въ бардѣ валяется, I, 300.

Nelaìme laj labák pìmetás pì cilvékìm—Пускай несчастье лучше падетъ на людей, I, 852.

Plétìs—Разверзнись, III, 47.

...ràdás sudrabs—(находится) виднѣется серебро, II 856.

...tad meitám pupi raìsás — тогда у дѣвушекъ подрастаютъ груди, I, 965.

Us savu nelaìmi saraujás—Отъ своего несчастья сжимается, I, 853.

ká kakíte sariņgulůjusés—какъ кошечка свернувшись, III, 3.

...vìna sákás, 'ůtra beidzás = одна начинается, другая кончается, II, 307.

...kàjám sperás—ногами опирается, II, 1426.

Divi vanadziņi ap vìnu zariņu staipás—Два соколика вокругъ одной вѣточки тянутся, II, 556.

Kad pupas zìdét taìsás—Когда бобъ собирается цвѣсти, I, 965.

Kůks mežá ar kůku sasitás — Дерево съ деревомъ въ лѣсу сталкиваятся, 545.

Suns gul gubení ìritinájìs — Песъ лежитъ, закатившись въ кучу, II, 354.

...uz cita izstìpjás—отъ чужаго (несчастья) разбухаешь, I, 833.

Tup un turás—Сидитъ да держится, I, 1277.

...kad stabi neturéjás—когда колья не удержались, 1495.

...nàk uz laùku valstítìs—приходитъ на поле валяться, II, 199.

Sárkans katliņš zemé vàrás—Красный котелочекъ въ землѣ варится, II, 150.

Akmins veļásuz kázám—Камень катится на свадьбу, I, 38.

Velkás ká ute pa kažůku — Тащится какъ вошь по кожуху, I, 1303.

Atverìs laba gaìda—Раскрывшись, дожидается хорошаго, II, 729.

kù tu apkárt vazájìs—что ты шляешься, III, 3.

atsveltîs—развалиться, III, 28.
velîs—катись, III. 8.
vendîs—ворочайся, III, 8.
Kas bez eņģém virinás—Что отворяется безъ петель, II, 15.

B. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы Уляновской.
jaŭ biejdas jam gods—уже оканчивается ему годъ, p. 469.
obielnijcys pazaciela—яблоня поднялась вверхъ, p. 368.
Porzadzyna ir utru pusi — переплыли на другую сторону, p. 437.
acadziejwynoja—(онъ) ожилъ, p. 452.
pizagrizias sonim—повернулся на бокъ, p. 291.
Tułajk nuzakora ruka—тогда спустилась рука, p. 370.
pazakustynot'—двинуться, p. 409.
łajzas it—собирается идти, 340.
jej kop szyŭpieli i lejgojas — она влѣзаетъ въ люльку и качается, p. 237.
a tagad atsarodusiaś—а теперь она появилась, p. 244.
Kieniņcz ajzasirdieja—король разсердился, p. 369.
Kaj pazastatieja iz ziamiś ar kojom — Когда (онъ) сталъ на землѣ ногами, p. 400.
izatajsieja par tajdu sztuku pujsi — сдѣлался черезъ это красивымъ молодцемъ, p. 301.
adzatupa iz ługa—усѣлся на окнѣ, p. 314.
wajag turiatiś ajz wina—нужно держаться одного, p. 403.

То, что было сказано мною на стр. 38 сл. о возвратной формѣ съ значеніемъ измѣненія состоянія въ литовскомъ языкѣ, примѣняется вообще и къ латышскому языку. И здѣсь различіе между прямымъ возвратнымъ залогомъ и разсматриваемою формою опредѣляется нерѣдко различіемъ въ томъ, какъ мы должны представлять себѣ данную ситуацію. Напр. въ примѣрѣ A, 3 *ràdás sudrabs* — (находится) виднѣется серебро—мы находимъ несомнѣнный примѣръ разсматриваемаго значенія возвратной формы въ отличіе отъ примѣра, гдѣ тотъ же глаголъ является въ возвратной формѣ съ прямымъ возвратнымъ значеніемъ (см. стр. 67). Что касается причастія *sa-*

riñgulûjusés (A, 3), то здѣсь мы имѣемъ заимствованіе изъ нѣмецкаго языка сравнительно поздняго происхожденія. Глаголъ *likte's* (ср. примѣръ A, 1) имѣетъ въ невозвратной формѣ значеніе: «класть, оставлять, опредѣлять», а въ возвратной: «оставаться, ложиться и казаться». Послѣднее значеніе, мнѣ кажется, можно понять, какъ видоизмѣненіе значенія «опредѣлять себя», соотносительнаго съ значеніемъ «опредѣлять» въ невозвратной формѣ.

IV. Возвратная форма имѣетъ въ латышскомъ языкѣ взаимновозвратное значеніе въ томъ смыслѣ этого термина, который я опредѣлилъ на стр. 39.

A. Среднелатышское нарѣчіе.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

Ко, бâлiньі барьтьс—Изъ-за чего ссоритесь, братья, 228 стр., № 8.

Мâт' ар мейту далiâс—мать дѣлится съ дочкой, 205 стр., № 8.

Кауятьс, плŷцатьс—Деритесь, бейтесь, 98 стр., № 2.

Каусамьсi, рâсамьсi—Будемъ ссориться, драться, 46 стр., № 23.

Рôк' рôцiню мазгаâс—Рука моетъ руку, 246 стр., № 27.

Мâс' мâсiню мьлоâс—Сестрица угощаетъ сестрицу, 246 стр., № 27.

Дiв сердьнес сатiкâс—Сходятся двѣ сиротинушки, 11 стр., № 32.

Кас тъ диві скŷбстiâс—Кто эти двое, которые цѣлуются, 69 стр., № 7.

Трис таутьші спêлеâс—Три молодца бросали жребій, 192 стр., № 56.

Шкiрамьс, бâлеліньі—Разстанемся, братцы, 31 стр., № 12.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Нâц пiа манiм мiалŷ́тiас—Приходи ко мнѣ пировать, наслаждаться (Трейландъ); мнѣ кажется, однако, здѣсь мы имѣемъ значеніе «миловаться», 824.

Свеш ар свешу састiкàс—Чужіе встрѣчаются между собою, 421.

Нâц ар мані спе̂ля́тiас—Приди поиграть со мной, Трейландъ, Пѣсни, 310.

Кад мèс дiві шкŷрамiас—Когда мы разставались, 355.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.

Pi̯̊ci pliki bakstijás—Пять голышей пихаются, II, 476.

Daùdz zvirbu̯lu vi̯̊ná perekl̀ nesader—Много воробьевъ въ одномъ гнѣздѣ не уживаются, I, 1558.

Laudis édá s—Люди ѣдятъ другъ друга, I, 615.

Paši bràli kavušĭ̊s—Сами братья (подравшись), I, 143.

Kaujás ar melí̯m—Возится съ враньемъ, I, 742.

Pi̯̊ci sképi tavds rũkds kaṛũjá s, kustinás—Пять мечей въ твоихъ рукахъ воюютъ, двигаются, II, 34.

Ar stipru neej lausti̯̊s—Съ сильнымъ не иди бороться, I, 1162.

Kur kémi ràddás, tur vaj aplam mìléjá s...—Гдѣ чертики кажутся, тамъ либо черезъ мѣру любятся..., I, 513.

Kũ ar pliku plúkti̯̊s—Стоитъ ли съ плѣшивымъ драться, I, 775.

rèk̦inás ká žìdi—Считаются какъ жиды, II, 142.

Kur divi rejás—Гдѣ двое кусаются, I, 1013.

Vi̯̊nádi bràli kũpá rũná s—Схожіе братья сойдутся (сговорятся), I, 141.

Tris sarunájás—Трое бесѣдуютъ другъ съ другомъ, II, 960.

Táds ar tádu sati̯̊kds, táds ar tádu k̦vejás—Свой со своимъ сойдется, свой со своимъ разойдется, I, 1064.

Labdk gũdígi ti̯̊sáti s—Лучше честью судиться, I, 1270.

Nabagi stumjá s—Нищіе толкаются, II, 728.

В. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы, собранные Уляновской.

Wot ji ti boriaś i ł̦omojaś—Вотъ они тутъ ссорились и бранились, p. 272—3.

Sôka buczotiś—начали цѣловаться, p. 355.

wini sudiejaś—они судились, p. 266.

piec tô sazajemiaś wysi—послѣ этого собрались всѣ, p. 259.

ar ku jis ti kowas—съ кѣмъ онъ тамъ бился, p. 791.

sazałasieja leĺs pułks wyłku—собралось большое стадо волковъ, p. 386.

sazałaũł̦oja—повѣнчались, p. 355.

Cik ilgi na riedziejesim mies—такъ долго мы не видались, р. 365.

Cikom ji ti runoj, dazarunoj—они говорили, договорись. р. 364.

Kas mocieś ar putnim sazarunotiś—(человѣка), который можетъ разговориться съ птицами, р. 417.

Sazarunoja—сговорились, р. 258.

ei jaĭ wajrok nasaszkierszu nu tiewi—я уже больше не разстанусь съ тобой, р. 360.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ мы находимъ въ латышскомъ языкѣ взаимновозвратное значеніе возвратной формы, въ томъ самомъ значеніи этого термина, которое я опредѣлилъ выше по отношенію къ литовскому языку, т. е. и здѣсь дѣйствіе совершается двумя или нѣсколькими субъектами такимъ именно образомъ, что каждый изъ нихъ является въ то же время объектомъ по отношенію къ дѣйствію, исходящему отъ его соучастника (или соучастниковъ). Въ поясненіе отдѣльныхъ глаголовъ замѣчу, что *mazgâtẽs* имѣетъ, какъ мы видѣли выше, и прямое возвратное значеніе. Далѣе, глаголъ *rekinâtẽ's*, не отмѣченный въ словарѣ Ulmann'a (A, 3), представляетъ понятно, заимствованіе изъ нѣмецкаго языка. Что касается глагола *szkirtẽ's* то здѣсь значеніе взаимновозвратное обусловлено и самымъ реальнымъ значеніемъ глагола, такъ что его можно бы отнести и къ предшествующей категоріи случаевъ, гдѣ мы находимъ измѣненіе состоянія.

V. Возвратная форма и въ латышскомъ языкѣ показываетъ, что признакъ, обозначаемый глагольною основою, проявляется съ особою полнотою въ сочетаніи съ субъектомъ этого признака, являясь результатомъ дѣйствія или самого субъекта, или другого лица.

A. Среднелатышское нарѣчіе.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

Не барьс бâлелінь—Не бранись, братецъ, 121 стр., № 35.

Бâлеліньі вайдеâс—Пригорюнились братья, 48 стр., Осіс.

Лаймʼ уз лаймес вайцыâс—Счастье спрашивало у счастья, 307 стр., № 19.

Кае айс кална велеâс—Кто колотитъ за горою, 186 стр., № 15.

Дзенайтьс, бâлеліньі—Догоняйте, братья, 194 стр., № 65.

Дзеньс пакалъ вайнагам—Догоняй вѣночекъ, 6 стр., № 1.

Дôдâт манім нодзертъс—Дайте мнѣ напиться, 86 стр., № 2.
Апса-пате-дô майъс—Подумай сама, 239 стр., № 22.
Клаудзêс пӯріньш—Стучать будетъ твой сундукъ съ приданымъ, 168 стр., № 7.
Не патапу клаусітъс—Не успѣли его послушаться, 107 стр., № 2.
Лакстігалу клаусотъс—(Соловья слушать), 88 стр., № 3.
Лаймінь мана нокльдзêс—Счастье мое воскликнуло, 307 стр., № 18.
Озолс мані лӯкоâс—Дубъ засматривается на меня, 35 стр., № 6.
Прôтъс, мана лигавіпя—Пойми, моя молодая жена, 210 стр., № 6.
Ка ту грӯші нопӯтъс—Какъ ты тяжело вздыхаешь, 293 стр., № 9.
Не раугьс тауту мейта, Уз манâм кайінâм—Не смотри, суженая, на мои ноги, 34 стр., 27.
Мâршу ĝду раудзітъс—Наглядѣться на счастье невѣстокъ, 30 стр., № 1.
Апса-гаужі-раудайôс—Залилась я умильными слезами, 307 стр., № 1.
Бет діжені рибеâс—Но онъ (цѣпъ) громко стучалъ, 265 стр., № 3.
Сакâс мані мâмалыня тâлу дôт—Обѣщаетъ матушка далеко меня отдать, 156 стр., № 63.
Айзсвелпâс сіла ірбе—Засвистала куропатка въ бору, 92 стр., № 9.
(Ѣт) трис мâсіняс скатітъс—(Отправляются) три сестрицы посмотрѣть, 2, № 1.
Ко вакарі солійôс—Что обѣщалъ вчера, 93 стр., № 15.
Нâш ар манім спêлетъс—Приди поиграть со мной, 82 стр., № 3.
Пӯт, вêйінь, ностâйъс—Дуй, вѣтеръ, и перестань, 20 стр., № 5.
Стейдзъс, мана мâмулыня—Поспѣши, моя матушка, 145 стр. № 8.
Ту тейцъс маніньемт—Ты обѣщалъ меня взять, 188 стр., № 31.
Эс шкітôс—Я думала, 58 стр. № 2.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Дзенíас ману ва́йнадзімю—Гонись за моимъ вѣночкомъ, 414.
Эс та̀ алус ну́адзе́ру́ас—Я напилась пива, 759.

Кур а́угдама ду́амаюс̓—Куда подростая (собиралась), 492.
Кумеліни ну́азвіадза́с—Кони громко заржали, 993.
Кам, Саўлітэ, кавéіас—Чтó ты, солнышко, медлило, 890.
Лай кла̀уса́с мі̀ля Ма̀ря—Чтобы слышать могла любимая Марья, 35.
Кла̀усіас мана ма̀мулиня—Слушай, матушка моя, 1.
Пелду́аіас ра̀удавінь—Плыви, плотичка, 493.
Кална́ ка́пу ра̀удзітіас—Взошелъ я на гору (посмотрѣть), 274.
Вѣріньш ра̀я́с—Мужъ бранится,
Ка суні́тіс іаре́я́с—Что залаяла собака, 376.
Сака́с мана ма̀мулиня—Моя матушка обѣщалась, 506.
Ар пукі́т̓ спѐлэ́ю́ас—Съ цвѣткомъ я играю, 379.
Стэ́йгтіас кална галіня—Спѣшить къ вершинѣ горы, 1005.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.
Aveni vi̊ná di̊ná nenů badás—Въ одинъ день козы, не забодаются до смерти, I, 71.
Kurš vérsis gan nebadás—Какой (право) быкъ не бодается, I, 1396.
Édis, atédis atsaugstás—Ѣлъ, переѣлъ, отрыгается, I, 359.
es jus dzìšů s—я погонюсь за вами, III, 214.
es tev lúdzů s—я тебя прошу, III, 24.
klaùsi̊s abám ausím—слушай обоими ушами, I, 5.
... *nav ků stbigti̊s*—нечего торопиться, Трейландъ, матеріалы, I, 1026.
Skati̊s abám acím—Гляди (обоими глазами), I, 5.

B. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы, собранные Уляновской.
apzabieź diejasiaś—набздѣла (собств. причастіе), p. 356.
jis i pazadzieras—онъ и напился, p. 267.
pazadżiera—напились, p. 414.
eś dziejszuś pakal—я погонюсь вслѣдъ, p. 275.
Jis i pazajemiaś—Онъ обѣщалъ, p. 236.
pazajemia par moksu atdut' jam—обѣщалъ въ вознагражденіе отдать ему, p. 417.
kłaŭsas—слышитъ, p. 257.

Jis ajzaklidz' sirdiejgi—онъ крикнулъ сердито, p. 397.
sôka kultiś ar kojom ar rukom—стала биться руками, ногами, p. 287.
jus nawarieja isamalotis nikaj—онъ никакъ не могъ отдѣлаться ложью, p. 491.
ajzamiersa pi tô sajmijnika—забылъ (книжку) онъ у того хозяина, p. 480.
jis ciszi plasias ap ziamiś—онъ очень горевалъ изъ-за земли, p. 465.
prosas—просится, p. 300.
izarunoji piet' sîwu—проговорился передъ женій, p. 442.
skajtiaś ji—считали они, p. 758.
spordas ar nogim—бьетъ ногами (конь), p. 431.
ji ciszi ajzasyrdas—они очень разсердились, p. 266.
mozs jam krumâ tawaris ar ku targovotiś—мало у него въ лавкѣ товару, которымъ торговать, 339.
Targawojaś—торговался, p. 288.
Wieriś—помни, p. 291.
wieras—видитъ, p. 239.
pazawiera—увидѣлъ, p. 284.
ajzaźwidia—заржалъ, p. 394.
jis jaĭ dazazynoa—онъ уже дознался, p. 438.

И къ латышскому языку примѣняется въ общихъ чертахъ то же самое, что было сказано мною по поводу значенія возвратной формы въ литовскомъ языкѣ въ V категоріи случаевъ. Несомнѣнно, что въ теперешнемъ состояніи языка глаголы этой категоріи не имѣютъ формы залога, если въ формѣ невозвратной они не принадлежатъ къ числу глаголовъ, имѣющихъ при себѣ объектъ. Нѣкогда разсматриваемая категорія случаевъ имѣла, однако, не то значеніе, которое мы находимъ въ настоящее время. Въ глаголахъ съ объектомъ первоначальнымъ значеніемъ возвратной формы здѣсь было значеніе отвлеченія отъ объекта дѣйствія; ср. *не барпс*—не бранись; *кас айз кама велеîс* — кто колотитъ за горою; *дôдâт манîм нодзертъс* — дайте мнѣ напиться; *дзенайтъс, бâлеліньи*—догоняйте, гонитесь, братцы (у Спрогиса невѣрно: «догоняйте ее»); *клаусітъс*—наслушаться. Съ теченіемъ времени, однако, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны соотвѣтственнаго глагола въ невозвратной формѣ

и подъ вліяніемъ того, что основное значеніе уже стало измѣняться въ значеніе, существующее теперь, въ значеніе полноты проявленія признака, и здѣсь появились такіе случаи, какъ *лакстігалу клаусотѣс*—соловья слушать; *эс тâ алус нýадзéрýас* — я напилась пива. Въ числѣ глаголовъ съ объектомъ есть и такіе, которые, принадлежа нынѣ къ V категоріи случаевъ въ формѣ возвратной, имѣли нѣкогда возвратную форму и съ значеніемъ непрямыхъ возвратныхъ; ср. *pazajemiaś* (B)—онъ обѣщалъ, т. е. взялъ на себя; *dzi̥tës*—точно также въ извѣстныхъ случаяхъ могло имѣть первоначально непрямое возвратное значеніе. Вообще эти случаи, однако, немногочисленны и возникли, надо думать, по аналогіи по стороны случаевъ 1-го рода. Съ другой стороны, въ разсматриваемой категоріи случаевъ есть глаголы, не имѣющіе при себѣ объекта, которые искони не имѣли формы залога, имѣя однородную съ глаголами переходными возвратную форму, ср. напр. *пẹлдýаíас*—плыви (A, 2); *раудайôс*—залилась слезами. Случаевъ этого рода сравнительно меньше, чѣмъ случаевъ 1-го рода.

VI. Возвратная форма вноситъ значеніе безличности (см. стр. 51).

A. Среднелатышское нарѣчіе.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

Вілціньш сака, тецедамс: «Галяс грібас, галяс грібас!»—волкъ говоритъ бѣжа: «Мяса хочется, мяса хочется!» 124 стр., № 53.

Тев шкірâс, тев ведêс — тебѣ удается, тебѣ счастливится, 90 стр., № 14.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Дíас зінэ кá клáяс—Богъ вѣсть, каково-то ей (живется), 279.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.

Éд, cik gribás—ѣшь, сколько хочется, I, 354, ср. grib—хочетъ, I, 888.

...gribás ést—хочется ѣсть, II, 412.

...ků negribás—чего не хочетъ, II, 775.

Cilvékam ká zaḳim klájas—человѣку живется какъ зайцу, I, 174.

B. Матеріалы, собранные Уляновской.

Gaďas—случилось, p. 283.

ka gribiś aśt'—что ѣсть хочется, 438.
Woj tieй tabi łubiaś—хорошо ли тебѣ удалось, p. 432.
tropiejaś taj—случилось такъ, p. 289.
turiejź jej wasała—дѣлается ей весело, 277.

По поводу приведенныхъ примѣровъ, гдѣ мы находимъ значеніе безличности, внесенное возвратною формою, достаточно нѣсколько словъ. О роли инфинитива при безличныхъ глаголахъ я уже говорилъ на стр. 52 по поводу обширныхъ явленій литовскаго языка. Замѣчу еще, что *tropiejaś* (В)—«случилось» заимствовано изъ польскаго *trafić się* (стр. 53). Что касается глагола *kłàjàs*,, то въ словарѣ Ulmann'a не отмѣчено значеніе «живется», въ которомъ онъ встрѣчается въ вышеприведенныхъ примѣрахъ.

VII. Возвратная форма вноситъ значеніе страдательное въ томъ смыслѣ этого термина, въ какомъ я опредѣлилъ его на стр. 53.

А. Среднелатышское нарѣчіе.

Матеріалы къ этнографіи Трейланда.

Dŭts dievéjam atdŭdás—данное давшему отдается, I, 331.
K°úra cùka nebarŭjás — мірская свинья не можетъ быть откормлена (не откармливается).

В. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы, собранные Уляновской.

sozałaйzietys—поломанные, p. 488.
kab saйktus Aleksandris sâta — чтобы онъ (пріютъ) назывался домомъ Александра, p. 421.

Относительно случаевъ, въ которыхъ мы въ латышскомъ языкѣ находимъ возвратную форму съ страдательнымъ значеніемъ, замѣчу, что и здѣсь, какъ и въ литовскомъ языкѣ, такое значеніе упомянутой формы встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ живомъ языкѣ, сравнительно не часто. Въ примѣрѣ изъ восточнолатышскаго нарѣчія *sozałaйzietys* мы находимъ возвратную форму въ соединеніи съ страдательнымъ причастіемъ; ср. аналогичное явленіе въ литовскомъ языкѣ (примѣры на стр. 54). Понять такое явленіе нетрудно, если принять во вниманіе, что только въ причастіяхъ страдательное значеніе связано было съ особою словообразовательною формою раньше,

чѣмъ появилось страдательное значеніе возвратной формы; въ виду этого при обычныхъ причастіяхъ съ страдательнымъ значеніемъ стали появляться причастія съ характернымъ для возвратной формы элементомъ.

И въ латышскомъ языкѣ извѣстны глаголы, въ которыхъ мы не находимъ формы залога, хотя они и представляютъ возвратную форму въ образованіи формъ спряженія, по той причинѣ, что здѣсь неизвѣстна соотвѣтственная невозвратная форма. Какъ и въ литовскомъ языкѣ, эти глаголы объединяются съ глаголами, имѣющими возвратную форму какъ форму залога, въ общемъ классѣ по отношенію къ образованію формъ спряженія, а по отношенію къ тому признаку, что это глаголы непереходные, они составляютъ одинъ общій классъ съ глаголами имѣющими форму возвратнаго залога, поскольку эти послѣдніе не получили при себѣ объекта въ винительномъ падежѣ и не имѣютъ формы непрямаго возвратнаго залога. Это классъ—глаголовъ непереходныхъ. Приведу теперь примѣры такихъ глаголовъ съ возвратною формою, которыя не имѣютъ соотвѣтственной невозвратной формы.

А. Среднелатышское нарѣчіе.

1) Сборникъ пѣсенъ Спрогиса.

ізбіâс ірбью драудзе—испугалось стадо куропатокъ, 96 стр., № 2.
Бистъс ману бâлелінь—бойся моихъ братьевъ, 186 стр. № 20.
Кара-вири бêдââс—встревожились воины, 275 стр., N 13.
Вісі ляудіс бриноâс—всѣ люди удивляются, 149 стр., № 22.
Кур вакар дзиратъс—куда задумали вчера вечеромъ, 202 стр., № 16.
Вьна ôтру жêлоâс—одна другой повѣряетъ свое горе, 11 стр., № 32.
Лидз земей кланіâс—кланяется до земли, 189 стр., № 36.
Багатъ пръцаâс—богатые возрадовались, 214 стр., 34.
Ŷдріс, бебріс цикшеâс — выдра, бобръ боролись, 82 стр., № 2 bis.

2) Сборникъ пѣсенъ Трейланда.

Дзі́ре́с мані саґа̀йдіт—хотѣлъ дождаться меня, 602.

3) Матеріалы по этнографіи Трейланда.

kaunîs kaunu, bístîs Dîvu—стыдись стыда, бойся Бога, I, 507.

Prîcájás ká bérns par pîragu—Радуется, какъ дитя пирогу, I 114.

Smejîs bagátum—смѣйся надъ богачемъ, I, 85.

В. Восточнолатышское нарѣчіе.

Матеріалы, собранные Уляновской.

boba briejniś—баба дивится, p. 274,

ji ciszi nuzapricojaś—они очень обрадовались, p. 413.

śmitiś—смѣяться, p. 27.

apzaženiajaś—(онъ) женился, p. 268.

По поводу приведенныхъ выше глаголовъ мнѣ остается еще замѣтить, что извѣстный изъ восточнолатышскаго нарѣчія глаголъ *źenîtés*, представляетъ собою заимствованіе изъ слав. (русскаго или польскаго) «жениться».

Изъ предшествующаго изложенія видно, что и въ латышскомъ языкѣ возвратная форма имѣетъ въ настоящее время тѣ же VII категорій значеній, что и въ литовскомъ языкѣ. Далѣе, V категорія случаевъ нѣкогла имѣла частію другое значеніе, а частію къ ней принадлежатъ такіе глаголы, которые не имѣютъ формы залога. Наконецъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ глаголъ въ возвратной формѣ получаетъ при себѣ, въ силу вторичныхъ процессовъ, объектъ въ винительномъ падежѣ, и въ латышскомъ языкѣ возвратная форма въ глаголахъ, имѣющихъ форму не непрямаго возвратнаго залога, есть именно форма непереходнаго залога. Въ этихъ послѣднихъ глаголахъ форма возвратнаго залога имѣетъ особое значеніе, показывая, что субъектъ кромѣ прямого своего отношенія къ дѣйствію, имѣетъ еще извѣстное непрямое отношеніе.

ГЛАВА IV.

Значеніе и образованіе возвратной формы въ литовско-латышскомъ и общебалтійскомъ языкахъ.

Въ предшествующихъ главахъ мы разобрали образованіе и значеніе формы возвратнаго залога въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ. Теперь намъ предстоитъ заняться вопросомъ объ исторіи этой формы и въ томъ, и въ другомъ отношеніи.

Сопоставляя между собою данныя литовскаго и латышскаго языковъ, мы открываемъ ту эпоху въ ихъ жизни, когда они составляли одинъ литовско-латышскій языкъ въ его діалектахъ. Нерѣшеннымъ остается при этомъ вопросъ о томъ, существовала ли эта литовско-латышская эпоха въ жизни разсматриваемыхъ языковъ въ то время, когда прусскій языкъ уже началъ свою самостоятельную жизнь, или въ общемъ балтійскомъ праязыкѣ литовскій и латышскій языки составляли одинъ діалектъ, и самостоятельное ихъ существованіе началось приблизительно одновременно съ выдѣленіемъ прусскаго языка. Во всякомъ случаѣ ясно то, что литовскій и латышскій языки находятся другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ, чѣмъ отношенія каждаго изъ нихъ къ прусскому языку. Изъ цѣлаго ряда фактовъ достаточно указать на образованіе сложныхъ гласныхъ, носовыхъ гласныхъ при извѣстныхъ условіяхъ (въ положеніи не передъ взрывной согласной) и т. п.: явленія, возникшія несомнѣнно въ эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ.

Итакъ, какъ бы мы ни понимали ближайшимъ образомъ литовско-латышскую эпоху, она несомнѣнно существовала, а потому задачею изслѣдованія въ области исторіи фактовъ литовскаго и латышскаго языковъ должно являться опредѣленіе данныхъ упомянутой эпохи, насколько это вообще возможно.

Выше мы видѣли, что и литовскій, и латышскій языки въ общемъ представляютъ близкое сходство по отношенію къ значенію возвратной формы глаголовъ. Оставляя пока въ сторонѣ тѣ глаголы, въ которыхъ мы не находимъ вообще формы залога, хотя они и представляютъ образованіе формъ спряженія по типу глаголовъ съ этою послѣднею формою, я разсмотрю сперва тѣ именно случаи, гдѣ мы имѣемъ форму возвратнаго залога.

Изъ анализа значенія формы возвратнаго залога въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ выяснилось, что мы должны различать семь категорій случаевъ и въ томъ, и въ другомъ языкѣ, а именно разсматриваемая форма представляетъ слѣдующія значенія:

I. Прямое возвратное значеніе.
II. Непрямое возвратное значеніе.
III. Значеніе измѣненія въ состояніи.
IV. Взаимно-возвратное значеніе.
V. Значеніе отвлеченія признака, обозначаемаго глагольною основою, отъ объекта.
V. Значеніе безличности.
VII. Значеніе страдательное.

По поводу V категоріи случаевъ нужно замѣтить, что значеніе отвлеченія признака, обозначаемаго глагольною основою, отъ объекта, съ теченіемъ времени измѣнилось въ направленіи къ обозначенію полноты проявленія признака, обозначаемаго глагольною основою, въ его сочетаніи съ субъектомъ этого признака, и глаголы этого класса вмѣстѣ съ нѣкоторыми глаголами II категоріи составили одну общую категорію случаевъ, гдѣ на первомъ планѣ находится новое значеніе, при чемъ основное значеніе является болѣе или менѣе затемненнымъ. Во всякомъ случаѣ въ древнѣйшую эпоху и литовскій, и латышскій языки не знали V категоріи случаевъ въ ея позднѣйшемъ значеніи и составѣ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о значеніи формы возвратнаго залога въ литовско-латышскую эпоху.

Мы знаемъ, съ одной стороны, что факты литовскаго и латышскаго языка даютъ полное основаніе предполагать и для литовско-латышскаго языка эпохи его распаденія VII вышеупоманутыхъ категоріи значенія жизни возвратнаго залога, а, съ другой стороны, факты прусскаго языка заставляютъ насъ отнести образованіе формы

возвратнаго залога, какъ словообразовательной формы глагола, различающейся частью въ формахъ словоизмѣненія къ эпохѣ во всякомъ случаѣ не болѣе поздней, чѣмъ эпоха литовско-латышская. То немногое, что намъ извѣстно изъ прусскаго языка (ср. Nesselmann, Thesaurus, p. 150), съ достаточною очевидностью свидѣтельствуетъ въ пользу того, что въ общебалтійскую эпоху не было еще формы возвратнаго залога въ указанномъ значеніи этого термина. Правда, мнѣ хорошо извѣстно, съ какою осторожностью нужно относиться къ показаніямъ прусскаго языка по всѣмъ пунктамъ, которые касаются значенія формъ и синтаксиса, но тѣмъ не менѣе по отношенію къ интересующему насъ вопросу мы всетаки имѣемъ неопровержимое свидѣтельство (при всѣхъ недостаткахъ текстовъ) въ пользу того, что въ прусскомъ языкѣ извѣстны были только словосочетанія, заключавшія въ своемъ составѣ глаголъ и возвратное мѣстоименіе.

Такимъ образомъ мнѣ кажется достаточно очевиднымъ то положеніе, что форма возвратнаго залога, какъ словообразовательная форма глагола, не выработалась еще въ эпоху единства всѣхъ балтійскихъ языковъ. Зная, съ одной стороны, то, съ чѣмъ началъ свое развитіе по отношенію къ разсматриваемой формѣ языкъ литовско-латышскій, и зная, съ другой стороны, конечные результаты, къ которымъ онъ пришелъ, мы попытаемся начертить пройденный имъ путь.

Въ литовско-латышскій языкъ изъ языка общебалтійскаго должны были перейти сочетанія глагольныхъ формъ съ падежною формою возвратнаго мѣстоименія. Съ теченіемъ времени произошло сліяніе обоихъ этихъ элементовъ въ одно слово. Такого рода явленія наблюдаются въ различныхъ языкахъ въ разные періоды ихъ существованія, и такого же рода явленію обязаны своимъ происхожденіемъ падежные, личные и многіе другіе суффиксы общаго индоевропейскаго языка. Гипотеза основателя нашей науки Фр. Боппа, называемая у нѣмцевъ Agglutinationstheorie, не смотря на всѣ попытки ее расшатать, до сихъ поръ мнѣ кажется очень убѣдительной. Для всякаго, кто отрѣшился отъ мистическихъ взглядовъ на индоевропейскій праязыкъ, для всякаго кто видитъ въ немъ не что иное, какъ обыкновенный живой языкъ, не можетъ быть сомнѣнія въ правильности такого взгляда. Нужно только помнить при этомъ,

что мы не въ состояніи вскрыть всѣ происходившіе при этомъ процессы, разложить любую грамматическую форму нашего праязыка на ея составныя *по происхожденію* части, а помимо этого нельзя упускать изъ виду того, что разъ появились въ языкѣ грамматическія формы путемъ сложенія, сейчасъ же сталъ дѣйствовать психическій процессъ, и появилось несомнѣнно много различнаго рода «новообразованій» по аналогіи, не бывшихъ, по своему происхожденію, сложеніями. Какъ бы то ни было, процессъ слянія въ одно цѣлое нѣкогда самостоятельныхъ элементовъ наблюдается въ жизни языковъ очень часто.

Въ послѣднее время снова былъ поднятъ вопросъ объ общихъ основаніяхъ этого процесса. Извѣстный германистъ Пауль въ своемъ сочиненіи «Prinzipien des Sprachgeschichte» видитъ сущность этого процесса въ «изоляціи», т. е. въ томъ, что одинъ изъ составныхъ элементовъ даннаго словосочетанія, сложнаго слова въ будущемъ, въ какомъ-нибудь отношеніи изолируется отъ родственныхъ образованій (или выходитъ изъ употребленія данное слово, сохраняясь лишь въ извѣстномъ словосочетаніи, или оно измѣняется въ значеніи во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ даннаго словосочетанія и т. п.). Бругманъ въ своей статьѣ извѣстной мнѣ по изложенію въ XIII т. Indogerm. Forschungen (стр. 115 сл. библіографическаго отдѣла), вновь поднялъ этотъ вопросъ, сводя весь процессъ на изоляцію только въ одномъ направленіи, именно по отношенію къ значенію. Пауль въ статьѣ, помѣщенной въ XIV т. Indogermanische Forschungen вновь настаиваетъ на своемъ мнѣніи, и я думаю, что онъ правъ. Аргументація Пауля и примѣры, которые онъ приводитъ, не оставляютъ для меня никакихъ сомнѣній въ томъ, что Бругманъ смотритъ на вопросъ односторонне, и, я думаю, можно понять какимъ образомъ Бругманъ пришелъ къ данному имъ рѣшенію вопроса. Мнѣ кажется, что Бругманъ отправлялся отъ того положенія, что въ непростыхъ, по ихъ происхожденію, словахъ типа нѣм. Vergissmeinnicht, мы находимъ дѣйствительно такое непростое слово, которое не разлагается на свои составныя части безъ измѣненія, хотя бы части своего значенія. Отсюда Бругманъ и сдѣлалъ выводъ, что основнымъ признакомъ непростыхъ словъ, гранью, которыя отдѣляетъ непростое слово отъ словосочетанія, и является то, что непростое слово по значенію отдѣляется отъ словосочетанія, въ составъ кото-

раго входятъ тѣ же самыя элементы. Это мнѣніе, однако, односторонне, такъ какъ есть непростыя слова и такого типа, какъ русск. «уходить», нѣм. weggehen, гдѣ отношеніе между составными элементами иное, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ примѣрахъ: въ этого рода непростыхъ словахъ частичное слово (русск. «у», нѣм. weg) обозначаетъ нѣчто въ значеніи другаго полнаго слова, какъ знака для отдѣльнаго, самостоятельнаго предмета мысли. Мало того, ошибка Бругмана заключается еще и въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія и на внѣшнюю, какъ сказать, исторію испростыхъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ русская «желѣзная дорога», «великій постъ» не являются непростыми словами, такъ какъ ясно сознается нами грамматическая форма въ словахъ: «желѣзная», «великій».

Возвращаясь послѣ этого отступленія къ вопросу, являющемуся предметомъ нашего изслѣдованія въ настоящей главѣ, мы должны, согласно съ вышесказаннымъ, постараться выяснить тѣ условія, при которыхъ произошло сліяніе первоначально отдѣльныхъ словъ (глагола и возвратнаго мѣстоимѣнія) въ одно слово. Прежде всего, однако, возникаетъ вопросъ объ эпохѣ, къ которой мы должны отнести этотъ процессъ. Выше тоже выяснено, что этотъ процессъ долженъ былъ произойти не ранѣе эпохи литовско-латышской. Есть, какъ я думаю данныя, которыя заставляютъ насъ отнести интересующее насъ явленіе къ эпохѣ болѣе поздней, къ эпохѣ уже самостоятельнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ. Для того, чтобы добыть эти данныя, мы должны теперь заняться вопросомъ о томъ, въ какихъ именно падежныхъ образованіяхъ входило возвратное мѣстоимѣніе въ составъ словосочетаній съ глаголами, слившихся затѣмъ въ одно слово.

Въ литовскомъ языкѣ возвратное мѣстоименіе, входящее въ составъ формы возвратнаго залога, въ древнемъ своемъ видѣ, сохраняющемся въ тѣхъ образованіяхъ, гдѣ оно существуетъ въ положеніи между приставкою и глаголомъ, является какъ *si*. Въ этомъ *si* мы должны видѣть старый дательный падежъ возвратнаго мѣстоименія (старое $sa^o\hat{i}$). Въ латышскомъ языкѣ съ литовскимъ *si* тождественно латышское *si*, являющееся здѣсь при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ въ литовскомъ яз. *si* существуетъ въ составѣ формы возвратнаго залога. Въ литовсколатышскую эпоху изъ общебалтійскаго $sa^o\hat{i}$ здѣсь должно было получиться *sē*. Что касается качества долготы,

то я опредѣляю его какъ длительное. Именно, однородный случай мы находимъ въ им. мн. м. р. мѣстоименій (лит. *tẽ*), гдѣ нѣкогда была длительная долгота (ср. *gerí*), образовавшаяся, какъ то думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, въ связи съ измѣненіемъ дифтонга *a°i* въ *ë* въ односложномъ словѣ. Старая долгота дифтонга и въ им. мн. м. р. мѣстоименій, и въ дат. пад. *sa ĩ*, была прерывистая. Такимъ образомъ въ литовскомъ языкѣ *si* изъ *së* получалось фонетически тамъ, гдѣ это *së* было словомъ не подъ самостоятельнымъ удареніемъ, т. е. было энклитикой, примыкавшей тѣсно къ предыдущему слову. Въ латышскомъ языкѣ *si* получилось при тѣхъ же условіяхъ. Вотъ это-то обстоятельство и наводитъ меня на мысль, что окончательное сліяніе возвратнаго мѣстоименія съ глаголомъ въ одно слово произошло не въ эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ, а позже, въ эпоху ихъ самостоятельнаго существованія, такъ какъ сокращеніе старыхъ сложныхъ гласныхъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ происходило и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ послѣ ихъ раздѣленія (ср. мою статью «Явленія конца слова въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ» въ Сборникѣ въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова). Если бы въ литовсколатышскую эпоху уже существовало образованіе возвратной формы, какъ словообразовательной формы глагола съ извѣстными различіями по формамъ словоизмѣненія, то было бы непонятнымъ, почему въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возвратное мѣстоименіе находится не въ концѣ глагольной формы, не сохранилось старое *së*. Вліяніе аналогіи со стороны образованій, имѣвшихъ возвратное мѣстоименіе въ концѣ, гдѣ фонетически съ теченіемъ времени получилось *si*, мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ.

Кромѣ *si* въ латышскомъ языкѣ мы находимъ въ составѣ возвратной формы также *sa* и *se* (Bielenstein, L. Spr. § 427, Bezzenberger, Spr. Pr. L., p. 87, а также примѣры въ III главѣ). Въ упомянутой статьѣ я высказалъ предположеніе, что *se* представляетъ собою форму винительнаго (ср. греч. μέ, ἕ) изъ общеиндоевропейскаго *sa°*, при которомъ было въ качествѣ варіанта *sa°*, откуда латышское *sa*. Это латышское *sa*, существующее въ діалектахъ латышскаго языка (ср. примѣры приведенные много выше, изъ сборниковъ Спрогиса, Трейланда (у послѣдняго напр. въ матеріалахъ II, 20), Уляновской), въ извѣстныхъ діалектахъ могло бы быть старымъ *se* (въ восточнолатышскихъ говорахъ), т. е., лучше сказать, въ діалектическомъ *sa* въ нѣкоторыхъ

говорахъ могли совпасть старыя *se* и *sa*, но не во всѣхъ говорахъ *sa* можетъ допускать такое объясненіе, и я продолжаю видѣть въ этомъ *sa* старое *sa°*. Конечно, какъ я уже замѣтилъ въ упомянутой статьѣ, въ формѣ винительнаго личныхъ словъ мы не находимъ такого чередованія гласныхъ a^e и a^o, но такое чередованіе вообще извѣстно въ этихъ основахъ и могло бы быть старымъ и въ винительномъ единственнаго числа.

Итакъ, мы пришли пока къ двумъ выводамъ: 1) сліяніе глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ должно было произойти въ эпоху раздѣльнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ; 2) возвратное мѣстоименіе входило въ составъ разсматриваемыхъ словосочетаній, позже глагольныхъ формъ, въ дательномъ и въ винительномъ падежахъ, при чемъ эти послѣднія образованія сохранились лишь въ діалектахъ латышскаго языка. То, что они существовали нѣкогда и въ литовскомъ языкѣ, доказывается значеніемъ формы возвратнаго залога, опредѣленнымъ мною, какъ «прямое возвратное значеніе». Я не могу опредѣлить точно эпохи, когда въ литовскомъ языкѣ исчезли слѣды винит. ед. возвратнаго мѣстоименія въ составѣ возвратной формы глагола, м. б. это явленіе относится еще къ эпохѣ совмѣстнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ; т. е. м. б. литовсколатышскій языкъ представлялъ въ этомъ отношеніи діалектическія различія, но нѣкогда несомнѣнно во всѣхъ балтійскихъ языкахъ въ составъ словосочетаній глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ послѣднее входило между прочимъ и въ винит. ед. ч.; на это указываютъ факты прусскаго языка (ср. прусское *sien*), на это же указываетъ и исторія значенія формы возвратнаго залога въ литовскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ возвратное мѣстоименіе, входившее въ составъ словосочетаній съ глаголомъ, бывшее частію уже энклитическимъ въ литовсколатышскую эпоху, слилось съ глаголомъ окончательно только въ эпоху отдѣльнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ. Теперь намъ предстоитъ выяснить тѣ условія, при которыхъ произошло это сліяніе, и тѣ причины, которыми вызвано въ литовскомъ и въ латышскомъ языкахъ существованіе двухъ типовъ образованій возвратной формы («приставка + возвратное мѣстоименіе + глаголъ, и глаголъ + возвратное мѣстоименіе», при чемъ глаголъ частью имѣетъ приставку).

Прежде всего долженъ быть отмѣченъ тотъ фактъ, что возвратное мѣстоименіе вошло въ составъ формы возвратнаго залога въ формахъ винительнаго и дательнаго падежей не въ тѣхъ образованіяхъ этихъ формъ, которыя существуютъ нынѣ въ качествѣ отдѣльныхъ словъ; ср. литовскія *savè*, *sâu*, латышскія *sevi*, *sev (sevi)*. Старымъ образованіемъ винит. ед. ч. въ балтійскихъ языкахъ слѣдуетъ считать литовское *savè;* подобно тому какъ въ литовскомъ языкѣ въ діалектахъ здѣсь появилась въ концѣ носовая гласная съ ея дальнѣйшею исторіею подъ вліяніемъ прочихъ образованій формы винит. ед. ч.. гдѣ въ концѣ была издавна носовая согласная, такъ и въ латышкомъ языкѣ старое *sevè* черезъ посредство *sevę* перешло въ *sevi*. Замѣчу кстати, что въ корнѣ этого слова въ данной формѣ старою гласнаго слѣдуетъ считать именно *e*, а гласная *a* въ литовскомъ яз. проникла нефонетическимъ путемъ изъ тѣхъ падежныхъ формъ данною слова, гдѣ она приходилась не передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ гласную передняго, небнаго ряда. Итакъ, въ балтійскихъ языкахъ были дублеты падежныхъ формъ возвратнаго мѣстоимѣнія, при чемъ одни изъ нихъ употреблялись преимущественно какъ энклитики. Въ формѣ винит. ед. *se*, *sa* мы находимъ старыя образованія, бывшія энклитиками еще въ общеиндоевропейскомъ языкѣ. Что касается формы дат. ед. ч. *sa'i*, то и здѣсь мы имѣемъ образованіе, которое было частію энклитикой. Слѣдовательно, и литовскій и латышскій языкъ въ словосочетаніяхъ глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ имѣли особыя энклитическія формы возвратнаго мѣстоименія, отличавшіяся отъ соотвѣтственныхъ образованій являвшихся подъ самостоятельнымъ удареніемъ. Въ какую же именно эпоху окончательно размежевались разсматриваемыя падежныя формы? Я думаю, что это явленіе, начала котораго лежитъ далеко назадъ, сложилось окончательно въ эпоху уже самостоятельнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ, и въ этомъ обстоятельствѣ вижу одинъ изъ факторовъ, обусловившихъ сліяніе въ одно цѣлое мѣстоименія съ глаголомъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ изъ языка исчезли особыя образованія возвратнаго мѣстоименія, продолжавшія сохраняться въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ словосочетаніяхъ, разъ внѣ этихъ сочетаній и въ неэнклитическомъ, и въ энклитическомъ употребленіи были извѣстны формы, отличавшіяся отъ только что упомянутыхъ, то былъ на лицо факторъ, обусловившій сліяніе этихъ

послѣднихъ образованій съ глаголами въ одно цѣлое. Здѣсь мы подошли къ другому важному фактору, именно къ вопросу о значеніи разсматриваемыхъ словосочетаній. Дѣло въ томъ, что эти послѣднія отличались въ эту эпоху извѣстными особенностями въ упомянутомъ отношеніи, и это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе, вѣдь иначе врядъ ли формы возвратнаго мѣстоименія размежевались бы въ своемъ употребленіи такъ, какъ мы это находимъ.

Изъ предшествующаго изслѣдованія выяснился тотъ фактъ, что и литовскій, и латышскій языки получили особыя словосочетанія, заключавшія въ своемъ составѣ глаголъ и извѣстную падежную форму возвратнаго мѣстоименія. Первоначально эти сочетанія заключали въ себѣ падежную форму возвратнаго мѣстоименія по законамъ общаго словоупотребленія языка, т. е. здѣсь являлся частью винительный падежъ, частью падежъ дательный; были извѣстны, слѣдовательно, слѣдующія типическія словосочетанія: «я мою себя» и «я беру для себя, себѣ». Далѣе здѣсь, въ силу измѣненія части значенія такихъ словосотаній, явилась возможность употреблять безразлично и форму дательнаго, и форму винительнаго, т. е. возникли такіе случаи, какъ «я мою себѣ» и «я беру себя» и т. п. Начала этого послѣдняго явленія несомнѣнно относятся къ эпохѣ литовско-латышскаго единства, но окончательно сложилось оно уже въ эпоху раздѣльнаго существованія разсматриваемыхъ языковъ. Дальнѣйшая исторія процесса понятна: латышкій языкъ въ діалектахъ сохранилъ приблизительно только что нарисованную картину, при чемъ въ восточно-латышскихъ говорахъ укрѣпилось *sa* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно получено было въ положеніи между приставкою и глаголомъ; литовскій же языкъ всюду провелъ только старое *si*.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ обратиться къ главной части вопроса, къ изслѣдованію того, въ какомъ именно отношеніи произошла «изоляція», произошло обособленіе по значенію словосочетаній «глаголъ + возвратное мѣстоименіе».

Мы уже видѣли, что типическими въ первональномъ ихъ значеніи были сочетанія: «я мою себя» и «я беру для себя, себѣ». Сочетанія перваго типа, лежащія въ основаніи возвратной формы глаголовъ съ прямымъ возвратнымъ значеніемъ, первоначально существовали, надо думать, съ ясно выраженнымъ значеніемъ «я мою себя», аналогичнымъ съ «я мою тебя», «я мою его» и т. п., т. е.

первоначально эти сочетанія ничѣмъ не отличались отъ сочетаній втораго ряда, которыя я только что привелъ. Съ теченіемъ времени здѣсь возникъ новый оттѣнокъ въ значеніи, именно на задній планъ начало отступать сознаніе того, что субъектъ производитъ дѣйствіе надъ самимъ собою, и въ результатѣ получилось значеніе, которое можетъ быть опредѣлено такъ: дѣйствіе направляется на субъектъ признака, какъ на объектъ, при чемъ не подчеркивается то обстоятельство, субъектъ является именно производителемъ дѣйствія: литовское напр. *mâudytis*—«мытья», тѣмъ и отличается отъ сочетанія *mâudyti savè*, «мыть себя», что здѣсь центральнымъ пунктомъ является только фактъ перехода дѣйствія не на посторонній для субъекта объектъ, а непосредственно на него самого (ср. русскія «моюсь» и «мою себя»). Это, конечно, не исключаетъ возможности и того обстоятельства, что въ извѣстныхъ случаяхъ имѣется въ виду и субъектъ, какъ производитель признака, обозначаемаго глагольною основою (ср. что было сказано на стр. 33 по поводу такихъ литовскихъ глаголовъ, какъ *pasislẽpti*, *pasirôdyti* и т. п.), но я настаиваю на томъ, что это признакъ не составляетъ центральнаго пункта въ значеніи, не выдвигается на первый планъ, уступая его вышеупомянутому оттѣнку.

Разъ появилось въ языкѣ сознаніе, что напр. въ сочетаніи, служащемъ прототипомъ глагола *mâudytis*, главнымъ, центральнымъ пунктомъ въ значеніи представляется то, что дѣйствіе переходитъ на субъектъ признака, то, понятно, появились и такіе случаи, которые дали начало третьей категоріи глаголовъ съ формою возвратнаго залога и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкахъ, гдѣ мы находимъ значеніе измѣненія въ состояніи. Такимъ образомъ какое-нибудь *kẽlti savè*—«поднимать себя» въ отличіе отъ сочетаній *kẽlti tavè*, *kẽlti stãlą* и т. п. получило значеніе «подниматься», гдѣ указывается только на то, что данный субъектъ испытываетъ измѣненіе въ своемъ состояніи, которое можетъ быть даже результатомъ дѣйствія другаго какого-либо субъекта; ср. такіе случаи, какъ лит. *ir teĩp atsivérė (stubà)*—открылась комната (стр. 34).

Далѣе, то значеніе возвратнаго залога, которое я назвалъ взаимновозвратнымъ и въ литовскомъ, и въ латышкомъ языкѣ точно также ведетъ свое начало отъ словосочетаній типа «я мою себя». Дѣйствительно, возьмемъ напр. литовскій глаголъ *mùsztis*, лат. *kaũtés*

«биться, драться». Здѣсь мы несомнѣнно имѣемъ слѣдующій процессъ въ развитіи значенія: изъ основнаго значенія «они бьютъ себя», въ связи съ формою не единственнаго числа выработалось значеніе: «они бьютъ себя такимъ образомъ, что одинъ бьетъ другаго, получая въ свою очередь удары». Такое значеніе могло развиться изъ основнаго значенія только потому, что дѣйствіе, совершаемое всѣми субъектами, однородно, поэтому, разъ на первый планъ выдвигается фактъ обращенія дѣйствія на субъектъ, въ данномъ случаѣ необходимо появляется значеніе взаимности, такъ какъ каждый изъ данныхъ субъектовъ подвергается извѣстному дѣйствію, тождественному съ тѣмъ, которое онъ самъ совершаетъ. Первоначально, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ для появленія взаимновозвратнаго значенія была форма числа неединственнаго, а затѣмъ уже по аналогіи появились и формы числа единственнаго. Мало того, по аналогіи возвратно-взаимное значеніе появилось и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя видѣть непосредственнаго его появленія изъ основнаго значенія словосочетаній типа «я мою себя». Сюда принадлежатъ случаи, упомянутые выше подъ IV рубрикою и въ литовскомъ и въ латышкомъ яз. напр. глаголы съ значеніемъ «встрѣчаться», «здороваться», «прощаться» и т. д.

Что касается значенія страдательнаго, отвлеченія отъ объекта и безличности, т. е. отвлеченія отъ субъекта, то эти разновидности значенія возвратной формы возникли, надо думать, слѣдующимъ путемъ.

Страдательное значеніе представляетъ собою дальнѣйшее развитіе прямаго возвратнаго значенія въ направленіи еще бо́льшаго сравнительно съ этимъ послѣднимъ отодвиганія на задній планъ субъекта, какъ производителя дѣйствія, направляющагося на него самого. Здѣсь эта часть значенія окончательно утрачивается, при чемъ слѣдовательно остается только та часть первоначальнаго значенія, которая опредѣлена много выше какъ переходъ дѣйствія на субъектъ. Какъ скоро совершенно исчезаетъ первый оттѣнокъ, второй легко можетъ пріобрѣсти новый признакъ, именно, что субъектъ подвергается дѣйствію, исходящему отъ другаго лица, при чемъ это послѣднее частію обозначается какъ дѣйствующая причина формою творительнаго падежа. Болѣе древними случаями я считаю такія выраженія, какъ *Schwęskiese wardas tawa, idant ne regietus*

nuogiste io и т. п. (см. стр. 51 сл.), въ которыхъ просто обозначено, что субъектъ подвергается извѣстному дѣйствію безъ указанія его источника. Указаннымъ процессомъ выработки страдательнаго значенія объясняется и то обстоятельство, что это значеніе соприкасается частію съ значеніемъ измѣненія состоянія, именно я думаю, что путь отъ прямаго возвратнаго значенія къ страдательному ведетъ именно черезъ это послѣднее значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно допускается реальнымъ значеніемъ самой глагольной основы.

Значенія отвлеченія отъ объекта и безличности также, по моему мнѣнію, ведутъ свое начало отъ прямаго возвратнаго значенія. Что касается безличности, то можно понять происхожденіе этого оттѣнка слѣдующимъ образомъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствіе обозначается, какъ обращающееся на объектъ, и гдѣ при этомъ исчезло значеніе, что дѣйствіе это имѣетъ своимъ источникомъ данный субъектъ, легко можетъ развиться особаго рода значеніе, именно то, что дѣйствіе совершается, такъ сказать, само собой, безъ особой внѣшней, не зависящей отъ него побудительной причины, а этотъ оттѣнокъ въ значеніи въ связи съ формою 3-го лица и ведетъ къ образованію значенія безличности въ томъ смыслѣ, какъ это опредѣлено мною выше на стр. 51. Само собою разумѣется, что оно допускается далеко не всѣми глаголами, а только тѣми изъ нихъ, которые по своимъ реальнымъ значеніямъ способны получить такого рода оттѣнокъ. Ср. приведенное мною на стр. 52 и стр. 80 примѣры. Въ литовскомъ напр. *norėsi* (изъ Шадовскаго говора) и аналогичномъ ему русскомъ «хочется», а также въ литовскомъ *tinkasi*, русскомъ «случается» мы имѣемъ случаи, которые я понимаю слѣдующимъ образомъ: значеніе было то, что признакъ напр. хотѣнія совершается по отношенію къ самому субъекту признака, и оно измѣнилось въ значеніе совершенія, явленія даннаго признака безъ отношенія къ субъекту.

О томъ, какъ нужно смотрѣть на дополненіе при безличныхъ глаголахъ, я говорилъ выше, когда разбиралъ примѣры изъ литовскаго и латышскаго языковъ, именно мною было указано, что мы склонны такое дополненіе въ неопредѣленномъ наклоненіи считать за подлежащее, подъ вліяніемъ обычнаго типа предложеній съ подлежащимъ, выраженнымъ отдѣльнымъ словомъ. Далѣе, я долженъ

еще замѣтить, что литовское *teipat* въ примѣрѣ изъ Шадовскаго говора на стр. 52 нарѣчіе, а не мѣстоимѣніе, какъ можно было бы судить на основаніи русскаго перевода. Равнымъ образомъ и *kas* въ примѣрѣ изъ среднелитовскаго нарѣчія на стр. 51 является по своей грамматической роли однороднымъ съ *teip* и т. п., т. е. является нарѣчіемъ.

По поводу значенія отвлеченія отъ объекта, напр. въ литов. *atsigêrti*, русск. «напиться», я долженъ замѣтить, что я представляю себѣ его происхожденіе слѣдующимъ образомъ: изъ значенія обращенія дѣйствія на субъектъ развивается значеніе того, что дѣйствіе совершается субъектомъ надъ самимъ собою или по отношенію къ себѣ безъ всякаго отношенія къ другому объекту, именно въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ кромѣ субъекта-объекта по реальному значенію допускается еще другой объектъ: глаголы съ значеніями, «напиваться», «наѣдаться» получили это значеніе такимъ именно образомъ.

Само собою разумѣется, что не всѣ глаголы съ возвратною формою и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ прошли черезъ всѣ упомянутыя фазы развитія, прежде чѣмъ получили то или другое значеніе. Въ цѣломъ радѣ случаевъ, то или другое значеніе несомнѣнно возникло по аналогіи готовыхъ уже образцовъ.

Итакъ, мнѣ кажется достаточно яснымъ то положеніе, что основное значеніе словосочетаній типа «я мою себя» въ зависимости отъ различныхъ условій могло получить указанныя выше видоизмѣненія основнаго значенія.

Второй типъ словосочетаній «я беру для себя, себѣ», гдѣ мѣстоименіе имѣло нѣкогда исключительно форму дат. пад., имѣетъ продолженіе въ томъ значеніи возвратной формы, которое я назвалъ непрямымъ возвратнымъ, и которое, какъ мы видѣли, существуетъ и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ. Въ словосочетаніяхъ этого типа «изоляція», «обособленіе» стало совершаться тѣмъ путемъ, что значеніе дат. ед. «для себя», «себѣ» стало нѣсколько блѣднѣть, ступевываться, и въ цѣломъ рядѣ случаевъ снисходить до степени нашего «себѣ», безъ логическаго ударенія въ нашихъ выраженіяхъ типа: «идти себѣ»; ср. примѣры на стр. 30 сл. и стр. 68 сл. Съ теченіемъ времени здѣсь появился и новый оттѣнокъ въ значеніи, а именно, что дѣйствіе совершается субъектомъ, который имѣетъ къ этому дѣйствію кромѣ непосредственнаго, пря-

маго отношенія еще извѣстное непрямое отношеніе; ср. лит. *atsìvedė tą ragìnį, žmógų į stùbą*—она привела съ собою въ комнату этого человѣка, покрытаго рогомъ.

Итакъ, мы видимъ, что и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ въ эпоху ихъ отдѣльнаго существованія окончательно завершился процессъ обособленія, »изоляціи» (терминъ Пауля) словосочетаній, заключавшихъ въ своемъ составѣ глаголъ + извѣстную форму возвратнаго мѣстоименія. Это обособленіе было не только внутреннимъ, но и внѣшнимъ, и въ результатѣ обоихъ этихъ моментовъ было то, что словосочетанія слились въ одно цѣлое. Какимъ же образомъ произошло это сліяніе?

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возвратное мѣстоименіе находится нынѣ въ окончаніи глагола, процессъ самъ по себѣ ясенъ. Остается мнѣ отмѣтить еще только тотъ фактъ, что окончательное сліяніе произошло въ эпоху, когда старыя долготы еще не подвергались сокращенію при положеніи въ концѣ слова при особыхъ фонетическихъ условіяхъ. Тотъ типъ глаголовъ съ возвратною формою, гдѣ возвратное мѣстоименіе находится въ положеніи между приставкою и глаголомъ, по своему происхожденію несомнѣнно новѣе, и возникъ уже въ ту эпоху, когда конечныя долготы подверглись извѣстнымъ сокращеніямъ и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ. Къ этому времени уже исчезло изъ языка непосредственное чувство связи между *s(i)*, *s(a)*, *s(e)* въ составѣ возвратной формы и возвратнымъ мѣстоименіемъ въ его обычныхъ падежныхъ образованіяхъ, и въ замѣнъ этого появилось сознаніе того, что элементъ *s(i)*, *s(a)*, *s(e)* является характернымъ для возвратной формы и есть какая-то приставка по своему происхожденію. Отсюда легко было придти къ созданію такихъ типовъ, какъ литовскіе и латышскіе глаголы типа «приставка + возвратный элементъ + глаголъ». При этомъ несомнѣнно существовали и извѣстнаго рода колебанія, въ результатѣ которыхъ явились образованія, такъ сказать, двойныя, отмѣченныя много на стр. 1.

Чтобы покончить съ разбираемымъ вопросомъ, я долженъ остановиться еще на одномъ явленіи, а именно на тѣхъ случаяхъ, гдѣ и въ литовскомъ и въ латышскомъ яз. при глаголѣ въ возвратной формѣ еще разъ поставлено возвратное мѣстоименіе (см. напр. у Бругмана стр. 318; выше стр. 19 и стр. 68). Мнѣ кажется, мы

имѣемъ здѣсь дѣло съ случаями, гдѣ нужно особенно подчеркнуть то, что дѣйствіе возвращается къ объекту или имѣетъ къ нему отношеніе, совершается для него (ср. напр. послѣдній примѣръ на стр. 19).

Ниже мы увидимъ, что и славянскіе языки представляютъ намъ явленія въ извѣстной ихъ части однородныя съ разсмотрѣнными въ этой главѣ фактами литовскаго и латышскаго языковъ, при чемъ мы познакомимся и съ тѣми отличіями, которыя здѣсь существуютъ. Теперь я, въ заключеніе настоящей главы, долженъ еще разъ подчеркнуть, что форма возвратнаго залога, какъ таковая, возникла въ окончательномъ своемъ видѣ лишь въ эпоху, слѣдовавшею за эпохою единства литовскаго и латышскаго языковъ, т. е въ то время, когда оба названные языка уже начали свое самостоятельное существованіе. Общее значеніе формы возвратнаго залога (значитъ, за исключеніемъ тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ возвратную форму, но не имѣютъ значенія залога) и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ 1) то, что признанъ, обозначаемый глагольною основою, при посредствѣ возвратной формы становится непереходнымъ, и 2) то, что субъектъ признака, обозначаемаго глагольною основою, имѣетъ къ нему еще другое отношеніе, помимо обычнаго, существующаго между признакомъ и субъектомъ этого признака. Тѣ глаголы, которые не имѣютъ формы залога, но имѣютъ возвратную форму, однородны съ глаголами съ формою возвратнаго залога въ томъ отношеніи, что ими обозначаются признаки непереходные, ср. стр. 57 и 82.

ГЛАВА V.

Явленія славянскихъ и нѣкоторыхъ другихъ языковъ.

По отношенію къ возвратной формѣ глаголовъ славянскіе языки представляютъ явленія, до извѣстной степени аналогичныя явленіямъ балтійскихъ языковъ. Не имѣя въ виду дать полнаго изслѣдованія вопроса, такъ какъ это отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону отъ ближайшихъ цѣлей настоящей работы, я тѣмъ не менѣе долженъ остановиться на данныхъ славянскихъ языковъ въ виду того, что естественно возникаетъ вопросъ, въ какомъ соотношеніи находятся между собою балтійскіе и славянскіе языки въ разсматриваемой категоріи явленій.

Выше мы уже видѣли, что словосочетанія, состоявшія изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія, давшія въ балтійскихъ языкахъ начало возвратной формѣ спряженія, начали изолироваться, обособляться со стороны значенія еще въ эпоху литовско-латышскаго единства, а, можетъ быть, даже и раньше. Во всякомъ случаѣ въ общебалтійскомъ языкѣ существовали такія словосочетанія. Какъ мы вскорѣ увидимъ, славянскіе языки съ теченіемъ времени создали также возвратную форму спряженія. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, какова въ общихъ чертахъ исторія этой формы, и каково ея значеніе. Такъ какъ въ мою задачу не можетъ входить изслѣдованіе этого вопроса въ полномъ его объемѣ, во всѣхъ отдѣльныхъ членахъ славянской семьи языковъ, то я остановлюсь лишь на данныхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ, вполнѣ достаточныхъ для того, чтобы сдѣлать общіе выводы относительно общеславянской эпохи.

Если мы прежде всего обратимся къ старославянскому языку, то найдемъ, что здѣсь глаголъ и мѣстоименіе возвратное не слились въ одно слово, и, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого обстоятель-

ства, для насъ легко выясняется причина этого явленія. Припомнивъ все то, что сказано было въ предшествующей главѣ о тѣхъ условіяхъ, которыя содѣйствуютъ сліянію въ одно цѣлое элементовъ, бывшихъ до того отдѣльными словами, мы убѣдимся въ слѣдующемъ: въ старославянскомъ языкѣ форма винит. **сѧ** не выдѣлялась въ качествѣ формы винительнаго въ опредѣленныхъ словосочетаніяхъ (ср. Миклошичъ, Сравнительная морѳологія въ русскомъ переводѣ, дополненія къ стр. 60); то же можно сказать и о рѣдкомъ **си**.

Въ русскомъ языкѣ мы находимъ, что мѣстоименіе *ся* слилось съ предшествующимъ глаголовъ въ одно слово: ср. напр. *умываться, умываюсь*. Это явленіе стоитъ въ связи съ исчезновеніемъ *ся* въ качествѣ винит. ед. мѣстоименія возвратнаго.

Въ польскомъ языкѣ глаголъ и мѣстоименіе *się* не слились въ одно цѣлое опять по той же причинѣ, что и въ старославянскомъ языкѣ (ср. хотя бы стр. 621 русскаго перевода морѳологіи Миклошича).

Возникаетъ теперь вопросъ, отличаются ли въ славянскихъ языкахъ по значенію словосочетанія съ возвратнымъ мѣстоименіемъ разсматриваемаго типа отъ аналогичныхъ другихъ словосочетаній, а о явленіяхъ русскаго языка я скажу отдѣльно.

Въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ данныя, которыя заставляютъ меня отвѣтить утвердительно на поставленный выше вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ разберемъ слѣдующіе примѣры, заимствованные мною изъ Маріинскаго Евангелія въ изданіи Ягига и изъ другихъ источниковъ (въ послѣднемъ случаѣ источникъ обозначается).

1. **отъ словесъ бо своихъ оправьдиши сѧ і словесы своими сѫдиши си** (Матѳ. XII, 37).

2. **радостиѭ радоуѥтъ сѧ** (Супр. 375, 28).

3. **і силы небескыѩ двигнѫтъ сѧ** (Матѳ. XXIV, 29).

4. **тъ велии нарⷣет сѧ** (Матѳ. V, 19), гдѣ въ греческомъ текстѣ κληθήσεται.

5. **аште и б҃а не боѭ сѧ** (Лук. XVIII, 4).

Въ примѣрахъ 2 и 3 мы находимъ то значеніе, которое можетъ быть опредѣлено, какъ значеніе измѣненія, происходящаго въ состояніи субъекта признака, при чемъ глаголъ въ невозвратной формѣ обозначаетъ дѣйствія, производящія измѣненія въ состояніяхъ объ-

екта. Здѣсь мы имѣемъ случаи, гдѣ значеніе словосочетанія, состоящаго изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія, отличается по значенію отъ однородныхъ сочетаній съ другими мѣстоименіями и именами. Въ 4 примѣрѣ является то значеніе, которое можетъ быть названо страдательнымъ, слѣдовательно, и здѣсь мы находимъ то же, что и въ упомянутыхъ уже примѣрахъ. Въ примѣрѣ 5 мы видимъ такой глаголъ, который безъ **сѧ** уже не извѣстенъ въ старославянскомъ языкѣ, и это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того обстоятельства, что словосочетанія разсматриваемаго типа представляютъ въ своемъ значеніи извѣстныя характерныя особенности, такъ какъ вѣдь иначе нельзя было бы и понять появленіе такихъ глаголовъ, какъ **боѣти сѧ**, **боити сѧ**. Слѣдовательно, было нѣчто однородное въ значеніи глаголовъ этого типа и словосочетаній съ возвратнымъ мѣстоименіемъ, и мы легко убѣдимся въ томъ, что этотъ признакъ именно непереходность, значеніе непереходное. Наконецъ, по поводу 1 примѣра можно замѣтить, что самъ по себѣ онъ допускалъ бы различное толкованіе, но въ виду приведенныхъ фактовъ, я полагаю, возможно и здѣсь видѣть извѣстный оттѣнокъ въ значеніи, отличающій это словосочетаніе напр. отъ такого словосочетанія какъ ***оправьдити врага**; этотъ оттѣнокъ заключается въ томъ, что въ нашемъ примѣрѣ на первый планъ выдвинуто значеніе факта перехода дѣйствія на субъектъ, т.-е. и здѣсь мы найдемъ признакъ непереходности въ томъ смыслѣ, что нѣтъ объекта, особаго, отличнаго отъ субъекта признака.

Примѣровъ словосочетаній разбираемаго типа, гдѣ бы являлось значеніе взаимно-возвратное или значеніе отвлеченія отъ объекта дѣйствія, изъ старославянскаго языка я привести не могу (поздніе церковнославянскіе тексты не идутъ въ разсчетъ), но въ другихъ южнославянскихъ языкахъ эти случаи извѣстны. Ср. напр. словинское *pogovoriti se*—посовѣтоваться, сербское *ljubiti se*—ср. русское «любиться», болгарское *karahъ se*—они ссорились другъ съ другомъ. Съ другой стороны, ср. сербское *moliti se komu* при *moliti koga* и т. п. (см. 4-й томъ Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Miklosich, 2-ter Abdruck, p. 267 sq.).

Что касается польскаго языка, то мы находимъ здѣсь слѣдующіе типическіе случаи:

1) Прямое возвратное значеніе: myć się, zakrywać się.

2) Значеніе измѣненія состоянія: nachylać się, podnosić się.
3) Значеніе взаимно-возвратное: zwierzać się, bić się.
4) Значеніе страдательное: nazywać się.
5) Значеніе отвлеченія отъ объекта дѣйствія: najeść się.

Параллельно съ этимъ мы и въ польскомъ языкѣ видимъ рядъ глаголовъ, которые употребительны только съ się, нар., bać się, starać się, smiać się и т. п.

Переходя къ фактамъ русскаго языка, я могу сослаться на упомянутую уже мною статью Ф. Ѳ. Фортунатова «О залогахъ русскаго глагола», гдѣ обстоятельно разъясненъ вопросъ о томъ, какія значенія присущи въ русскомъ (современномъ) языкѣ возвратной формѣ, и въ какихъ случаяхъ мы въ правѣ видѣть въ русскомъ языкѣ значеніе, которое можетъ быть опредѣлено, какъ значеніе формы залога. Я не имѣю достаточныхъ данныхъ для того, чтобы прослѣдить на протяженіи многовѣковой письменной традиціи русскаго языка исторію возвратной формы въ глаголахъ; такого рода работа могла бы представить интересъ совершенно самостоятельный внѣ связи съ исторіею формы возвратнаго залога въ балтійскихъ языкахъ. Въ виду этого я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какую эпоху жизни русскаго языка мы должны констатировать сліяніе самостоятельныхъ элементовъ (глагола и мѣстоименія) въ одно цѣлое, и повторяю только то, что для меня въ общемъ ясны тѣ условія, при которыхъ должно было произойти это явленіе. На нихъ я уже указалъ выше.

Итакъ, данныя отдѣльныхъ славянскихъ языковъ съ достаточною очевидностью указываютъ намъ на то, что уже въ эпоху общеславянскую, эпоху, предшествовавшую раздѣленію славянскихъ языковъ, мы должны признать наличность особыхъ оттѣнковъ въ значеніи словосочетаній глагола и возвратнаго мѣстоименія особаго рода. Нѣкоторые факты заставляютъ меня признать, что въ общеславянскую эпоху возвратное мѣстоименіе входило въ составъ этихъ сочетаній не только въ формѣ винительнаго, но и въ формѣ дательнаго падежа. Ср. **сн** въ старославянскомъ, словинскомъ, чешскомъ, польскомъ язз. (ср. синтаксисъ и морѳологію Миклошича). Однако, возвратное мѣстоименіе въ дательномъ падежѣ не удержалось въ этихъ сочетаніяхъ, и, если оно встрѣчается въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, то по

значенію формы винительнаго и дательнаго тождественны (дѣло идетъ, понятно, только о словосочетаніяхъ съ извѣстнымъ значеніемъ). Отсюда ясно, почему въ славянскихъ языкахъ мы не находимъ категоріи случаевъ, соотносительныхъ съ II категоріей балтійскихъ языковъ, гдѣ мы находимъ непрямое возвратное значеніе. Однако, я думаю, нѣкогда и славянскіе языки имѣли такого рода категорію случаевъ, хотя и съ извѣстными отличіями отъ балтійскихъ языковъ. Именно, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ глаголы, имѣющіе только возвратную форму, служатъ продолженіемъ исчезнувшей изъ языка упомянутой категоріи случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, русское *бояться*, равно какъ и соотвѣтственный глаголъ балтійскихъ языковъ, получилъ возвратную форму въ непрямомъ возвратномъ значеніи, т.-е. *бояться* значило «испытывать чувство страха за себя»; равнымъ образомъ русскія «стучаться», «смотрѣться въ зеркало» первоначально могли значить «стучать себѣ», «смотрѣть себѣ» и т. п. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что въ русскихъ сочетаніяхъ типа «стучать себѣ», «смотрѣть себѣ» мы въ настоящее время должны видѣть словосочетанія уже обособившіяся, изолировавшіяся отъ однородныхъ другихъ словосочетаній, и такимъ образомъ, мы видимъ, вновь повторяется у насъ процессъ, который происходилъ, нѣкогда, въ отдаленную общеславянскую эпоху.

Извѣстнаго рода аналогію съ явленіями славянскихъ языковъ представляютъ явленія нѣмецкаго языка, гдѣ мы не находимъ возвратной формы въ спряженіи глагола, какъ извѣстной словообразовательной формы. И здѣсь, какъ и во многихъ славянскихъ языкахъ, не произошло сліянія возвратнаго мѣстоименія и глагола въ одно слово. Нѣмецкій языкъ представляетъ, однако, и отличіе отъ славянскихъ языковъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мѣстоименіе различается по формамъ ляца: ich wende mich, du wendest dich и т. д. То же явленіе мы находимъ и въ романскихъ языкахъ (ср. Meyer-Lubke, Grammatik der romanischen Sprachen, Band 3. Syntax, p. 81 sq.). Можно бы думать, что и здѣсь, и тамъ произошло оно тѣмъ путемъ, что возвратное мѣстоименіе было ограничено въ сферѣ употребленія случаями, гдѣ подлежащее было 3-го лица. Однако, причина этого явленія лежитъ, мнѣ кажется, довольно далеко въ прошломъ языка, по крайней мѣрѣ, въ первомъ случаѣ. Если въ романскихъ языкахъ мы должны дѣйствительно видѣть въ этомъ

явленіи нѣчто новое, начавшее свое существованіе еще на почвѣ народнаго латинскаго языка, то относительно германскихъ языковъ для меня представляется вопросъ, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ факта болѣе древняго, именно есть основаніе думать, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ основа возвратнаго мѣстоименія, во всякомъ случаѣ не имѣвшая еще этого значенія, служила для цѣлей такъ называемаго анафорическаго употребленія. На почвѣ германскихъ языковъ уже въ готскомъ языкѣ мы находимъ то употребленіе возвратнаго мѣстоименія, которое извѣстно и изъ современнаго нѣмецкаго языка.

Подведемъ теперь итоги тому, что сказано въ настоящей главѣ.

Славянскіе языки въ эпоху ихъ единства имѣли уже словосочетанія, состоявшія изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія, съ особыми оттѣнками значенія, выдѣлявшими ихъ изъ состава прочихъ однородныхъ сочетаній.

Возвратное мѣстоименіе входило въ составъ этихъ сочетаній не только въ винительномъ, но и въ дательномъ падежѣ; послѣднее существовало въ сравнительно немногочленныхъ случаяхъ.

Большинство славянскихъ языковъ и съ теченіемъ времени не создало словообразовательной формы глагола путемъ сліянія въ одно цѣлое упомянутыхъ выше сочетаній.

ГЛАВА VI.

Общіе выводы.

Теперь мы можемъ приступить къ разрѣшенію послѣдняго вопроса, входящаго въ планъ настоящаго изслѣдованія.

Познакомившись съ происхожденіемъ возвратной формы въ балтійскихъ языкахъ и съ аналогичными явленіями въ области языковъ славянскихъ, мы должны отвѣтить на вопросъ о томъ, въ какомъ между собою соотношеніи находятся упомянутые выше факты.

Изъ сопоставленія между собою фактовъ древнеиндійскаго и греческаго языковъ съ несомнѣнною очевидностью слѣдуетъ, что индоевропейскій праязыкъ имѣлъ особую словообразовательную форму глагола, различавшуюся въ формахъ его словоизмѣненія, такъ называемую форму средняго залога. Другіе индоевропейскіе языки сохранили болѣе или менѣе ясныя указанія на существованіе этой формы, но лишь древнеиндійскій и греческій ясыки сохранили ее въ такомъ объемѣ и въ такомъ состояніи, которые позволяютъ дѣлать заключенія о значеніи ея въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго праязыка.

Факты древнеиндійскаго и греческаго языка разобраны Дельбрюкомъ во второмъ томѣ его сравнительнаго синтаксиса (= 4 т. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von Brugmann und Delbruck). Къ сожалѣнію и по отношенію къ разбираемому вопросу авторъ уклонился отъ обобщеній, не опредѣливъ общаго значенія формы средняго залога въ индоевропейскомъ праязыкѣ.

Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Форма дѣйствительнаго залога въ обще-индо-европейскомъ глаголѣ и причастіяхъ опредѣ-

ляется въ ея значеніи отрицательно по отношенію къ формѣ средняго залога, т. е. форма дѣйствительнаго залога представляла собою по значенію отсутствіе формы средняго залога. Форма средняго залога въ обще-индо-европейскомъ языкѣ по ея происхожденію принадлежала, надо думать, глаголамъ и причастіямъ съ такими основами, которыя обозначали именно дѣйствія, а не состоянія *), и обозначала по ея происхожденію то, что предметъ мысли, являющійся субъектомъ даннаго дѣйствія, обозначаемаго основою, вмѣстѣ съ тѣмъ находится и въ другомъ отношеніи къ тому же дѣйствію, такъ что форма обще-индо-европейскаго средняго залога въ этомъ значеніи можетъ быть опредѣлена какъ форма возвратная, и при томъ не только съ прямымъ возвратнымъ значеніемъ (т. е. съ тѣмъ, которое можетъ быть выражено въ дополненіи къ глаголу формою винительнаго падежа), но и съ непрямымъ возвратнымъ значеніемъ (выраженнымъ формою дательнаго падежа). Обще-индо-европейскій глаголъ, равно какъ и причастія, въ формѣ средняго залога, кромѣ такого значенія, могъ имѣть также и другое значеніе, которое не вносилось, вѣроятно, самою формою средняго залога, но развивалось въ глаголахъ и причастіяхъ вслѣдствіе присутствія этой формы: именно глаголъ и причастія въ этой формѣ могли обозначать данный признакъ, какъ такой, который имѣетъ отношеніе только къ предмету мысли, являющемуся субъектомъ даннаго признака (значеніе непереходнаго дѣйствія или состоянія)» (изъ литографированнаго курса по спряженію 1900—1901 ак. г.).

Я вполнѣ согласенъ съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ томъ, что основнымъ значеніемъ формы средняго залога въ индоевропейскомъ праязыкѣ слѣдуетъ признать такъ называемое возвратное значеніе въ двухъ его разновидностяхъ прямомъ и непрямомъ. При этомъ я долженъ оговориться, что мнѣ нѣсколько непонятны слѣдующія слова Бругмана и тотъ выводъ, который онъ изъ нихъ дѣлаетъ: «Nichts

*) Признаками, обозначаемыми глагольными основами, могутъ быть дѣйствія и состоянія. Дѣйствія—это такіе признаки, сочетаніе которыхъ съ дѣятельностью субъекта образуется самою этою дѣятельностью, а состоянія—такіе признаки, сочетаніе которыхъ съ дѣятельностью субъекта дано уже для этой дѣятельности, т. е. произведено уже извѣстнымъ дѣйствіемъ того-ли или другого субъекта» (стр. 5).

berechtigt zu der Annahme, dass im Grundbegriff des Mediums etwas gelegen hätte, was die Kasusverhältnisse anging, ein bestimntes, dem Sprechenden vorschwebendes Kasusverhältnis zum Ausdruck brachte. Man lässt sich in dieser Beziehung wohl zu leicht durch die Vergleichung mit dem spatern, mittels bestimmter Kasus der Reflexivpronomina, gebildetem Reflexivum, wie es im Germanischen, Slavischen, Romanischen vorliegt, beeinflussen», (см. 428, стр. 4-го тома Grundriss'a). Бругманъ, очевидно, не правъ, если думаетъ, что мы допускаемъ при нашемъ опредѣленіи возвратной формы фикцію, такъ какъ, по его мнѣнію, можно найти въ медіальной формѣ и другія падежныя отношенія, напр. онъ въ видѣ примѣра находитъ въ греч. Λούομαι τὰς χεῖρας значеніе genetivus possesivus. Что касается даннаго примѣра, то мы имѣемъ несомнѣнное новообразованіе; ср. аналогичные случаи въ балтійскихъ языкахъ; такимъ же образомъ объясняются и прочіе примѣры Бругмана. Что касается его общаго положенія, то оно точно также не можетъ быть принято нами. Какимъ образомъ возникла въ индоевропейскомъ праязыкѣ форма средняго залога, остается для насъ неразрѣшимымъ вопросомъ, а, съ другой стороны, изъ сопоставленія фактовъ древнеиндійскаго и греческаго языковъ слѣдуетъ съ очевидностью, что общимъ значеніемъ этой формы залога было именно значеніе возвратное, какъ прямое, такъ и непрямое.

Съ другой стороны, я считаю возможнымъ, въ отличіе отъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, что еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ, кромѣ прямаго и непрямаго возвратнаго значенія, существовало и значеніе взаимновозвратное, развившееся здѣсь при условіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые обусловили появленіе этого значенія въ балтійскихъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи я исхожу изъ примѣровъ, собранныхъ Дельбрюкомъ на стр. 430 сл.

Далѣе, я согласенъ съ тѣмъ, что и значеніе непереходности не представляетъ собою первоначальнаго значенія индоевропейскаго *medii*, но развилось въ глаголахъ въ связи съ присутствіемъ этой формы, при чемъ на первый планъ выдвинулось не то, что субъектъ производитъ извѣстное дѣйствіе, а то, что извѣстное дѣйствіе связано съ субъектомъ.

Литовско-славянскій языкъ получилъ изъ общаго индоевропейскаго праязыка несомнѣнно и индоевропейскую форму средняго за-

лога. Съ теченіемъ времени она изчезла, и языкъ долженъ былъ прибѣгнуть къ словосочетаніямъ, состоявшимъ изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія, для того, чтобы вознаградить себя за эту утрату. Въ дальнѣйшей исторіи балтійскихъ и славянскихъ языковъ снова выработалась, по крайней мѣрѣ, частью форма залога съ знаначеніемъ, бывшимъ сперва возвратнымъ. Такимъ образомъ языкъ снова пришелъ къ тому, съ чего началъ.

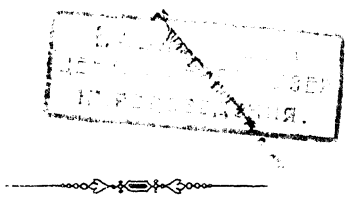
Теперь мнѣ остается еще отвѣтить на вопросъ, чѣмъ была вызвана въ литовскославянскомъ языкѣ утрата формы индоевропейскаго средняго залога.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ приходится въ исторіи языка встрѣчаться съ утратою тѣхъ или другихъ грамматическихъ формъ, мы находимъ двоякаго рода процессъ: или утрачивается характерное для данной формы значеніе, или утрачиваются характерные признаки ея образованія. Въ первомъ случаѣ бываетъ и то, что форма, утратившая свое значеніе, совпавшая по значенію съ другою формою, продолжаетъ сохраняться въ болѣе или менѣе ясныхъ остаткахъ и съ теченіемъ времени—можетъ получить новое значеніе по закону дифференціаціи значенія. Въ славянскихъ яз. напр. такія образованія какъ *несъ*, бывшія первоначально, понятно, имперфектами съ теченіемъ времени перешли въ классъ аористовъ; старый имперфектъ былъ утраченъ и его остатки слились съ образованіями аориста въ одну категорію. Далѣе, напр., ср. такой случай, какъ дифференціація по значенію въ латинскомъ яз. инфинитивовъ по формамъ дѣйствительнаго и страдательнаго залога, совпадающая съ старымъ различіемъ въ падежахъ, но не имѣющая къ нимъ прямаго отношенія.

Итакъ, по отношенію къ исторіи формы индоевропейскаго средняго залога въ литовскославянскомъ языкѣ мы должны дать отвѣтъ, чѣмъ именно была вызвана ея утрата. Я думаю, что она произошла слѣдующимъ путемъ: характерные для средняго залога личные суффиксы смѣшались съ суффиксами дѣйствительнаго залога, а въ силу этого съ теченіемъ времени утратили связанное съ ними значеніе. Затѣмъ, какъ мы видѣли раньше, (см. 2-ую главу моего изслѣдованія «Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ») старые суффиксы mediі, сохранявшіеся въ остаткахъ, получили въ балтійскихъ языкахъ въ извѣстныхъ случаяхъ новое значеніе, со-

впавшее, правда, отчасти съ старымъ значеніемъ, но не имѣющее къ нему никакого прямаго, непосредственнаго отношенія.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что утраченная литовско-славянскимъ языкомъ форма средняго залога была получена изъ индоевропейскаго праязыка съ значеніемъ возвратнаго залога, и объясняется причина, по которой первоисточникомъ новой возвратной формы стали словосочетанія, состоявшія изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія въ винительномъ и дательномъ падежахъ.



БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Corrigenda.

Прошу читать:

Стрн.	*Стрк.*		
VII	14	св.	пріемами
24	2	„	довольно
30	16	„	сравнительной
—	7	сн.	что въ этихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ
34	10	св.	жямы
41	8	„	Гейтлеру
42	4	„	принцессѣ
44	11	„	zusammenlaufen
—	14	„	аналогиченъ
46	1	„	karaliu
47	5	„	mergélė
47	6	„	заплачешь
48	15	„	ažusimilėis
—	18	„	vnt (вм. vut)
—	20	„	prisiweyzdet. . . 135
—	21	„	atsižada
51	15	„	вноситъ
54	13	сн.	Schwęskiese
57	12	св.	объекта
62	4	„	глаголамъ
64	6—7	сн.	обозначеннаго
—	10	„	обычнаго
65	16	св.	частію (вм. части)
—	1	сн.	Биленштейномъ
68	3	св.	кромѣ обычнаго еще и другое
69	8	сн.	какъ можно было бы
—	11	„	dativus
70	10	„	гдѣ играетъ
71	16	„	колыбелька,
72	1	св.	набираются,
—	14	сн.	сталкивается,
73	5	„	ситуацію
—	5	„	Такъ, въ примѣрѣ (вм. напр.)
—	4	„	несомнѣнный случай (вм. примѣръ)
—	3	„	въ отличіе отъ такого случая, (вм. примѣра)
75	5	св.	ѣдятъ
76	3	„	договорились,
79	11	„	передъ женой,
81	8	„	однородныхъ (вм. обширныхъ)
81	2	сн.	вниманіе
—	10	„	латышскомъ
82	7	св.	въ образованіи
—	17	„	которые
—	20	„	Сборникъ
83	10	сн.	нѣкогда
—	11	„	въ литовскомъ
85	2	„	категорій
—	3	„	вышеупомянутыхъ
87	3	„	гранью, которая
88	1	св.	тѣ же самые
—	9	„	такъ сказать, исторію непростыхъ
—	10	„	русскія
—	17	„	мѣстоименія
—	19	„	было (вм. тоже)
91	13	„	гласною
—	15	„	даннаго
—	1	сн.	упомянутыхъ
92	17	св.	словосочетаній
—	6	сн.	въ первоначальномъ
93	8	св.	то обстоятельство, что субъектъ
—	9	„	„мыться“,
96	2	„	мѣстоименіе,
—	3	„	судить
—	19	„	Въ цѣломъ рядѣ
—	24	„	видоизмѣненія
—	32	„	доходить (вм. снисходить)
98	11	„	слѣдовавшую
—	17	„	признакъ
99	11	сн.	Слѣдовательно
100	7	св.	морфологія
—	11	„	глаголомъ
—	16	„	морфологіи
—	13	сн.	въ изданіи Ягича
102	4	„	морфологію
103	7	„	der romanischen Sprachen,
104	4	„	немногочисленныхъ
105	14	„	языки (вм. ясыки)
107	2	св.	ein bestimmtes
—	12	„	possessivus. Что касается даннаго
—	13	„	новообразованіе;
—	24	„	Фортунатова